

АЛЕКСАНДР ДЮМА

ВИКОНТ
ДЕ БРАЖЕЛОН,
ИЛИ
ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ.
ТОМ 2

Александр Дюма
Виконт де Бражелон, или
Десять лет спустя. Том 2
Серия «Три мушкетера», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122722

Аннотация

Третий роман, отображающий события, происходящие во время правления короля Людовика XIV во Франции, из знаменитой историко-приключенческой трилогии («Три мушкетера» (1844), «Двадцать лет спустя» (1845), «Виконт де Бражелон», (1848–1850), которая связана общностью главных героев Атоса, Портоса, Арамиса и Д'Артаньяна, жаждущих романтики и подвигов.

Содержание

Часть третья	5
I. Бесполезные усилия	5
II. Безмо де Монлезен	28
III. Игра у короля	39
IV. Мелкие счета господина Безмо де Монлезена	54
V. Завтрак у господина де Безмо	71
VI. Узник второй Бертодьеры	81
VII. Две приятельницы	95
VIII. Серебро госпожи де Бельер	106
IX. Приданое	113
X. Божья земля	123
XI. Тройная любовь	133
XII. Ревность господина де Лоррена	141
XIII. Принц ревнует к де Гишу	153
XIV. Посредник	165
XV. Советчики	178
XVI. Фонтенбло	195
XVII. Купание	203
XVIII. Охота за бабочками	208
XIX. Что можно поймать, охотясь за бабочками	215
XX. Балет «Времена года»	228

XXI. Нимфы парка Фонтенбло	238
XXII. О чем говорили под королевским дубом	249
Конец ознакомительного фрагмента.	251

Александр Дюма

Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя. Том 2

Часть третья

I. Бесполезные усилия

Отправившись к де Гишу, Рауль застал у него де Варда и Маникана. После истории с дуэлью де Вард делал вид, что не знаком с Раулем.

Де Гиш встал навстречу Раулю. Горячо пожимая руку друга, Рауль бросил беглый взгляд на его гостей, стараясь угадать, чем они озабочены.

Да Вард был холоден и непроницаем. Маникан как будто весь был погружен в созерцание убранства комнаты.

Де Гиш увел Рауля в соседний кабинет и усадил его.

– Ты выглядишь молодцом! – сказал он ему.

– Странно, – отвечал Рауль, – настроение у меня весьма неважное.

– Так же как и у меня, Рауль. Любовные дела не ладятся.

– Тем лучше, граф. Я был бы очень огорчен, если бы твои

дела шли хорошо.

– Так не огорчайся. Я очень несчастлив и вдобавок вижу кругом одних счастливых.

– Не понимаю, – отвечал Рауль. – Пожалуйста, друг мой, объяснись.

– Сейчас поймешь. Я напрасно боролся со своим чувством; оно росло и постепенно захватывало меня целиком. Я вспоминал твои советы, призывал на помощь все свои силы; я хорошо понимал, на что я иду. Это гибель, я знаю. Но пусть! Я все-таки пойду вперед.

– Безумец! Ведь первый же шаг погубит тебя.

– Пусть будет что будет.

– Однако ты рассчитываешь на успех, ты думаешь, что принцесса полюбит тебя!

– Я не уверен, Рауль, но надеюсь, потому что без надежды жить невозможно.

– Но допустим, ты добьешься счастья, ведь тогда ты уж наверняка погибнешь.

– Умоляю тебя, Рауль, не спорь со мной, ты меня не переубедишь: я не хочу этого. Я так долго добивался, что уже не могу отступить, я так сильно страдал, что смерть показалась бы мне благодеянием. Я не только безумно влюблен, Рауль, меня терзает также неистовая ревность.

Рауль сжал кулаки; можно было подумать, что его охватил гнев.

– Ну хорошо! – сказал он.

– Хорошо или плохо – мне все равно. Вот чего я хочу от тебя, моего друга, моего брата. Последние три дня принцесса в непрерывном опьянении от восторга. В первый день я не решался взглянуть на нее, – я ненавидел ее за то, что она не страдает, подобно мне. На другой день я не мог отвести от нее глаз, и она, я это заметил... она, Рауль, смотрела на меня если не с состраданием, то с некоторой благосклонностью. Но между нами встал третий; чья-то улыбка вызывает ее улыбку. Рядом с ее лошастью постоянно скачет лошадь другого, над ее ухом постоянно звучит ласковый голос другого. Рауль, моя голова пылает все эти три дня, в моих жилах разливается огонь. Я должен прогнать эту тень, потушить эту улыбку, заглушить этот голос!

– Ты собираешься убить принца? – воскликнул Рауль.

– Нет, нет! К принцу я не ревную; я ревную не к мужу, а к любовнику.

– К любовнику?

– Да... А разве ты теперь ничего не замечаешь? В дороге ты был более проницателен.

– Ты ревнуешь к герцогу Бекингэму?

– Я умираю от ревности!

– Опять?

– О, на этот раз дело легко уладить, я уже послал ему письмо.

– Так это ты ему писал?

– А ты почему знаешь?

– Он сам сообщил мне. Вот, смотри.

И Рауль протянул де Гишу письмо, полученное им почти в одно время с письмом друга. Де Гиш с жадностью прочитал его и заметил:

– Это письмо благородного и, главное, учтивого человека.

– Конечно, герцог – человек воспитанный. Надеюсь, твое письмо составлено в таких же выражениях.

– Я покажу тебе мое письмо, если ты пойдешь к нему от моего имени.

– Но это почти невозможно.

– Почему?

– Герцог обращается ко мне за советами так же, как и ты.

– Да, но, надеюсь, ты мне отдашь предпочтение. Послушай, вот что я попрошу тебя сказать герцогу... Это нетрудно... В один из ближайших дней: сегодня, завтра, послезавтра – словом, когда ему будет угодно, я желал бы встретиться с ним в Венсенском лесу.

– Герцог – иностранец. Да и особое его положение не позволяет ему принять вызов... Вспомни, что Венсенский лес расположен совсем недалеко от Бастилии.

– Последствия касаются только меня.

– Но повод к этой встрече... Какой я выставлю повод?

– Будь спокоен, он тебя не спросит об этом... Я так же раздражаю герцога, как и он меня. Прошу тебя, походи к герцогу; я готов упрашивать его принять мой вызов.

– Это лишнее... Герцог предупредил меня, что хочет по-

говорить со мной. Он на карточной игре у короля... Пойдем туда. Я вызову его в галерею. Ты же держись в стороне. Мне достаточно будет двух слов.

– Ну так идем!

По дороге Рауль, который один только знал тайны обеих сторон, обдумывал, как бы устроить их примирение.

Войдя в залитую светом галерею, где, точно звезды на небесном своде, двигались самые прославленные придворные красавицы, Рауль на мгновение забыл о де Гише и загляделся на Луизу. Находясь среди своих подруг, она, точно зачарованная голубка, не сводила глаз с блестящей группы, окружавшей короля.

В десяти шагах от принца герцог Бекингэм пленял французов и англичан своим величественным видом и роскошью наряда.

Кое-кто из старых придворных вспоминал его отца, но это воспоминание было не во вред сыну.

Бекингэм разговаривал с Фуке. Фуке рассказывал ему что-то о Бель-Иле.

– Сейчас я не могу подойти к нему, – заметил Рауль.

– Подожди удобного момента, но, пожалуйста, кончим сегодня. Я весь горю.

– Вот кто нам поможет, – сказал Рауль, завидев д'Артаньяна в новом блестящем мундире капитана мушкетеров.

И Рауль направился к д'Артаньяну.

– Вас искал граф де Ла Фер, шевалье, – сказал он.

– Я только что с ним говорил, – ответил д'Артаньян, рассеянно оглядываясь кругом.

Вдруг взор его стал напряженным, как у орла, заметившего добычу.

Рауль проследил за направлением его взгляда и увидел, что де Гиш кланяется д'Артаньяну. Но он не мог разобрать, на кого был обращен пыливый и надменный взгляд капитана.

– Шевалье, – сказал Рауль, – вы могли бы оказать мне большую услугу.

– Какую, милый виконт?

– Мне нужно сказать два слова герцогу Бекингэму, но он разговаривает с господином Фуке, и мне, конечно, невозможно вмешаться в их беседу.

– Вот как! С господином Фуке? Господин Фуке здесь? – спросил д'Артаньян.

– Разве вы не видите? Вон там.

– Так ты думаешь, что мне удобнее подойти к нему, чем тебе?

– Вы человек более значительный.

– Да, это правда. Я капитан мушкетеров. Этот чин я получил так недавно, что постоянно забываю о нем.

– Смотрите, он глядит на вас... если я не ошибаюсь.

– Нет, нет, не ошибаешься, именно мне он оказывает эту честь.

– Так теперь самая подходящая минута.

– Ты думаешь?

– Пожалуйста, пойдите.

– Иду.

Де Гиш не спускал глаз с Рауля; тот сделал ему знак, что дело улажено.

Д'Артаньян направился прямо к группе, окружавшей герцога, и вежливо раскланялся с г-ном Фуке и остальными.

– Здравствуйте, господин д'Артаньян. Мы беседовали о Бель-Иле, – начал Фуке непринужденным тоном светского человека, которым многие не могут овладеть за всю жизнь.

– О Бель-Иле? Вот как! – удивился д'Артаньян. – Ведь он принадлежит вам, господин Фуке?

– Господин Фуке сейчас только сказал мне, что он подарил его королю, – заметил Бекингэм. – Очень рад вас видеть, господин д'Артаньян.

– А вы знаете Бель-Иль, шевалье? – спросил мушкетера Фуке.

– Я был там только раз, сударь, – любезно отвечал д'Артаньян.

– И долго там пробыли?

– Один день, монсеньор.

– Что же вы там видели?

– Все, что можно увидеть в течение одного дня.

– С вашими глазами, сударь, за день можно увидеть много. В это время Рауль сделал знак Бекингэму.

– Господин суперинтендант, – сказал Бекингэм, – остав-

ляю вам вместо себя капитана, который лучше меня разбирается в бастионах, эскарпах, контрэскарпах; меня зовет приятель.

И Бекингэм направился к Раулю, остановившись по дороге у стола, за которым играли принцесса, королева-мать, молодая королева и король.

– Смотри, Рауль, – подтолкнул друга де Гиш. – Вот он... поспеши.

Сказав комплимент принцессе, Бекингэм снова двинулся к Раулю. Рауль пошел к нему навстречу. Де Гиш остался на месте и внимательно наблюдал.

В тот момент, когда они должны были встретиться, к герцогу Бекингэму подошел принц.

На его накрашенных губах играла очаровательная улыбка.

– Боже мой! – произнес он с дружеской любезностью. – Что я слышал, милый герцог?

Бекингэм оглянулся; он не заметил, как подошел принц.

Герцог невольно вздрогнул. Легкая бледность покрыла его щеки.

– Что же вы слышали, ваше высочество? – спросил он. – Что так поразило вас?

– Даже привело в отчаяние, сударь! – отвечал принц. – Это известие огорчит весь двор.

– Ваше высочество очень благосклонны ко мне, – поклонился Бекингэм. – Я догадываюсь, что речь идет о моем отъезде.

– Именно.

– Увы, ваше высочество, я в Париже всего пять-шесть дней, и мой отъезд может огорчить только меня.

Де Гиш услышал эту фразу и, в свою очередь, вздрогнул.

– Его отъезд! – пробормотал он. – Что он говорит?

Филипп продолжал прежним любезным тоном:

– Я вполне понимаю, что король Великобритании призывает вас, сударь; всем известно, что его величество Карл Второй не может обойтись без вас. Но и мы не можем так легко расстаться с вами. Примите же выражение моего искреннего сожаления.

– Ваше высочество, – сказал герцог, – поверьте мне, я покидаю французский двор...

– Потому, что такова воля короля, я понимаю. Но если вы думаете, что мое желание имеет какой-нибудь вес у короля, то я берусь упросить его величество Карла Второго оставить вас во Франции еще на некоторое время.

– Я крайне польщен, ваше высочество, – отвечал Бекингэм. – Но я получил категорический приказ. Я не могу дольше оставаться во Франции, я и так уже просрочил время и рискую вызвать неудовольствие моего государя. Только сегодня я вспомнил, что должен был уехать уже четыре дня назад.

– Вот как! – воскликнул принц.

– Да, – прибавил Бекингэм, возвышая голос настолько, чтобы его могли слышать принцесса и королевы. – Но я по-

хож на того восточного человека, который увидел чудесный сон и на несколько дней потерял рассудок. А в одно прекрасное утро проснулся здоровым, то есть в здравом рассудке. Французский двор опьяняет, как этот сон, ваше высочество, но в конце концов нужно проснуться и уехать. Я не могу более оставаться здесь, как вы любезно предлагаете мне, ваше высочество.

– Когда же вы едете? – заботливо спросил Филипп.

– Завтра, ваше высочество... Уже три дня мои экипажи готовы.

Принц склонил голову, точно желая сказать: «Что ж, если это дело решенное, герцог, говорить больше не о чем».

Бекингэм посмотрел на королев; Анна Австрийская взглядом одобрила его.

Бекингэм улыбнулся в ответ, скрывая улыбкой сердечное волнение.

Принц удалился.

Но в эту минуту с другой стороны залы к герцогу направился де Гиш.

Рауль испугался, что нетерпеливый юноша может сам сделать вызов, и бросился к нему навстречу.

– Нет, нет, Рауль, теперь тебе нечего беспокоиться, – сказал де Гиш, протягивая герцогу обе руки и увлекая его за колонну.

– О герцог, герцог! – воскликнул он. – Простите меня за мое письмо: я был сумасшедший. Отдайте мне его.

– Это правда, – отвечал молодой герцог с грустной улыбкой. – Вам не за что сердиться на меня. Ведь я покидаю ее и больше не увижу никогда.

Услышав эти по-дружески звучащие слова, Рауль понял, что его присутствие излишне, и отошел в сторону.

Он столкнулся с де Вардом, который говорил с шевалье де Лорреном об отъезде Бекингэма.

– Весьма своевременный отъезд, – заметил де Вард.

– Почему?

– Потому, что он предохраняет милого герцога от удара шпаги.

И они расхохотались.

Рауль с негодованием отвернулся, нахмутив брови и вспыхнув до корней волос.

Шевалье де Лоррен куда-то ушел, де Вард спокойно ждал.

– Милостивый государь, – обратился Рауль к де Варду, – вы всё не можете отучиться от привычки оскорблять отсутствующих. Вчера вы задели господина д'Артаньяна, сегодня нападаете на герцога Бекингэма.

– Милостивый государь, – отвечал де Вард, – вы отлично знаете, что иногда я оскорбляю и присутствующих.

Де Вард почти касался плечом Рауля. Они обменивались ненавидящими взглядами.

Вдруг около них раздался изысканно вежливый голос:

– Мне послышалось, будто здесь назвали мое имя?

Рауль и де Вард обернулись. Это был д'Артаньян; он с

улыбкой положил руку на плечо де Варда. Рауль отступил, чтобы дать место мушкетеру. Де Вард задрожал всем телом, побледнел, но не сделал ни одного шага.

Д'Артаньян, продолжая улыбаться, стал рядом с де Вардом.

– Спасибо, милый Рауль, – сказал он. – Господин де Вард, я хотел бы поговорить с вами. Не уходите, Рауль; все могут слышать то, что я хочу сказать господину де Варду.

Улыбка исчезла с его лица, взгляд стал холодным и острым, как стальной клинок.

– Я к вашим услугам, сударь, – промолвил де Вард.

– Милостивый государь, – продолжал д'Артаньян, – я давно ищу возможности поговорить с вами, но это случилось только сегодня. Правда, место не особенно удобное. Но, может быть, вы сооблаговолите пройти ко мне? Это совсем близко.

– Слушаю, сударь, – сказал де Вард.

– Вы здесь один? – спросил д'Артаньян.

– Нет, со мной господа Маникан и де Гиш, двое моих друзей.

– Хорошо, – одобрил д'Артаньян. – Но двоих мало. Вы найдете еще кого-нибудь, не правда ли?

– Конечно, – сказал молодой человек, не понимая, чего хочет д'Артаньян. – Сколько вам угодно.

– Друзей?

– Да, сударь.

– Так запаситесь ими, пожалуйста. Подойдите и вы, Рауль. Приведите также господина де Гиша и герцога Бекингэма.

– Боже мой, сударь, сколько шуму, – отвечал де Вард, принужденно улыбаясь.

Капитан сделал знак, призывавший его к терпению, и направился в свою комнату, где сидел в ожидании граф де Ла Фер.

– Ну что? – спросил он, завидев д'Артаньяна.

– Господин де Вард оказывает мне честь своим визитом в обществе нескольких своих и наших друзей.

Действительно, вслед за мушкетером показались де Вард и Маникан. За ними шли де Гиш и Бекингэм, удивленные, не понимая, чего от них хотят. Последним вошел Рауль с несколькими придворными. Заметив графа, он встал подле него.

Д'Артаньян принял гостей как нельзя более любезно. Извинившись перед каждым за причиненное им беспокойство, он повернулся к де Варду, который, несмотря на все свое самообладание, не мог скрыть удивления, смешанного с тревогой.

– Милостивый государь, – начал д'Артаньян, – теперь, когда мы не в королевском дворце и можем говорить громко, не нарушая приличий, я сообщу вам, почему я взял на себя смелость пригласить вас и всех этих господ. Я узнал от графа де Ла Фер, моего друга, что вы распространяете обо мне оскорбительные слухи; мне сказали, что вы считаете меня

своим смертельным врагом на том основании, что я будто бы был врагом вашего отца.

– Это правда, милостивый государь, я говорил это, – отвечал де Вард, и его бледность сменилась легким румянцем.

– Итак, вы обвиняете меня в преступлении или в низости? Прошу вас точнее формулировать ваше обвинение.

– При свидетелях, милостивый государь?

– Разумеется, при свидетелях; вы видите, что я нарочно выбрал их судьями в деле чести.

– Вы не цените моей деликатности, милостивый государь. Я обвинял вас, это правда, но подробности своего обвинения я держал в тайне. Я довольствовался тем, что выражал свою ненависть перед людьми, которые не могли не сообщить вам о ней. Вы не приняли в расчет моей сдержанности, хотя и были заинтересованы в моем молчании. Я не узнаю вашего обычного благоразумия, господин д'Артаньян.

Д'Артаньян стал кусать усы.

– Милостивый государь, – сказал он, – я уже имел честь просить вас точнее формулировать обвинение, возводимое вами на меня.

– Вслух?

– Разумеется.

– Даже если речь идет о постыдном поступке?

– Непременно.

Свидетели этой сцены стали было тревожно переглядываться, но, видя, что д'Артаньян не обнаруживает никакого

волнения, успокоились.

Де Вард хранил молчание.

– Говорите, милостивый государь, – попросил мушкетер. – Вы видите, все ждут.

– Ну так слушайте. Мой отец любил одну женщину, одну благородную женщину, и эта женщина любила отца.

Д'Артаньян переглянулся с Атосом.

Де Вард продолжал:

– Господин д'Артаньян перехватил письма, в которых назначалось свидание, и, переодевшись, явился вместо того, кого ожидали; затем он воспользовался темнотой...

– Это правда, – подтвердил д'Артаньян.

По комнате пробежал легкий ропот.

– Да, я совершил этот дурной поступок. Вы должны были бы прибавить, милостивый государь, если уж вы так беспристрастны, что в то время, когда произошло это событие, мне не было еще двадцати одного года.

– Поступок тем не менее постыдный, – сказал де Вард. – Для совершеннолетнего дворянина такая неделикатность непростительна.

Снова раздался ропот, в котором теперь слышалось удивление и даже сомнение.

– Это была скверная выходка, – согласился д'Артаньян. – Не дожидаясь упреков господина де Варда, я сам горько упрекал себя за нее. С годами я стал рассудительнее и честнее, и я искупил свою вину долгими сожалениями. Обра-

щаюсь к вашему суду, господа. Дело происходило в тысяча шестьсот двадцать шестом году, в такие времена, о которых вы, господа, знаете только по рассказам, – времена, когда любовь была неразборчива в средствах, а совесть не служила, как теперь, источником отрады и мук. Мы были молодыми солдатами, вечно в боях, вечно с обнаженными шпагами. Каждую минуту нам угрожала смерть; война делала нас грубыми, а кардинал заставлял торопиться. Словом, я раскаялся в своем поступке; больше того, я и до сих пор раскаиваюсь в нем, господин де Вард.

– Это понятно, сударь, такой поступок не мог не вызвать раскаяния. Тем не менее вы погубили женщину. Та, о которой вы говорите, не вынесла стыда и обиды, бежала из Франции, и с тех пор никому не известно, что с ней случилось.

– Вы ошибаетесь, – мрачно усмехнулся граф де Ла Фер, протянув руку к де Варду, – ее видели, милостивый государь, и среди нас есть даже люди, которые узнают ее по моему описанию. Это была двадцатипятилетняя худенькая и бледная блондинка, которая была замужем в Англии.

– Замужем? – спросил де Вард.

– Разве вы не знали этого? Видите, мы лучше вас осведомлены, господин де Вард. Известно ли вам, что ее называли обыкновенно миледи, не прибавляя к этому титулу никакого имени?

– Да, сударь, я это знаю.

– Боже мой! – прошептал Бекингэм.

– Итак, эта женщина, родом из Англии, вернулась в Англию, после того как три раза устраивала заговоры против господина д'Артаньяна. По-вашему, она была права? Согласен, ведь господин д'Артаньян оскорбил ее. Но нехорошо то, что в Англии эта женщина соблазнила одного молодого человека, по имени Фелтон, находившегося на службе у лорда Винтера. Вы побледнели, милорд Бекингэм? Ваши глаза зажглись гневом и скорбью? В таком случае закончите эту повесть, милорд, и скажите господину де Варду, кто была эта женщина, вложившая нож в руку убийцы вашего отца.

Все вскрикнули. Герцог вытер платком лоб.

На некоторое время воцарилось глубокое молчание.

– Вы видите, господин де Вард, – сказал д'Артаньян, на которого рассказ этот произвел тем большее впечатление, что слова Атоса пробудили в нем живые воспоминания, – вы видите, не я был причиной гибели этой женщины, потому что душа ее давно уже погибла. Теперь, когда все разъяснено, мне остается, господин де Вард, смиренно попросить у вас прощения за этот постыдный поступок, как я, наверное, попросил бы его у вашего отца, если бы он был жив, когда я вернулся во Францию после казни Карла Первого.

– Это слишком, господин д'Артаньян! – воскликнули присутствующие.

– Нет, господа, – сказал капитан. – Теперь, господин де Вард, надеюсь, между нами все кончено. И вам больше не придется распространять порочащие меня слухи. Наши сче-

ты сведены, не правда ли?

Де Вард поклонился, что-то пробормотав.

– Надеюсь также, – продолжал д'Артаньян, подходя к молодому человеку, – что впредь вы вообще откажетесь от своей дурной привычки злословить. Ведь если вы настолько совестливы и щепетильны, что ставите в вину мне, старому солдату, спустя тридцать пять лет, глупую юношескую выходку, – если, повторяю, вы выступаете таким рыцарем чести, то этим самым вы берете на себя обязательство никогда со своей стороны не совершать ничего противного совести и чести. Поэтому берегитесь, чтобы до моих ушей не дошла какая-нибудь история, в которой будет замешано ваше имя.

– Милостивый государь, – покраснел де Вард, – ваши угрозы излишни.

– Я еще не кончил, господин де Вард! – перебил его д'Артаньян. – Вам придется выслушать меня.

Кружок сомкнулся теснее.

– Вы только что говорили во всеуслышание о чести одной женщины и вашего отца. Это звучало очень хорошо. Приятно думать, что у наших детей есть та порядочность и деликатность, которой, видимо, недоставало нам. Приятно, что молодой человек в том возрасте, когда обыкновенно стремятся похитить честь женщины, наоборот, уважает и защищает эту честь.

Де Вард сжал губы и стиснул кулаки. По-видимому, ему было непонятно, куда клонит д'Артаньян свою речь, начало

которой не обещало ничего хорошего.

– Как же в таком случае вы могли позволить себе, – продолжал д'Артаньян, – сказать виконту де Бражелону, что он не знает своей матери?

Глаза Рауля сверкнули.

– Это мое личное дело, шевалье! – воскликнул он, выступая вперед.

Де Вард злобно усмехнулся.

д'Артаньян отстранил Рауля рукой.

– Не перебивайте меня, молодой человек! – продолжал он, не сводя с де Варда властного взгляда. – Я затронул здесь вопрос, который не разрешается шпагой. Мы обсуждаем его среди людей чести, не раз обнажавших шпагу. Для этого я нарочно призвал их сюда. Эти господа знают, что тайна, из-за которой дерутся, перестает быть тайной. Итак, я повторяю свой вопрос господину де Варду: зачем вы оскорбили этого молодого человека, задев его отца и мать?

– Но мне кажется, – отвечал де Вард, – что мы вольны говорить все, что угодно, если можем подтвердить свои слова всеми средствами, находящимися в распоряжении порядочного человека.

– Какие же есть у порядочного человека средства подтвердить оскорбление?

– Шпага.

– Вы грешите не только против логики, но и против религии и чести. Вы рискуете жизнью нескольких людей, не

считая вашей, которая, мне кажется, подвергается большой опасности. Чтобы быть последовательным, с вашими рыцарскими идеями, вы должны сейчас извиниться перед господином де Бражелоном. Вы скажете ему, что легкомысленно его оклеветали, что благородство и чистота его происхождения сказываются во всех его поступках. Вы сделаете это, господин де Вард, как сделал только что я, старый капитан, перед вами, молокососом.

– А если не сделаю? – спросил де Вард.

– Тогда случится...

– Случится то, чему вы думаете помешать, – улыбаясь, сказал де Вард. – Ваша логика приведет прямо к поединку, запрещенному королем.

– Нет, милостивый государь, – спокойно остановил его капитан, – вы заблуждаетесь.

– Так что же случится?

– То, что я пойду к королю, который относится ко мне хорошо, – я имел счастье оказать ему некоторые услуги в те времена, когда вас еще не было на свете, и еще недавно, по моей просьбе, король прислал мне подписанный, но незаполненный приказ на имя господина Безмо де Монлезена, коменданта Бастилии, – я скажу королю: «Государь, один человек низко оскорбил господина де Бражелона, задев честь его матери. Я написал имя этого человека на приказе, который ваше величество сооблаговолили дать мне, и таким образом господин де Вард отсидит в Бастилии три года». – И

д'Артаньян, вынув из кармана подписанный королем приказ, протянул его де Варду.

Видя, что молодой человек принимает его слова за шутку, он пожал плечами и спокойно направился к столу, где стояла чернильница с гигантским пером, которое устрасило бы даже Портоса.

Тогда де Вард понял, что это была не пустая угроза. В те времена Бастилия была пугалом для всех. Он сделал шаг по направлению к Раулю и еле слышно произнес:

– Сударь, я приношу вам извинения, продиктованные мне только что господином д'Артаньяном. Я вынужден это сделать.

– Погодите, погодите, господин де Вард, – перебил его мушкетер с самым невозмутимым спокойствием, – ваши выражения неудачны. Я не говорил: «Я вынужден принести вам извинения». Я сказал: «Моя совесть побуждает меня принести вам извинения». Так будет лучше, поверьте, тем более что эта фраза будет точнее выражать ваши чувства.

– Я подписываюсь под ней, – сказал де Вард, – но, право, господа, согласитесь, что лучше подставить себя под удар шпаги, чем подвергаться подобной тирании.

– Нет, сударь, – заметил Бекингэм, – потому что удар шпаги не доказывает, правы вы или виноваты; он свидетельствует только о степени вашей ловкости.

– Милостивый государь! – воскликнул де Вард.

– Вы опять собираетесь сказать какую-нибудь гадость? –

перебил его д'Артаньян. – Лучше помолчите!

– Все, сударь? – спросил де Вард.

– Все, – ответил д'Артаньян, – эти господа и я удовлетворены.

– Поверьте, сударь, – сказал де Вард, – что ваша попытка помирить нас очень неудачна.

– Почему?

– Потому что мы расстаемся с господином де Бражелоном еще большими врагами, чем были прежде.

– Относительно меня вы ошибаетесь, сударь, – возразил Рауль, – у меня не осталось ни малейшей злобы против вас.

Де Вард был совсем уничтожен. Он обвел комнату помутившимся взором.

Д'Артаньян любезно поклонился придворным, согласившимся присутствовать при объяснении, и все разошлись, пожав ему руку.

Никто даже не взглянул на де Варда.

– Неужели я не найду никого, на ком бы я мог выместить свою обиду? – в бешенстве воскликнул молодой человек.

– Найдете, сударь, – шепнул ему на ухо голос, дышавший угрозой.

Де Вард оглянулся и заметил герцога Бекингэма, который, видимо, нарочно отстал от других.

– Вы, сударь? – вскричал де Вард.

– Да, я. Я не подданный французского короля и не остаюсь на французской территории, так как уезжаю в Англию.

У меня накопилось довольно горечи и злобы, и я тоже не прочь, подобно вам, выместить их на ком-нибудь. Принципы господина д'Артаньяна мне очень нравятся, но я не склонен применять их к вам. Я англичанин и предлагаю вам то самое, что вы безуспешно предлагали другим.

– Герцог!

– Итак, дорогой де Вард, если вас душит злоба, обратите ее на меня. Через тридцать четыре часа я буду в Кале. Поедем вместе, вдвоем дорога не будет казаться такой длинной. Мы обнажим шпаги на морском берегу, который заливают прилив. Каждый день шесть часов берег принадлежит Франции, а другие шесть – богу.

– Хорошо, – согласился де Вард, – я принимаю ваш вызов.

– Если вы меня убьете, – сказал герцог, – то вы, право, окажете мне, дорогой де Вард, большую услугу.

– Сделаю все, что в моих силах, чтобы доставить вам удовольствие, герцог, – ответил де Вард.

– Я ваш покорный слуга, господин де Вард. Завтра утром мой камердинер сообщит вам, в котором часу я уезжаю. Мы поедем вместе, как два приятеля. Я люблю быструю езду. Прощайте.

Бекингэм поклонился де Варду и вернулся к королю.

Де Вард в сильном раздражении вышел из дворца и направился прямо домой.

II. Безмо де Монлезен

Дав урок де Варду, Атос и д'Артаньян спустились во двор.

– Знаете, – сказал Атос д'Артаньяну. – Раулю все равно не избежать дуэли с де Вардом: де Вард храбр и зол.

– Я знаю эту семейку, – ответил д'Артаньян, – мне пришлось немало повозиться с папенькой. Ну, доложу я вам, задал мне этот папенька работы, хотя мускулы у меня в то время были здоровые и уверенности в себе хоть отбавляй. Право, стоило поглядеть, как я с ним расправился. Ах, мой друг, нынче уж никто не делает таких выпадов; у меня рука ни минуты не оставалась в покое.

Впрочем, вы видели меня, Атос, за работой. Шпага у меня была точно змея, извивалась во все стороны, чтобы ужалить побольнее. Ни один человек не мог бы устоять против такого натиска. А де Вард-отец долгонько помучил меня: помню, к концу схватки у меня сильно устала рука.

– Вот я и говорю вам, – продолжал Атос, – де Вард-сын непременно будет искать встречи с Раулем и добьется своего. Рауль уклоняться не станет.

– Не спорю, мой друг, но Рауль малый сметливый. Он сказал, что не сердится на де Варда: он выждет, когда де Вард его вызовет, тогда все преимущества будут на его стороне. Король не рассердится; к тому же мы найдем средство его успокоить. Но откуда у вас эти страхи? Ведь вы человек, ко-

того не так легко встревожить.

– Да как же не волноваться! Рауль идет завтра к королю, который объявит ему свою волю по поводу его женитьбы. Рауль влюблен и будет в бешенстве, а если в этом состоянии он встретит де Варда, неминуемо произойдет взрыв.

– Мы этого не допустим, дорогой друг.

– Только не я, я хочу вернуться в Блуа. Все эти фальшивые придворные манеры, эти интриги мне противны. Я вышел уже из возраста, когда миришься с этой пошлостью. Словом, в Париже, когда вас нет со мной, мне скучно. А так как вы не можете быть со мной постоянно, то я и решил уехать.

– Как вы не правы, Атос! Не того требуют ваше происхождение и ваши дарования. Люди вашего закала не вправе зарывать в землю свой талант. Взгляните на мою старую ла-рошельскую шпагу, на ее испанский клинок; она верой и правдой служила мне тридцать лет, пока не упала однажды на мраморные ступеньки Лувра и не сломалась. Мне сделали из нее охотничий нож, который послужит еще сто лет. С вашей честностью, искренностью, мужеством, хладнокровием и образованием вы, Атос, самый подходящий советник и руководитель королей. Оставайтесь; господин Фуке не так долговечен, как мой испанский клинок.

– Нет, дорогой мой, – с улыбкой отвечал Атос, – мое честолюбие простирается гораздо дальше, дружище. Быть министром, быть рабом? Полно! Разве я не выше всех этих министров? Помню, вы иногда называли меня великим Атосом.

Если бы я был министром, быюсь об заклад, вы этого не говорили бы. Нет, нет, я на это не пойду!

– В таком случае прекратим этот разговор. – И д'Артаньян крепко пожал руку Атосу. – Не беспокойтесь. Рауль может обойтись и без вас – я в Париже.

– Так я еду в Блуа. Сегодня вечером я с вами распрощаюсь, а завтра чуть свет уже буду скакать верхом.

– Как же вы пойдете один в гостиницу? Почему вы не взяли с собой Гримо?

– Гримо спит; он рано ложится. Мой старик быстро устает. Я берегу его.

– Я дам вам мушкетера, который будет освещать дорогу факелом. Эй, кто-нибудь, сюда!

На его зов явился человек семь мушкетеров.

– Не найдется ли среди вас охотников проводить графа де Ла Фер?

– Я с удовольствием проводил бы, – отозвался кто-то, – если бы мне не нужно было переговорить с господином д'Артаньяном.

– Кто это? – спросил д'Артаньян, стараясь в темноте разглядеть говорившего.

– Я, любезнейший д'Артаньян.

– Господи, да это голос Безмо!

– Его самого, сударь.

– Что же вы делаете на дворе, дорогой Безмо?

– Ожидаю ваших распоряжений, любезнейший д'Арта-

ньян.

– Ах, как это досадно! – вздохнул д'Артаньян. – Правда, я сообщил вам, что надо принять арестанта, но зачем же вы пришли сами?

– Мне нужно с вами переговорить.

– И вы не предупредили меня?

– Я ожидал, – робко протянул г-н Безмо.

– Так я пойду. До свидания, д'Артаньян, – простился Атос со своим другом.

– Разрешите прежде познакомиться вас с господином Безмо де Монлезеном, комендантом Бастилии.

Безмо поклонился. Атос ответил на поклон.

– Это Безмо, дорогой мой, тот самый королевский гвардеец, с которым, помните, мы кутили когда-то во времена кардинала.

– Как же, отлично помню, – сказал Атос, дружески прощаясь с ними.

– Граф де Ла Фер, по прозвищу Атос, – шепнул д'Артаньян на ухо Безмо.

– Да, да, обходительный человек, один из знаменитой четверки, – кивнул Безмо.

– Именно. Но в чем же дело, дорогой Безмо? Кстати, король оставил мысль об аресте.

– Тем хуже, – вздохнул Безмо.

– Как, тем хуже? – со смехом воскликнул д'Артаньян.

– Разумеется, – объяснил комендант Бастилии, – ведь за-

ключенные – это мой доход.

– А ведь правда! Я не смотрел на вещи с этой точки зрения.

– Вот у вас, – продолжал Безмо, – завидное положение: вы капитан мушкетеров.

– Недурное. Но вам, право, нечего завидовать мне: вы комендант Бастилии – первой тюрьмы во Франции.

– Я это хорошо знаю, – печально промолвил Безмо.

– Каким, однако, унылым голосом вы это сказали. Давайте поменяемся местами. Хотите?

– Не огорчайте меня, господин д'Артаньян. Однако я желал бы поговорить с вами с глазу на глаз.

– Тогда возьмите меня под руку, и пройдемся: луна так славно светит, вы мне поведаете ваши печали в дубовой аллее. Пошли!

И д'Артаньян увлек приунывшего коменданта в глубину двора, заговорив с ним грубовато-ласковым тоном:

– Ну-ка, смелее выкладывайте, что вы собирались сообщить мне, Безмо!

– Это длинная история.

– Что же, вы предпочитаете хныкать? Но это будет еще дольше. Держу пари, что вы получаете тысяч пятьдесят ливров с ваших бастильских птичек.

– Вашими бы устами да мед пить, дорогой д'Артаньян.

– Удивляете вы меня, Безмо! Вы прикидываетесь бог знает каким сиротой, а дайте-ка я подведу вас к зеркалу! По-

смотрите, какой вы цветущий, упитанный да круглый, точно сыр голландский. Ведь вам уже годочков шестьдесят, а не дашь и пятидесяти.

– Все это так...

– Черт побери! Я-то знаю, что это так же верно, как и ваши пятьдесят тысяч ливров дохода, – добавил д'Артаньян.

Низенький Безмо топнул ногой.

– Пойдите, – вскричал д'Артаньян, – я вам сейчас докажу: в Бастилии, я полагаю, вы сыты, помещение казенное, вы получаете шесть тысяч ливров жалованья.

– Допустим.

– Да заключенных ежегодно человек пятьдесят, из которых каждый приносит вам по тысяче ливров.

– И с этим я не спору.

– Вот вам пятьдесят тысяч в год. Вы уже три года в должности, следовательно, у вас теперь полтораста тысяч ливров.

– Вы упускаете из виду одну мелочь, дорогой д'Артаньян.

– Какую же?

– А ту, что вы получили свою должность, так сказать, из собственных рук короля.

– Ну да!

– А я получил свое место коменданта через господ Трамбле и Лувьера.

– Это верно. Трамбле не такой человек, чтобы предоставить вам место даром.

– Да и Лувьер тоже. В результате мне пришлось выдать

семьдесят пять тысяч ливров Трамбле да столько же Лувьеру.

– Ах, черт побери, значит, сто пятьдесят тысяч ливров попали в их руки?

– Именно.

– А еще что?

– Пятнадцать тысяч экю, или пятьдесят тысяч пистолей, как вам будет угодно, платеж в три срока, – доходы за три года, как бы в доказательство моей признательности.

– Да это чудовищно!

– Еще не все.

– Что вы?

– Если я не выполню хоть одного из этих условий, эти господа тотчас же снова занимают должность. Сделка подписана королем.

– Невероятно!

– Представьте себе.

– Мне жаль вас, бедняга Безмо. Но в таком случае, друг мой, зачем господин Мазарини оказал вам такую разорительную милость? Было бы проще отказать.

– Да, конечно, но его упросил мой покровитель.

– Ваш покровитель? Кто же это такой?

– Как кто? Ваш приятель, господин д'Эрбле.

– Господин д'Эрбле? Арамис?

– Он самый – Арамис. Он был очень любезен со мной.

– Любезен! Заставив вас принять такие условия?

– Видите ли, я хотел бросить службу у кардинала. Господин д'Эрбле замолвил за меня словечко Лувьеру и Трамбле; они стали упираться, мне же очень улыбалось это место, так как я знаю, что оно может дать. И вот я чистосердечно поведал свое горе господину д'Эрбле; тот предложил поручиться за меня во всех этих платежах.

– Как, Арамис? Вы меня огорошили! Арамис поручился за вас?

– Да, он был чрезвычайно предупредителен. Он добился подписи; Трамбле и Лувьер ушли в отставку – я обязался платить ежегодно по двадцати пяти тысяч ливров в пользу каждого из этих господ, и ежегодно в мае месяце господин д'Эрбле лично являлся в Бастилию и привозил мне по две тысячи пятьсот пистолей для вручения моим крокодилам.

– Следовательно, вы должны Арамису полтораста тысяч ливров?

– В том-то и горе, что должен только сто тысяч.

– Я что-то не совсем понимаю вас.

– Ну как же! Он приезжал только два года. Но сегодня у нас тридцать первое мая, а его все нет; между тем завтра в двенадцать часов наступает последний срок платежа. Следовательно, если я завтра не уплачу этим господам, согласно условию, они могут потребовать обратно должность. Я буду разорен, и выйдет, что я проработал три года да еще дал им двести пятьдесят тысяч ливров даром, решительно ни за что, дорогой д'Артаньян.

– Любопытная штука, – пробормотал д'Артаньян.

– Теперь вы понимаете, почему я не весел?

– И очень даже.

– Вот я и явился к вам, господин д'Артаньян, потому что вы один можете вывести меня из затруднительного положения.

– Каким образом?

– Вы знакомы с аббатом д'Эрбле?

– Еще бы!

– И вы можете сообщить мне адрес его прихода, потому что я искал его в Нуази-ле-Сек, но его там нет.

– Разумеется! Он сейчас епископ ваннский.

– Ванн – это в Бретани?

– Да.

Коротышка Безмо стал рвать на себе волосы.

– Ну, тогда я погиб. Ванн! Ванн! – кричал Безмо.

– Ваше отчаяние удручает меня! Но послушайте, епископ не живет безвыездно в своей епархии; монсеньор д'Эрбле, может быть, и не так далеко отсюда, как вам кажется.

– Прошу вас, скажите мне его адрес.

– Я не знаю его, друг мой.

– Все кончено, я погиб! Пойду брошусь в ноги королю.

– Однако, Безмо, вы удивляете меня. Бастилия дает пятьдесят тысяч дохода; почему же вы не выжали из нее все, чтобы она давала сто тысяч?

– Я честный человек, дорогой господин д'Артаньян, и со-

держу своих заключенных, как царей.

– Ей-богу, мне вас жаль... Послушайте, Безмо, можно положиться на ваше слово?

– Что за вопрос, капитан?

– Так обещайте, что вы никому не заикнетесь о том, что я скажу вам сейчас.

– Никому, ни одной душе!

– Вы хотите во что бы то ни стало найти Арамиса?

– Во что бы то ни стало!

– Ну так ступайте к господину Фуке.

– Да, но при чем здесь господин Фуке?..

– Экий простофиля!.. Где находится Ванн?

– Черт возьми!..

– Ванн находится в бель-ильской епархии или же Бель-Иль в ваннской епархии. Бель-Иль принадлежит господину Фуке; он и устроил господина д'Эрбле в эту епархию.

– Вы открываете мне глаза, возвращаете меня к жизни.

– Тем лучше. Ступайте же прямо к господину Фуке и скажите, что вам нужно поговорить с господином д'Эрбле.

– Какая блестящая идея! – с восхищением воскликнул Безмо.

– Но помните, – сказал д'Артаньян, строго взглянув на него, – помните, что вы дали честное слово!

– Да, священное, – отвечал кругленький человек, собираясь бежать.

– Куда вы?

– К господину Фуке.

– Господин Фуке сейчас у короля. Вам придется отложить свое посещение до завтрашнего утра.

– Пойду; спасибо!

– Желаю вам удачи!

– Спасибо!

– Вот потешная история, – прошептал д'Артаньян, медленно поднимаясь по лестнице. – Какая выгода Арамису делать такие одолжения Безмо? Гм!.. Рано или поздно мы это узнаем.

III. Игра у короля

Д'Артаньян был прав. Фуке играл в карты у короля.

Казалось, что отъезд Бекингэма пролил бальзам на все сердца.

Сияющий принц рассыпался в любезностях перед матерью.

Граф де Гиш ни на минуту не отпускал от себя Бекингэма, расспрашивая его о предстоящем путешествии. Бекингэм был задумчив и приветлив, как человек, сделавший решительный шаг; слушая графа, он время от времени бросал на принцессу грустные и нежные взгляды.

Опьяненная успехом, принцесса делила свое внимание между королем, игравшим с нею, принцем, посмеивавшимся над ее крупными выигрышами, и де Гишем, не скрывавшим ребяческой радости.

Что касается Бекингэма, то он занимал ее очень мало; этот беглец, этот изгнанник уже превращался для нее в бледное воспоминание. Принцессе нравились улыбки, ухаживания, вздохи Бекингэма, пока он был здесь; но ведь он уезжает: с глаз долой – из сердца вон!

Герцог не мог не заметить этой перемены; она очень больно задела его. Человек от природы деликатный, гордый и способный на глубокую привязанность, он проклинал тот день, когда его сердцем овладела эта страсть. Холодное рав-

нодушие принцессы действовало на Бекингэма. Презирать ее он еще не мог, но уже способен был смирить порывы своего сердца.

Принцесса догадывалась о настроении герцога и с удвоенной энергией старалась вознаградить себя за ускользавшего поклонника; она дала полную волю своему остроумию, решив во что бы то ни стало затмить всех, затмить самого короля.

И она добилась своего. И обе королевы, несмотря на их достоинство, и король, несмотря на всеобщее преклонение перед ним, были отодвинуты ею на второй план.

Чопорные и напыщенные королевы мало-помалу разговорились и даже стали смеяться. Королева-мать была ослеплена блеском, который вновь озарил королевский род благодаря уму внучки Генриха IV.

Людовик, завидовавший как юноша и как король всякому успеху, не мог, однако, остаться равнодушным к этому искрящемуся французскому остроумию, которое английский юмор делал еще более притягательным. Он, как ребенок, поддался очарованию блестящего каскада шуток.

Глаза принцессы лучились. С ее алых губ лилось веселье, как назидательные речи из уст старца Нестора.

В этот вечер Людовик XIV оценил в принцессе женщину. Бекингэм увидел в ней кокетку, достойную самого жестокого наказания. Де Гиш стал смотреть на нее как на божество. А придворные – как на восходящую звезду, свет которой дол-

жен был сделаться источником всяческих милостей.

Между тем несколько лет тому назад Людовик XIV в балете не соблаговолил даже подать руку этой дурнушке. Между тем еще недавно Бекингэм сгорал от страсти к этой кокетке. Между тем де Гиш смотрел на это божество как на женщину. Между тем придворные не смели даже украдкой похвалить эту звезду, боясь рассердить короля, которому она когда-то не понравилась.

Вот что происходило в тот достопамятный вечер на карточной игре у короля.

Молодая королева, хотя она была испанкой и племянницей Анны Австрийской, любила короля и не умела скрывать свое чувство.

Анна Австрийская, наблюдательная как женщина и властолюбивая как королева, тотчас же почувствовала, что принцесса входит в силу, которой не следует пренебрегать, и склонилась перед ней.

Это побудило молодую королеву встать и уйти в свои комнаты. Король не обратил внимания на ее уход, хотя королева сделала вид, что ей нездоровится.

Установленный Людовиком XIV этикет давал ему право не проявлять никакого волнения. Он предложил руку принцессе, даже не взглянув на брата, и проводил до ее покоев.

Было замечено, что на пороге ее комнаты его величество глубоко вздохнул.

Женщины, от внимания которых ничто не ускользает – и

первая Монтале, – не преминули шепнуть своим приятельницам:

– Король вздохнул.

– Принцесса вздохнула.

И это была правда.

Принцесса вздохнула беззвучно, но сопровождала свой вздох таким выразительным взглядом красивых черных глаз, что лицо короля покрылось весьма заметным румянцем.

Словом, Монтале допустила нескромность, и эта нескромность, должно быть, сильно подействовала на ее подругу, ибо мадемуазель де Лавальер сильно побледнела, когда король покраснел, и, вся дрожа, вошла в комнату принцессы, забыв даже принять от нее перчатки, как повелевал этикет.

Правда, эта провинциалка могла сослаться в свое оправдание на замешательство, овладевшее ею в присутствии короля. Действительно, закрывая дверь, она не могла отвести глаз от короля, который пятясь выходил от принцессы.

Король вернулся в зал, где шла игра; он хотел было завести беседу, но стало ясно, что мысли его путаются.

Несколько раз ошибся он в счете, что было на руку некоторым придворным, которые умели пользоваться этими ошибками еще со времен Мазарини.

Так Маникан, по свойственной ему рассеянности – да не подумает читатель о нем чего-нибудь дурного, – Маникан, честнейший в мире человек, как ни в чем не бывало подо-

брал упавшие на ковер двадцать тысяч ливров, видимо, не принадлежавшие никому.

Так г-н де Вард, взволнованный только что происшедшими событиями, оставил свой выигрыш в шестьдесят луидоров герцогу Бекингэму, а тот, подобно своему отцу не любивший пачкать руки о деньги, в свою очередь, оставил их подсвечнику, точно подсвечник был живым существом.

Король немного овладел собой, только когда к нему подошел г-н Кольбер, все время искавший случая поговорить с ним, и в самых почтительных выражениях, разумеется, но с большой настойчивостью стал что-то нашептывать королю.

Людовик внимательно выслушал Кольбера и, оглядевшись кругом, спросил:

– Разве господин Фуке уже ушел?

– Нет, государь, я здесь, – откликнулся суперинтендант, занятый разговором с Бекингэмом.

Он тотчас же подошел к королю. Король тоже сделал несколько шагов ему навстречу и сказал с очаровательной небрежностью:

– Извините, господин суперинтендант, что я помешал вам, но я обычно зову вас, когда вы мне нужны.

– Я всегда к услугам короля, – отвечал Фуке.

– Мне главным образом нужны услуги вашей казны, – сказал король, нехотя улыбаясь.

– Моя казна тем более к услугам короля, – холодно проговорил Фуке.

– Дело в том, господин Фуке, что я хочу устроить праздник в Фонтенбло. Две недели ворота будут открыты. Мне нужно...

И он искоса взглянул на Кольбера.

Фуке спокойно ожидал конца фразы.

– Четыре миллиона, – проговорил король в ответ на зло-радную улыбку Кольбера.

– Четыре миллиона? – повторил Фуке с низким поклоном.

Его ногти впились в грудь и сквозь рубашку оцарапали кожу до крови, но лицо ничем не выдало внутреннего волнения.

– Да, сударь, – сказал король.

– К какому сроку, государь?

– Ну, когда сможете... Впрочем... нет... как можно скорее.

– Необходимо время...

– Время! – с торжеством воскликнул Кольбер.

– Время для того, чтобы сосчитать деньги, – продолжал суперинтендант, бросив на Кольбера презрительный взгляд. – В день можно успеть взвесить и пересчитать только один миллион, сударь.

– Значит, четыре дня, – заключил Кольбер.

– Ах, – перебил его Фуке, обращаясь к королю, – мои служащие делают чудеса, когда нужно угодить его величеству! Четыре миллиона будут готовы через три дня.

Настала очередь побледнеть Кольберу. Людовик с удивле-

нием посмотрел на него.

А Фуке спокойно удалился, улыбаясь по дороге своим многочисленным друзьям, в глазах которых читал искреннее расположение, граничившее с состраданием. Но по улыбке нельзя было судить о настроении Фуке; на самом деле он был в полном отчаянии.

Несколько капелек крови запачкали его рубашку, но платье скрыло кровь, как улыбка – бешенство.

По тому, как Фуке садился в карету, слуги догадались, что господин их расстроен. Поэтому все его приказания исполнялись с такой точностью, как команды разгневанного капитана военного корабля во время бури.

Карета полетела стрелой. По дороге Фуке едва успел привести в порядок свои мысли. Он направился прямо к Арамису.

Арамис еще не ложился.

Что же касается Портоса, то он отлично поужинал жареной бараниной, двумя жареными фазанами и целой горой раков, потом, наподобие античного борца, велел натереть ему тело душистыми маслами, распорядился завернуть себя в простыни и отнести на согретую постель.

Как мы уже сказали, Арамис еще не ложился. Надев удобный бархатный халат, он писал письмо за письмом своим быстрым убористым почерком, которым можно было уместить добрую четверть книги на одной странице.

Дверь быстро распахнулась, и вошел суперинтендант,

бледный, взволнованный, озабоченный.

Арамис поднял голову.

– Добрый вечер, дорогой д’Эрбле! – сказал Фуке.

Наблюдательный взгляд Арамиса тотчас же заметил угнетенное настроение вошедшего.

– Хорошая игра была у короля? – спросил Арамис, чтобы завязать разговор.

Фуке сел и знаком приказал проводившему его лакею выйти из комнаты. Когда лакей исчез, он отвечал:

– Прекрасная!

И Арамис, все время внимательно следивший за ним, увидел, как он нервно откинулся на спинку кресла.

– Проиграли, по обыкновению? – поинтересовался Арамис, не выпуская из руки пера.

– Даже сверх обыкновения, – отвечал Фуке.

– Но ведь вы всегда так спокойно относитесь к своим проигрышам.

– Иногда – да!

– Какой же вы плохой игрок!

– Игра игре рознь, господин д’Эрбле.

– Сколько же вы проиграли, монсеньор? – продолжал Арамис с некоторым беспокойством.

Фуке помолчал несколько секунд, чтобы вполне овладеть собой, и ответил без малейшего признака волнения в голосе:

– Сегодняшний вечер стоит мне четыре миллиона.

И он с горечью рассмеялся. Арамис, никак не ожидавший

такой цифры, выронил перо из рук.

– Четыре миллиона! – проговорил он. – Вы проиграли четыре миллиона? Возможно ли?

– Господин Кольбер держал мои карты, – произнес суперинтендант с тем же зловещим смехом.

– А, понимаю! Значит, новое требование денег?

– Да, мой друг.

– Королем?

– Его собственными устами. Невозможно убить человека с более очаровательной улыбкой.

– Черт возьми!

– Что вы об этом думаете?

– Я думаю, что вас хотят просто разорить; это ясно как день.

– Значит, вы остаетесь при прежнем убеждении?

– Да. Тут, впрочем, нет ничего удивительного, потому что мы и раньше предвидели это.

– Верно; но я никак не ожидал четырех миллионов.

– Действительно, сумма крупная, но все-таки четыре миллиона еще не смерть, особенно для такого человека, как Фуке.

– Если бы вы знали состояние моей казны, дорогой д'Эрбле, вы не рассуждали бы так спокойно.

– И вы пообещали?

– Что же мне оставалось делать?

– Вы правы.

– В тот день, когда я откажу, Кольбер достанет эту сумму; где – не знаю; но он достанет, и тогда я погиб!

– Несомненно. А через сколько дней вы обещали эти четыре миллиона?

– Через три дня. Король очень торопил.

– Через три дня!

– Ах, друг мой, – продолжал Фуке, – подумать только: сейчас, когда я проезжал по улице, прохожие кричали: «Вот едет богач Фуке!» Право, дорогой мой, от этого можно потерять голову.

– Нет, монсеньор, не стоит, – флегматично проговорил Арамис, посыпая песком только что написанную страницу.

– Тогда дайте мне лекарство, дайте мне лекарство от этой неизлечимой болезни.

– Единственное лекарство: заплатите.

– Но едва ли я могу собрать такую сумму. Придется выскрести все. Сколько поглотил Бель-Иль! Сколько поглотили пенсии! Теперь деньги стали редкостью. Ну, положим, достанем на этот раз, а что дальше? Поверьте мне, на этом дело не остановится. Король, в котором пробудился вкус к золоту, подобен тигру, отведавшему мяса: оба ненасытны. В один прекрасный день мне все же придется сказать: «Это невозможно, государь». В тот день я погибну.

Арамис только слегка пожал плечами.

– Человек в вашем положении, монсеньор, только тогда погибает, когда сам захочет этого.

– Частное лицо, какое бы оно ни занимало положение, не может бороться с королем.

– Ба! Я в молодости боролся с самим кардиналом Ришелье, который был королем Франции, да еще кардиналом!

– Разве у меня есть армия, войско, сокровища? У меня больше нет даже Бель-Иля.

– Нужда всему научит. Когда вам покажется, что все погибло, вдруг откроется что-нибудь неожиданное и спасет вас.

– Кто же откроет это неожиданное?

– Вы сами.

– Я? Нет, я не изобретателен.

– В таком случае я.

– Принимайтесь же за дело сию минуту.

– Времени еще довольно.

– Вы убиваете меня своей флегматичностью, д'Эрбле, – сказал суперинтендант, вытирая лоб платком.

– Разве вы забыли, что я говорил вам когда-то?

– Что же?

– Не беспокойтесь ни о чем, если у вас есть смелость. Есть она у вас?

– Думаю, что есть.

– Так не беспокойтесь.

– Значит, решено: в последнюю минуту вы явитесь мне на помощь, д'Эрбле?

– Я только расквитаюсь с вами за все, что вы сделали для

меня, монсеньор.

– Поддерживать таких людей, как вы, господин д'Эрбле, обязанность финансиста.

– Если предупредительность – свойство финансиста, то милосердие – добродетель духовного лица. Но на этот раз действуйте сами, монсеньор. Вы еще не дошли до предела; когда наступит крайность, мы посмотрим.

– Это произойдет очень скоро.

– Прекрасно. А в данную минуту позвольте мне сказать, что ваши денежные затруднения очень огорчают меня.

– Почему именно в данную минуту?

– Потому что я сам собирался попросить у вас денег.

– Для себя?

– Для себя, или для своих, или для наших.

– Какую сумму?

– Успокойтесь! Сумма довольно кругленькая, но не чудовищная.

– Назовите цифру!

– Пятьдесят тысяч ливров.

– Пустяки!

– Правда?

– Разумеется, пятьдесят тысяч ливров всегда найдутся.

Ах, почему этот плут Кольбер не довольствуется такими суммами? Мне было бы гораздо легче. А когда вам нужны деньги?

– К завтрашнему утру. Ведь завтра первое июня.

- Так что же?
- Срок одного из наших поручительств.
- А разве у нас есть поручительства?
- Конечно. Завтра срок платежа последней трети.
- Какой трети?
- Полтораста тысяч ливров Безмо.
- Безмо? Кто это?
- Комендант Бастилии.
- Ах, правда; вы просите меня заплатить сто пятьдесят тысяч ливров за этого человека?
- Да.
- Но за что же?
- За его должность, которую он купил или, вернее, которую мы купили у Лувьера и Трамбле.
- Я очень смутно представляю себе это.
- Неудивительно, у вас столько дел. Однако я думаю, что важнее этого дела у вас нет.
- Так скажите же мне, для чего мы купили эту должность?
- Во-первых, чтобы помочь ему.
- А потом?
- Потом и себе самим.
- Как это себе самим? Вы смеетесь.
- Бывают времена, монсеньор, когда знакомство с комендантом Бастилии может считаться очень полезным.
- К счастью, я не понимаю ваших слов, д'Эрбле.
- Монсеньор, у нас есть свои поэты, свой инженер, свой

архитектор, свои музыканты, свой типографщик, свои художники; нужно иметь и своего коменданта Бастилии.

– Вы думаете?

– Монсеньор, не будем строить иллюзий: мы ни за что ни про что можем попасть в Бастилию, дорогой Фуке, – проговорил епископ, улыбаясь и показывая белые зубы, которые так пленили тридцать лет тому назад Мари Мишон.

– И вы думаете, что полтораста тысяч ливров не слишком дорогая цена за такое знакомство, д’Эрбле? Обыкновенно вы лучше помещаете свои капиталы.

– Придет день, когда вы поймете свою ошибку.

– Дорогой д’Эрбле, когда попадешь в Бастилию, тогда уже нечего надеяться на помощь старых друзей.

– Почему же, если расписки в порядке? А кроме того, поверьте мне, у этого добряка Безмо сердце не такое, как у придворных. Я уверен, что он будет всегда благодарен мне за эти деньги, не говоря уже о том, что я храню все его расписки.

– Что за чертовщина! Какое-то ростовщичество под видом благотворительности!

– Монсеньор, не вмешивайтесь, пожалуйста, в эти дела; если тут и ростовщичество, то отвечаю за него один я; а польза от него нам обоим; вот и все.

– Какая-нибудь интрига, д’Эрбле?

– Может быть.

– И Безмо участвует в ней?

– Почему же ему не участвовать? Бывают участники и по-

хуже. Итак, я могу рассчитывать получить завтра пять тысяч пистолей?

– Может быть, хотите сегодня вечером?

– Это было бы еще лучше, я хочу отправиться в дорогу пораньше. Бедняга Безмо не знает, где я, и, наверное, теперь как на раскаленных углях.

– Вы получите деньги через час. Ах, д'Эрбле, проценты на ваши полтораста тысяч франков никогда не окупят моих четырех миллионов! – проговорил Фуке, поднимаясь с кресла.

– Кто знает, монсеньор?

– Покойной ночи! Мне еще надо поговорить с моими служащими перед сном.

– Покойной ночи, монсеньор!

– Д'Эрбле, вы желаете мне невозможного.

– Значит, я получу пятьдесят тысяч ливров сегодня?

– Да.

– Тогда спите сном праведника! Доброй ночи, монсеньор!

Несмотря на уверенный тон, которым было произнесено это пожелание, Фуке вышел, качая головой и глубоко вздыхая.

IV. Мелкие счета господина Безмо де Монлезена

На колокольные церкви Св. Павла пробило семь, когда Арамис, в костюме простого горожанина, с заткнутым за пояс охотничьим ножом, проехал верхом по улице Пти-Мюск и остановился у ворот Бастилии.

Двое караульных охраняли эти ворота.

Они беспрепятственно пропустили Арамиса, который, не слезая с лошади, въехал во двор и направился по узкому проходу к подъемному мосту, то есть к настоящему входу в тюрьму.

Подъемный мост был опущен, по бокам стояла стража. Часовой, охранявший мост снаружи, остановил Арамиса и довольно грубо спросил, зачем он явился.

Арамис с обычной вежливостью объяснил, что желал бы переговорить с г-ном Безмо де Монлезеном.

Первый караульный вызвал другого, стоявшего по ту сторону рва, в будке. Тот высунулся в окошечко и внимательно осмотрел вновь прибывшего. Арамис повторил просьбу.

Тогда часовой подозвал младшего офицера, разгуливавшего по довольно просторному двору; офицер же, узнав, в чем дело, пошел доложить одному из помощников коменданта.

Выслушав просьбу Арамиса, помощник коменданта спро-

сил его имя и предложил ему немного подождать.

– Я не могу вам назвать своего имени, сударь, – сказал Арамис, – скажу только, что мне необходимо сообщить господину коменданту чрезвычайно важное известие, и могу поручиться, что господин Безмо будет очень рад меня видеть. Скажу больше: если вы передадите ему, что я тот самый человек, которого он ожидает к первому июня, он сам выйдет ко мне.

Офицер не мог допустить, чтобы такое важное лицо, как комендант, стало беспокоиться ради какого-то горожанина, приехавшего верхом.

– Вот и прекрасно. Господин комендант собирается куда-то ехать: видите, во дворе стоит запряженная карета, следовательно, ему не придется нарочно выходить к вам, он вас увидит, когда будет проезжать мимо.

Арамис кивнул головой в знак согласия; он и сам не хотел выдавать себя за важное лицо. И он терпеливо стал дожидаться, опершись о лук седла.

Минут через десять карета коменданта остановилась у крыльца. В дверях показался комендант.

Хозяин крепости должен был подвергнуться тем же формальностям, что и посторонний: караульный подошел к карете, когда она подъехала к подъемному мосту, и комендант отворил дверцы, исполняя таким образом установленные им самим правила. Заглянув в карету, часовой мог удостовериться, что никто не покидает Бастилию тайком.

Карета покатила по подъемному мосту.

Но в ту минуту, когда отворяли решетку, офицер подошел к карете, остановившейся вторично, и сказал несколько слов коменданту. Комендант тотчас же выглянул из кареты и увидел сидевшего верхом Арамиса. Он радостно вскрикнул и вышел или, вернее, выскочил из экипажа, подбежал к Арамису, схватил его за руку и рассыпался перед ним в извинениях. Он был почти готов поцеловать у него руку.

– Сколько надо претерпеть, чтобы добраться до Бастилии, господин комендант! Наверное, тем, кого посылают насильно, попасть туда значительно проще.

– Простите, пожалуйста. Ах, монсеньор, как я рад, что вижу ваше преосвященство.

– Тсс! Вы не думаете о том, что вы говорите. Могут вообразить бог знает что, если увидят епископа в таком обличье.

– Ах, простите, извините, я действительно не подумал!.. На конюшню лошадь этого господина! – крикнул Безмо.

– Не надо, не надо! – запротестовал Арамис.

– Почему не надо?

– Потому что в этой сумке пять тысяч пистолей.

Комендант так просиял, что если бы в эту минуту его увидели заключенные, они подумали бы, что к нему приехал принц крови.

– Да, да, вы правы. Лошадь к комендантскому дому! Угодно вам, дорогой д'Эрбле, сесть в карету и проехать ко мне?

– Сесть в карету, чтобы проехать через двор? Неужели вы

считаете меня таким инвалидом, господин комендант? Нет, нет, пойдем пешком, непременно пешком.

Тогда Безмо предложил свою руку, но прелат отказался. Так дошли они до дома коменданта: Безмо – потирая руки и искоса поглядывая на лошадь, Арамис – созерцая голые черные стены.

Довольно обширный вестибюль и прямая лестница из белого камня вели в комнаты Безмо.

Хозяин миновал прихожую, столовую, где накрывали на стол, открыл потайную дверь и заперся со своим гостем в большом кабинете, окна которого выходили на дворы и конюшни.

Безмо усадил прелата с той подобострастной вежливостью, секрет которой знают только очень добрые или признательные люди. Кресло, подушку под ноги, столик на колесах – все это комендант приготовил сам. Но с особенной заботливостью, словно священнодействуя, Безмо положил на столик мешок с золотом, который один из его солдат внес в комнату с таким благоговением, как священник несет святые дары.

Солдат вышел. Безмо запер за ним дверь, задернул на окне занавеску и посмотрел Арамису в глаза, чтобы увидеть, не нуждается ли прелат еще в чем-нибудь.

– Итак, монсеньор, – сказал он, не садясь, – вы по-прежнему верны своему слову?

– В делах, дорогой Бемзо, аккуратность не добродетель, а

просто обязанность.

– Да, в делах, я понимаю; но разве у нас с вами дела? Вы просто оказываете мне услугу, монсеньор.

– Полно, полно, дорогой Безмо! Признайтесь, что, несмотря на всю мою аккуратность, вы все-таки волновались.

– По поводу вашего здоровья, – пробормотал Безмо.

– Я хотел приехать еще вчера, но никак не мог, потому что очень устал, – улыбнулся Арамис.

Безмо подложил другую подушку за спину своего гостя.

– Зато сегодня я решил приехать к вам пораньше, – продолжал Арамис.

– Вы превосходный человек, монсеньор.

– Только я спешил, по-видимому, напрасно.

– Почему?

– Ведь вы собирались куда-то ехать?

Безмо покраснел.

– Действительно, – сказал он, – собирался.

– Значит, я вам помешал. Если бы я это знал, я бы ни за что не приехал, – продолжал Арамис, пронизывая взглядом бедного коменданта.

– Ах, ваше преосвященство, вы никогда не можете помешать мне!

– Признайтесь, вы собирались ехать, чтобы раздобыть где-нибудь денег.

– Нет, – пробормотал Безмо, – клянусь вам, я ехал...

– Господин комендант поедет к господину Фуке или нет? – раздался снизу чей-то голос.

Безмо как ужаленный бросился к окну.

– Нет, нет! – в отчаянии закричал он. – Какой дьявол говорит там о господине Фуке? Пьяны вы, что ли? Кто смеет беспокоить меня, когда я занят делом?

– Вы собирались к господину Фуке? – спросил Арамис. – К аббату или к суперинтенданту?

Безмо страшно хотел солгать, однако не решился.

– К господину суперинтенданту, – проговорил он.

– Ну, значит, вам нужны были деньги, раз вы собирались ехать к тому лицу, которое дает их.

– Клянусь вам, что я бы никогда не решился попросить денег у господина Фуке. Я хотел только узнать у него ваш адрес, вот и все.

– Мой адрес у господина Фуке? – вскричал Арамис, вытаращив глаза.

– Да как же! – заговорил Безмо, смущенный взглядом прелата. – Разумеется, у господина Фуке.

– Ничего в этом дурного нет, дорогой Безмо. Только я понять не могу, почему вы хотели обратиться за моим адресом к господину Фуке?

– Чтобы написать вам.

– Это понятно, – с улыбкой кивнул Арамис, – но я не спрашиваю, зачем вам понадобился мой адрес, а спрашиваю, почему вы хотели обратиться за ним к господину Фуке?

– Ах, – отвечал Безмо, – потому что Бель-Иль принадлежит господину Фуке.

– Так что ж?

– Бель-Иль находится в ваннской епархии, а так как вы ваннский епископ...

– Дорогой Безмо, раз вам было известно, что я ваннский епископ, вам не нужно было узнавать мой адрес у господина Фуке.

– Может быть, монсеньор, – окончательно смешался Безмо, – я совершил какую-нибудь неделикатность? В таком случае прошу у вас извинения.

– Полно! Какую вы могли совершить неделикатность? – спокойно спросил Арамис.

С улыбкой глядя на коменданта, Арамис недоумевал, каким образом Безмо, не зная его адреса, знал, однако, что его епархия была в Ванне.

«Постараемся выяснить это», – сказал он себе.

Затем прибавил вслух:

– Слушайте, дорогой комендант, не свести ли нам наши маленькие счета?

– К вашим услугам, монсеньор. Но сначала скажите мне, ваше преосвященство...

– Что?

– Не окажете ли вы мне честь позавтракать у меня, по обыкновению?

– С удовольствием.

– Милости прошу!

Безмо трижды позвонил.

– Что это значит? – спросил Арамис.

– Это значит, что у меня завтракает гость и что нужно сделать приготовления.

– Пожалуйста, дорогой комендант, не хлопчите так для меня.

– Что вы! Я считаю своей обязанностью принять и угостить вас как можно лучше. Никакой принц не сделал бы для меня того, что сделали вы.

– Полноте! Поговорим о чем-нибудь другом. Как идут ваши дела в Бастилии?

– Недурно!

– Значит, от заключенных есть доход?

– Неважный.

– Вот как!

– Кардинал Мазарини не отличался большой суровостью.

– Вы, значит, предпочли бы более подозрительное правительство, вроде нашего прежнего кардинала?

– Да. При Ришелье все шло прекрасно. Братец его высокопреосвященства нажил себе целое состояние.

– Поверьте, дорогой комендант, – сказал Арамис, придвигаясь к Безмо, – молодой король стоит старого кардинала. Если старости свойственны ненависть, осмотрительность, страх, то молодости присущи недоверчивость, гнев, страсти. Вы вносили в течение этих трех лет ваши доходы

Лувьеру и Трамбле?

– Увы, да.

– Значит, у вас не оставалось никаких сбережений?

– Ах, ваше преосвященство! Уплачивая этим господам пятьдесят тысяч ливров, клянусь вам, я отдаю им весь свой заработок. Еще вчера вечером я говорил то же самое господину д'Артаньяну.

– Вот как! – воскликнул Арамис, глаза которого загорелись, но тотчас же потухли. – Так вы вчера виделись с д'Артаньяном? Ну, как же он поживает?

– Превосходно.

– И что вы ему говорили, господин Безмо?

– Я говорил ему, – продолжал комендант, не замечая своей оплошности, – что я слишком хорошо содержу своих заключенных.

– А сколько их у вас? – небрежно спросил Арамис.

– Шестьдесят.

– Ого, кругленькая цифра!

– Ах, монсеньор, бывало и по двести.

– Но все же и при шестидесяти жить можно не жалуясь.

– Разумеется, другому коменданту каждый арестант приносил бы по полтора пистолей.

– Полтора пистолей!

– А как же? Считайте: на принца крови мне отпускают пятьдесят ливров в день.

– Но как будто у вас здесь нет принцев крови? – сказал

Арамис слегка дрогнувшим голосом.

– Слава богу, нет! Вернее, к несчастью, нет.

– Как к несчастью?

– Ну, конечно. Мои доходы возросли бы.

– Справедливо. Итак, на каждого принца крови пятьдесят ливров.

– Да. На маршала Франции тридцать шесть ливров.

– Но ведь в настоящее время у вас нет и маршалов?

– Увы, нет! Правда, на генерал-лейтенантов и бригадных генералов мне отпускается по двадцать четыре ливра, а их у меня два.

– Вот как!

– За ними идут советники парламента, на которых ассигнуется мне по пятнадцать ливров.

– А сколько их у вас?

– Четыре.

– Я и не знал, что на советников отпускается так много.

– Да. Но на рядовых судей, адвокатов и духовных лиц мне дают только по десять ливров.

– И их у вас семь человек? Прекрасно.

– Нет, скверно.

– Почему?

– Ведь все же это не простые люди. Чем они хуже советников парламента?

– Вы правы; я не вижу оснований оценивать их на пять ливров меньше.

– Понимаете ли, за хорошую рыбу мне приходится платить четыре или пять ливров, за хорошего цыпленка полтора ливра. Я, положим, развожу их у себя на птичьем дворе, но все-таки надо покупать корм, а вы не можете себе представить, какая здесь пропасть крыс.

– А почему бы вам не завести полдюжины кошек?

– Как же, станут кошки есть крыс! Я вынужден был отказаться от них. Вот и посудите, как мой корм уничтожается крысами. Пришлось выписать из Англии терьеров, чтобы они душили крыс. Но у этих собак зверский аппетит: они едят, как арестант пятой категории, не считая того, что иногда душат кроликов и кур.

Нельзя было определить, слушал Арамис или нет: опущенные глаза свидетельствовали о его внимании, а нервные движения пальцев – о том, что он поглощен какой-то мыслью.

– Итак, – продолжал Безмо, – сносная птица обходится мне в полтора ливра, а хорошая рыба – в четыре или пять. В Бастилии еда полагается три раза в день; заключенным делать нечего, вот они и кушают; человек, на которого отпускается десять ливров, обходится мне в семь с половиной ливров.

– А ведь только что вы сказали мне, что десятилиметровых вы кормите так же, как и пятнадцатилиметровых.

– Да.

– Значит, на последних вы зарабатываете семь с полови-

ной ливров?

– Надо же изворачиваться! – буркнул Безмо, видя, что попался.

– Вы правы, дорогой комендант. Ведь у вас есть и такие арестанты, на которых отпускается меньше десяти ливров?

– Как же: горожане и стряпчие.

– Сколько же на них отпускается?

– По пяти ливров.

– А они тоже хорошо едят?

– Еще бы! Только, понятно, им не каждый день дают камбалу да пулярк или испанское вино, но три-то раза в неделю у них бывает хороший стол.

– Но ведь это филантропия, дорогой комендант. Вы разоритесь!

– Нет. Если пятнадцатиливровый не доел своего цыпленка или десятиливровый оставил что-нибудь, я посылаю это пятиливровым; для бедняг это целый пир. Что поделать! Надо быть сострадательным.

– А сколько приблизительно остается вам от пяти ливров?

– Тридцать су.

– Какой же вы честный человек, Безмо!

– Благодарю вас, ваше преосвященство. Мне кажется, что вы правы. Но знаете ли, о ком я больше всего пекусь?

– О ком?

– О мелких торговцах и писарях, на которых отпускается по три ливра. Им не часто случается видеть рейнских карпов

или ла-маншских осетров.

– А разве от пятиливровых не бывает остаточков?

– Ах, монсеньор, не думайте, что я такой скряга; эти мещане и писари не помнят себя от счастья, когда я даю им крылышко куропатки, козье филе или кусочек пирога с трюфелями – словом, такие блюда, какие им и во сне не снились; они едят, пьют, кричат за десертом «да здравствует король!» и благословляют Бастилию; каждое воскресенье я их угощаю двумя бутылками шампанского, которое обходится мне по пяти су. О, эти бедняги превозносят меня и с большим сожалением выходят из тюрьмы. Знаете, что я подметил?

– Что?

– Я подметил... это мне очень на руку. Я подметил, что некоторые заключенные по выходе на свободу очень скоро снова попадают сюда. И все это из-за моей кухни. Ей-богу!

Арамис недоверчиво улыбнулся.

– Вы улыбаетесь?

– Да.

– Уверяю вас, что некоторые имена заносятся у нас в список три раза в течение двух лет.

– Хотел бы я взглянуть на этот список!

– Что ж, пожалуй! Хотя у нас запрещается показывать такие документы посторонним лицам.

– Еще бы!

– Но если вы, монсеньор, желаете увидеть собственными глазами...

– С большим удовольствием.

– Вот, извольте!

Безмо подошел к шкафу и вынул оттуда большую книгу. Арамис ждал с горячим нетерпением. Безмо вернулся, положил книгу на стол, полистал ее и остановился на букве М.

– Вот, взгляните: Мартинье, январь тысяча шестьсот пятьдесят девятого и июнь тысяча шестьсот шестидесятого. Мартинье, март тысяча шестьсот шестьдесят первого – памфлеты, мазарины и т. д. Вы понимаете, что это только предлог. Кто за мазарины попадает в Бастилию? Просто сам молодец наклепал на себя, чтобы попасть сюда. А с какой целью? С целью лакомиться моей едой за три ливра.

– За три ливра! Несчастный!

– Да, ваше преосвященство; поэты тоже принадлежат к последнему разряду, им полагается тот же стол, что мещанам и писарям; но я уже говорил вам, что как раз о них я больше всего забочусь.

Тем временем Арамис как бы машинально перелистывал страницы, делая вид, что совсем не интересуется именами.

– В тысяча шестьсот шестьдесят первом году, как видите, записано восемьдесят имен, – сказал Безмо. – В тысяча шестьсот пятьдесят девятом году тоже восемьдесят.

– А, Сельдон! – проговорил Арамис. – Как будто знакомое имя. Вы не говорили мне об этом юноше?

– Говорил. Бедняга студент, который сочинил... Как называются два латинских стиха, которые рифмуют?

– Дистихом.

– Именно.

– Бедняга! За дистих!

– Как вы легко смотрите на это! А знаете ли вы, что он сочинил это двустишие на иезуитов?

– Все равно, наказание очень уж строгое.

– Не жалейте его. В прошлом году мне показалось, будто вы интересуетесь им.

– Да.

– А так как ваше внимание для меня важнее всего, монсеньор, то я тотчас же перевел его на пятнадцать ливров.

– Значит, на такое содержание, как вот этого, – проговорил Арамис, продолжая перелистывать и остановившись на одном имени рядом с Мартинье.

– Именно на такое.

– Что он, итальянец, этот Марчиали? – спросил Арамис, показывая пальцем на фамилию, привлечшую его внимание.

– Тсс! – прошептал Безмо.

– Почему такая таинственность? – понизил голос Арамис, невольно сжимая руку в кулак.

– Мне кажется, я вам уже говорил про этого Марчиали.

– Нет, я в первый раз слышу это имя.

– Очень может быть. Я говорил вам о нем, не называя имени.

– Что же, это старый греховодник? – пытался улыбнуться Арамис.

- Нет, напротив, он молод.
- Значит, он совершил большое преступление?
- Непростительное.
- Убил кого-нибудь.
- Что вы!
- Совершил поджог?
- Бог с вами!
- Оклеветал!
- Да нет же! Он...

И Безмо, приставив руки ко рту, прошептал:

- Он дерзает быть похожим на...

– Ах, помню, помню! – сказал Арамис. – Вы мне действительно говорили о нем в прошлом году; но его преступление показалось мне таким ничтожным.

- Ничтожным?

- Или, вернее, неумышленным...

– Ваше преосвященство, такое сходство никогда не бывает неумышленным.

– Ах, я и забыл! Но, дорогой хозяин, – сказал Арамис, закрывая книгу, – кажется, нас зовут.

Безмо взял книгу, быстро положил ее в шкаф, запер его и ключ спрятал в карман.

– Не угодно ли вам теперь позавтракать, монсеньор? – обратился он к Арамису. – Вы не ослышались, нас действительно зовут к завтраку.

- С большим удовольствием, дорогой комендант.

И они пошли в столовую.

V. Завтрак у господина де Безмо

Арамис всегда был очень воздержан в пище, но на этот раз он оказал честь великолепному завтраку Безмо; только вина он пил мало.

Безмо все время был очень оживлен и весел; пять тысяч пистолей, на которые он поглядывал время от времени, радовали его душу. Он умильно поглядывал также на Арамиса.

Епископ, развалившись в кресле, отхлебывал маленькими глоточками вино, смакуя его, как знаток.

— Какой вздор говорят о плохом довольствии в Бастилии, — сказал он, подмигивая. — Счастливицы эти заключенные, если им ежедневно дается даже по полбутылки этого бургундского!

— Все пятнадцатиливровые пьют его, — заметил Безмо. — Это старое, выдержанное вино.

— Значит, и бедняга Сельдон тоже пьет этот превосходный напиток?

— Ну нет!

— А мне послышалось, будто вы содержите его на пятнадцати ливрах.

— Его? Никогда! Человека, который сочиняет дистрикты... Как вы это назвали?

— Дистихи.

— На пятнадцати ливрах! Слишком жирно! Его сосед дей-

ствительно на пятнадцать ливрах.

– Какой сосед?

– Да тот, из второй Бертодьеры.

– Дорогой комендант, простите меня, но ваш язык мне не вполне понятен.

– И правда, извините; из второй Бертодьеры – это значит, что арестант помещен во втором этаже бертодьерской башни.

– Следовательно, Бертодьерой называется одна из бастильских башен? Да, я слышал, что здесь каждая башня имеет свое название. Где же эта башня?

– Вот поглядите сюда, – показал Безмо, подходя к окну. – Вон на том дворе, вторая налево.

– Вижу. Значит, в ней сидит заключенный, на которого отпускается по пятнадцать ливров?

– Да.

– А давно уже он сидит?

– Давненько. Лет семь или восемь.

– Неужели у вас нет точных сведений?

– Ведь он был посажен не при мне, дорогой господин д'Эрбле.

– А разве вам ничего не сказали Лувьер и Трамбле?

– Дорогой мой... Простите, ваше преосвященство...

– Ничего. Итак, вы говорите?..

– Говорю, что тайны Бастилии не передаются вместе с ключами комендатуры.

– Вот что! Так, значит, этот таинственный узник – государственный преступник?

– Нет, не думаю; просто его пребывание окружено тайной, как все здесь, в Бастилии.

– Допустим, – сказал Арамис. – Но почему же вы свободнее говорите о Сельдоне, чем о...

– Чем о второй Бертодье?

– Да.

– Да потому, что, по-моему, преступление человека, сочинившего дистих, гораздо меньше, чем того, кто похож на...

– Да, да, я понимаю. Но как же тюремщики? Ведь они разговаривают с заключенными?

– Разумеется.

– В таком случае арестанты, вероятно, говорят им, что они не виноваты.

– Да, они только об этом и твердят, вечно поют эту песенку.

– А не может ли сходство, о котором вы говорили, броситься в глаза вашим тюремщикам?

– Ах, дорогой господин д'Эрбле! Нужно быть придворным, как вы, чтобы заниматься такими мелочами.

– Вы тысячу раз правы, дорогой Безмо. Будьте добры, еще чуточку этого вина.

– Не чуточку, а целый стакан.

– Нет, нет! Вы остались мушкетером до кончиков пальцев. А я сделался епископом. Каплю для меня, стакан для вас.

– Ну, пусть будет по-вашему!

Арамис и комендант чокнулись.

– А кроме того, – добавил Арамис, подняв бокал и прищуриваясь на вино, горящее рубином, – кроме того, случается и так, что там, где вы находите сходство, другой его совсем не замечает.

– Нет, этого не может быть. Всякий, кто видел того, на кого похож этот узник...

– А мне кажется, дорогой Безмо, что это просто игра вашего воображения.

– Да нет же! Даю вам слово.

– Послушайте, – возразил Арамис, – я встречал многих, чьи лица были похожи на того, о ком мы говорим, но никто не придавал этому значения.

– Да просто потому, что есть разные степени сходства; сходство моего узника поразительное, и если бы вы его увидели, вы бы вполне согласились со мной.

– Если бы я его увидел... – равнодушно протянул Арамис. – Но, по всей вероятности, я его никогда не увижу.

– Почему же?

– Потому что, если бы я ступил ногой в эти ужасные камеры, мне показалось бы, что я навеки буду там похоронен.

– О нет, помещение у нас совсем неплохое!

– Рассказывайте!

– Нет, нет, не говорите дурно о второй Бертодьере. Там отличная камера, прекрасно обставленная, с коврами!

– Что вы говорите!

– Да, да! Этому юноше повезло; ему отвели лучшее помещение в Бастилии. Редкое счастье.

– Полноте, полноте, – холодно прервал Арамис, – никогда я не поверю, что в Бастилии есть хорошие камеры. А что касается ковров, то они, наверное, существуют только в вашем воображении. Мне мерещатся там пауки, крысы, жабы...

– Жабы! Ну, в карцерах, я не отрицаю...

– Самая жалкая мебель и никаких ковров.

– А глазам своим вы поверите? – сказал Безмо, все больше приходя в возбуждение.

– Нет, бога ради, не надо!

– Даже для того, чтобы убедиться в этом сходстве, которое вы отрицаете, как и ковры?

– Да это, должно быть, привидение, призрак, живой труп!

– Ничуть не бывало! Здоровенный малый.

– Печальный, угрюмый?

– Да нет же: весельчак.

– Не может быть!

– Пойдемте.

– Куда?

– Со мной.

– Зачем?

– Сделаем прогулку по Бастилии.

– Что?

– Вы все увидите, собственными глазами увидите.

– А правила?

– Это пустяки. Сегодня мой майор свободен, лейтенант обходит бастионы; мы здесь полные хозяева.

– Нет, нет, дорогой комендант! У меня мороз идет по коже при одной мысли о грохоте засовов, которые нам придется отодвигать.

– Полно!

– А вдруг вы забудете обо мне, и я останусь где-нибудь в третьей или четвертой Бертодьере... бррр!

– Вы шутите?

– Нет, говорю серьезно.

– Вы отказываетесь от совершенно исключительного случая. Знаете ли вы, чтобы добиться той милости, которую я предлагаю вам даром, некоторые принцы крови сулили мне до пятидесяти тысяч ливров?

– Неужели это так интересно?

– Запретный плод, ваше преосвященство! Запретный плод! Вы, как духовное лицо, должны хорошо знать это.

– Нет. Если меня кто интересуется, то разве только бедный школьник, сочинивший дистих.

– Ладно! Посмотрим на него; он помещается рядом – в третьей Бертодьере.

– Почему вы говорите: рядом?

– Потому что, если бы я был любопытным, меня бы больше заинтересовала прекрасная камера с коврами и ее обитатель.

– Эка невидаль – обстановка! Да и обитатель, вероятно, самая невзрачная личность!

– Пятнацатиливровый, ваше преосвященство, пятнацатиливровый! Такие персоны всегда интересны.

– Как раз об этом я и позабыл спросить вас. Почему этому человеку отпускается пятнадцать ливров, а бедняге Сельдону только три?

– Ах, эти различия – тонкая вещь, сударь: тут король проявил доброту...

– Король?

– То есть кардинал, я ошибся. «Этот несчастный, – сказал Мазарини, – обречен до смерти томиться в тюрьме».

– Почему?

– Потому что преступление его вечное, значит, и наказание должно быть вечное.

– Вечное?

– Конечно. Если только ему не посчастливится заболеть оспой, вы понимаете... Но и на это мало надежды. В Бастилии воздух здоровый.

– Вы удивительно находчивы, дорогой Безмо.

– Не правда ли?

– Иными словами, вы хотите сказать, что этот несчастный должен страдать здесь до конца жизни...

– Я не говорил – страдать, монсеньор; пятнацатиливровые не страдают.

– Ну, томиться в тюрьме.

– Конечно, такая уж его доля; но ему всячески стараются смягчить условия жизни. Притом, я думаю, и вы согласитесь со мной, этот молодец родился на свет вовсе не для того, чтобы так прекрасно кушать, как его кормят здесь. Да вот посмотрите: этот непочатый пирог и раки, до которых едва дотронулись, марнские раки, крупные, как лангусты! Все это отправится сейчас во вторую Бертодьеру с бутылкой бургундского, которое вам так нравится. Теперь вы не будете больше сомневаться, я надеюсь?

– Нет, дорогой Безмо, не буду. Но ведь все эти заботы относятся только к счастливым пятнадцатилетним, а о бедняге Сельдоне вы совсем позабыли.

– Извольте! В честь вашего посещения устроим и для него пир: он получит бисквит, варенье и эту бутылочку портвейна.

– Вы превосходный человек; я уже говорил вам это и снова повторяю, дорогой Безмо.

– Идемте, идемте, – заторопил комендант, у которого немного закружилась голова не то от выпитого вина, не то от похвал Арамиса.

– Помните, что я иду туда, только чтобы исполнить вашу просьбу, – сказал прелат.

– О, вы меня будете благодарить за эту прогулку.

– Так пойдем.

– Подождите, я предупрежу.

Безмо дважды позвонил; вошел тюремщик.

– Я отправляюсь в башни, – сообщил Безмо. – Не надо ни стражи, ни барабанов, словом, никакого шума.

– Если бы я не оставил здесь своего плаща, – промолвил Арамис в притворном страхе, – то мне, право, показалось бы, что я сам сажусь в тюрьму.

Тюремщик пошел вперед, комендант и Арамис за ним, рука об руку; несколько солдат, находящихся во дворе, вытянулись в струнку при виде коменданта.

Безмо провел гостя по небольшому плацу; оттуда они направились к подъемному мосту, через который часовые беспрепятственно пропустили их, узнав начальство.

– Сударь, – громко спросил комендант Арамиса, чтобы каждое слово его было услышано караульными, – сударь, у вас хорошая память?

– Зачем вы меня спрашиваете об этом?

– Я имею в виду ваши планы и чертежи, так как даже архитекторам воспрещено входить в камеры с бумагой, пером или карандашом.

«Славно! – подумал Арамис. – Я, кажется, попал в архитекторы. Пожалуй, это похоже на шутки д'Артаньяна, который видел меня в Бель-Иле инженером».

И он, напрягая голос, заявил:

– Будьте спокойны, господин комендант: нам достаточно прикинуть на глаз, чтобы все запомнить.

Безмо даже бровью не повел; стража приняла Арамиса за архитектора.

– Начнем с Бертодьеры, – снова прокричал Безмо, чтобы его слышала вся тюрьма.

– Хорошо, – отвечал Арамис.

Потом Безмо обратился к зрителю:

– Воспользуйся случаем и снеси в номер второй отложенные мной лакомства.

– В третий номер, дорогой Безмо, в третий, вы все время ошибаетесь.

– Правда.

Они стали подниматься по лестнице.

На одном этом дворе было столько засовов, решеток и замков, что их хватило бы на весь город.

Арамис не был ни мечтателем, ни человеком чувствительным; правда, в молодости он писал стихи; но сердце у него было черствое, как у всякого пятидесятипятилетнего человека, который любил многих женщин или, вернее, был любим многими женщинами.

Но когда он стал всходить по каменным ступенькам, истоптанным столькими несчастными, когда на него пахнуло сыростью этих мрачных сводов, сердце его, должно быть, смягчилось, потому что он опустил голову и с затуманившимися глазами молча пошел след за Безмо.

VI. Узник второй Бертодьеры

Когда они поднялись во второй этаж, Арамис задыхался не то от усталости, не то от волнения.

Он прислонился к стене.

– Хотите, начнем отсюда? – спросил Безмо. – Так как мы собираемся в две камеры, то, мне кажется, все равно, поднимемся ли мы сначала в третий этаж и затем спустимся во второй или наоборот. Кроме того, в этой камере нужно сделать кое-какой ремонт, – торопливо прибавил он, чтобы стоявший неподалеку тюремщик мог разобрать его слова.

– Нет, нет, – запротестовал Арамис, – пойдем навверх, навверх, комендант! Там работа более неотложная.

И они стали подниматься выше.

– Попросите ключи у тюремщика, – шепнул своему спутнику Арамис.

– Сию минуту.

Безмо взял ключи и сам открыл дверь в третью камеру. Тюремщик вступил туда первым и разложил на столе кушанья, которые добрый комендант называл лакомствами.

После этого он удалился.

Заклученный даже не пошевелинулся.

Тогда Безмо сам вошел в камеру, попросил Арамиса подождать у двери.

Прелат мог разглядеть молодого человека, скорее юношу,

лет восемнадцати, который, увидев входившего коменданта, бросился ничком на кровать с воплями:

– Матушка, матушка!

В этих воплях слышалось такое безысходное горе, что Арамис невольно вздрогнул.

– Дорогой гость, – обратился к заключенному Безмо, пытаясь улыбнуться, – вот вам десерт и развлечение; десерт для тела, развлечение для души. Вот этот господин успокоит вас.

– Ах, господин комендант! – воскликнул юноша. – Оставьте меня одного на целый год, кормите хлебом и водой, но скажите, что через год меня отсюда выпустят, скажите, что через год я снова увижусь с матушкой!

– Дружок мой, – сказал Безмо, – вы же сами говорили, что ваша матушка очень бедна, что живете вы плохо, а здесь смотрите, какие удобства!

– Да, она бедна, сударь; тем более нужно возратить ей кормильца. Помещение у нас плохое? Ах, сударь, когда человек на свободе, ему всюду хорошо!

– И так как вы утверждаете, что, кроме этого несчастного дистиха...

– Я сочинил его без всякого злого умысла, клянусь вам; он мне пришел в голову, когда я читал Марциала. Ах, сударь, пусть накажут меня как угодно, пусть отсекут руку, которой я писал, я буду работать другой; только верните меня к матушке!

– Дитя мое, – продолжал Безмо, – вы знаете, что это от

меня не зависит; я могу только увеличить ваш паек: дать стаканчик портвейну, сунуть пирожное.

– Боже мой, боже мой! – застонал юноша, падая на землю и катаясь по полу.

Арамис не мог больше выносить эту сцену и вышел в коридор.

– Несчастный! – прошептал он.

– Да, сударь, он очень несчастен, но во всем виноваты родители, – сказал смотритель, стоявший около дверей камеры.

– Как так?

– Конечно... Зачем они заставили его учить латынь?.. Забивать голову науками вредно... Я едва умею читать и писать; и вот в тюрьму не попал, как видите.

Арамис окинул взглядом этого человека, который считал, что быть тюремщиком не значит быть в тюрьме.

Безмо тоже появился в коридоре, видя, что ни его утешения, ни вино не действуют. Он был расстроен.

– А дверь-то, дверь! – крикнул тюремщик. – Вы забыли запереть дверь.

– И правда, – вздохнул Безмо. – Вот возьми ключи.

– Я похлопочу за этого ребенка, – проговорил Арамис.

– И если ваши хлопоты будут безуспешны, – сказал Безмо, – то просите, чтобы его по крайней мере перевели на десять ливров, мы оба от этого выгадаем.

– Если и другой заключенный также зовет матушку, я не

буду заходить к нему и произведу измерения снаружи.

– Не бойтесь, господин архитектор, – успокоил тюремщик, – он у нас смирный, как ягненок, и все молчит.

– Ну пойдёмте, – нехотя согласился Арамис.

– Ведь вы тюремный архитектор? – обратился к нему сторож.

– Да.

– Как же вы до сих пор не привыкли к таким сценам? Странно!

Арамис увидел, что во избежание подозрений ему нужно призвать на помощь все свое самообладание.

Безмо открыл камеру.

– Остаься здесь и подожди нас на лестнице, – приказал он тюремщику.

Тот повиновался.

Безмо прошёл вперед и сам открыл вторую дверь.

В камере, освещенной лучами солнца, проникавшими через решетчатое окно, находился красивый юноша, небольшого роста, с короткими волосами и небритый; он сидел на табуретке, опершись локтем на кресло и прислонившись к нему. На кровати валялся его костюм из тонкого черного бархата; сам он был в прекрасной батистовой рубашке.

При звуке открываемой двери молодой человек небрежно повернул голову, но, узнав Безмо, встал и вежливо поклонился. Когда глаза его встретились с глазами Арамиса, стоявшего в тени, епископ побледнел и выронил шляпу, точно

на него нашел столбняк.

У Безмо, привыкшего к своему жильцу, не дрогнул ни один мускул; он старательно, как усердный слуга, стал раскладывать на столе пирог и раков. Занятый этим, он не заметил волнения своего гостя.

Окончив сервировку, комендант обратился к молодому узнику со словами:

– Вы сегодня очень хорошо выглядите.

– Благодарю вас, сударь, – отвечал юноша.

Услышав этого голос, Арамис едва удержался на ногах.

Все еще мертвенно бледный, он невольно сделал шаг вперед. Это движение не ускользнуло от внимания Безмо, несмотря на все его хлопоты.

– Это архитектор, который пришел посмотреть, не дымит ли ваш камин, – сообщил Безмо.

– Нет, он никогда не дымит, сударь.

– Вы говорили, господин архитектор, что нельзя быть счастливым в тюрьме, – сказал комендант, потирая руки, – однако перед вами заключенный, который счастлив. Надеюсь, вы ни на что не жалуетесь?

– Никогда.

– И вам не скучно? – спросил Арамис.

– Нет.

– Что я вам говорил? – шепнул Безмо.

– Да, невозможно не верить своим глазам. Вы разрешите задать ему несколько вопросов?

– Сколько угодно.

– Так будьте добры, спросите его, знает ли он, за что попал сюда.

– Господин архитектор спрашивает вас, – строго обратился к узнику Безмо, – знаете ли вы, почему вы попали в Бастилию?

– Нет, сударь, – спокойно отвечал молодой человек, – не знаю.

– Но ведь это невозможно! – воскликнул Арамис, охваченный волнением. – Если бы вы не знали причины вашего ареста, вы были бы в бешенстве.

– Первое время так и было.

– Почему же вы перестали возмущаться?

– Я образумился.

– Странно, – проговорил Арамис.

– Не правда ли, удивительно? – спросил Безмо.

– Что же вас образумило? – поинтересовался Арамис. – Нельзя ли узнать?

– Я пришел к выводу, что раз за мной нет никакой вины, то бог не может наказывать меня.

– Но что же такое тюрьма, как не наказание?

– Я и сам не знаю, – отвечал молодой человек, – могу сказать только, что мое мнение теперь совсем другое, чем было семь лет тому назад.

– Слушая вас, сударь, и видя вашу покорность, можно подумать, что вы даже любите тюрьму.

- Я мирюсь с ней.
- В уверенности, что когда-нибудь станете свободны?
- У меня нет уверенности, сударь, одна только надежда;
- и, признаюсь, с каждым днем эта надежда угасает.
- Почему же вам не выйти на волю? Ведь были же вы раньше свободны?
- Именно здравый смысл не позволяет мне ожидать освобождения; зачем было сажать меня, чтоб потом выпустить?
- А сколько вам лет?
- Не знаю.
- Как вас зовут?
- Я забыл имя, которое мне дали.
- Кто ваши родители?
- Я никогда не знал их.
- А те люди, которые воспитывали вас?
- Они не называли меня своим сыном.
- Любили вы кого-нибудь до своего заключения?
- Я любил свою кормилицу и цветы.
- Это все?
- Я любил еще своего лакея.
- Вам жаль этих людей?
- Я очень плакал, когда они умерли.
- Они умерли до вашего ареста или после?
- Они умерли накануне того дня, когда меня увезли.
- Оба одновременно?
- Да, одновременно.

– А как вас увезли?

– Какой-то человек приехал за мной, посадил в карету, запер дверцу на замок и привез сюда.

– А вы бы узнали этого человека?

– Он был в маске.

– Не правда ли, какая необычайная история? – шепотом сказал Безмо Арамису.

У Арамиса захватило дух.

– Да, необычайная.

– Но удивительнее всего то, что он никогда не сообщал мне столько подробностей.

– Может быть, это оттого, что вы никогда на расспрашивали, – заметил Арамис.

– Возможно, – отвечал Безмо, – я не любопытен. Ну что же, как вы находите камеру: прекрасная, не правда ли?

– Великолепная.

– Ковер...

– Роскошный.

– Держу пари, что у него не было такого до заключения.

– Я тоже так думаю.

Тут Арамис снова обратился к молодому человеку:

– А не помните ли вы, посещал вас кто-нибудь из незнакомых?

– Как же! Три раза приезжала женщина под густой вуалью, которую она поднимала только тогда, когда нас запирали и мы оставались с ней наедине.

– Вы помните эту женщину?

– Помню.

– О чем же она говорила с вами?

Юноша грустно улыбнулся:

– Она спрашивала меня о том же, о чем спрашиваете и вы. Хорошо ли мне, не скучно ли?

– А что она делала, приходя к вам и покидая вас?

– Обнимала меня, прижимала к сердцу, целовала.

– Вы помните ее?

– Прекрасно.

– Я хочу спросить вас, помните ли вы черты ее лица?

– Да.

– Значит, если бы случай снова свел вас с ней, вы бы узнали ее?

– О, конечно!

На лице Арамиса промелькнула довольная улыбка.

В эту минуту Безмо услышал шаги тюремщика, поднимавшегося по лестнице.

– Не пора ли нам уходить? – шепнул он Арамису.

Должно быть, Арамис узнал все, что ему хотелось знать.

– Как вам угодно, – сказал он.

Видя, что они собираются уходить, юноша вежливо поклонился. Безмо отвечал легким кивком, Арамис же, видимо тронутый его несчастьем, низко поклонился заключенному.

Они вышли. Безмо запер двери.

- Ну как? – спросил Безмо на лестнице. – Что вы скажете обо всем этом?
- Я открыл тайну, дорогой комендант, – отвечал Арамис.
- Неужели? Что же это за тайна?
- В доме этого юноши было совершено убийство.
- Полноте!
- Да как же! Лакей и кормилица умерли в один и тот же день. Очевидно, яд.
- Ай-ай-ай!
- Что вы на это скажете?
- Что это похоже на правду... Неужели этот юноша убийца?
- Кто же говорит об этом? Как вы могли заподозрить несчастного ребенка в убийстве?
- Да, да, это нелепо.
- Преступление было совершено в доме, где он жил; это-го довольно. Может быть, он видел преступников, и теперь опасаются, как бы он не выдал их.
- Черт возьми, если бы я знал, что это было так, я удвоил бы надзор за ним.
- Да у него, кажется, нет никакого желания бежать!
- О, вы не знаете, что за народ эти арестанты!
- У него есть книги?
- Ни одной; строжайше запрещено давать их ему.
- Строжайше?
- Запрещено самим Мазарини.

– Это запрещение у вас?

– Да, монсеньор. Хотите, я вам покажу его, когда мы вернемся домой?

– Очень хочу, я большой любитель автографов.

– За подлинность этого я ручаюсь; там только одна помарка.

– Помарка! Что же там зачеркнуто?

– Цифра.

– Цифра?

– Да. Сначала было написано: содержание в пятьдесят ливров.

– Значит, как принцам крови?

– Но вы понимаете, кардинал заметил свою ошибку: он зачеркнул ноль и прибавил единицу перед пятеркой. Кстати...

– Ну?

– Вы ничего мне не сказали о сходстве.

– Да по очень простой причине, дорогой Безмо: никакого сходства нет!

– Ну вот еще!

– А если и есть, то только в вашем воображении; если же оно существовало бы где-нибудь помимо него, то, мне кажется, вы хорошо бы сделали, никому не говоря о нем.

– Вы правы.

– Король Людовик Четырнадцатый, наверное, разгневался бы на вас, если бы вдруг узнал, что вы распространяете слух, будто какой-то его подданный имеет дерзость быть похожим

на него.

– Да, да, вы правы, – заторопился перепуганный Безмо, – но я говорил об этом только вам, а я всецело полагаюсь на вашу скромность, монсеньор.

– Будьте спокойны.

Разговаривая таким образом, они вернулись в квартиру Безмо; комендант вытащил из шкафа книгу, похожую на ту, что он уже показывал Арамису, но запертую на замок.

Ключ от этого замка Безмо всегда держал при себе на отдельном кольце.

Положив книгу на стол, он раскрыл ее на букве «М» и показал Арамису следующую запись в отделе примечаний:

«Не давать ни одной книги, белье самое тонкое, костюмы изящные; никаких прогулок, никаких смен тюремщиков, никаких сношений.

Разрешаются музыкальные инструменты, всевозможные удобства и комфорт; пятнадцать ливров на продовольствие. Г-н де Безмо может требовать больше, если пятнадцати ливров окажется недостаточно».

– И впрямь, – сказал Безмо, – нужно будет потребовать прибавки.

Арамис закрыл книгу.

– Да, – подтвердил он, – это написано рукой Мазарини; я узнаю его почерк. А теперь, дорогой комендант, – продолжал он, точно тема предшествующего разговора была исчер-

пана, – перейдем, если вам угодно, к нашим маленьким расчетам.

– Когда прикажете расплатиться с вами? Назначьте сами срок.

– Не нужно срока; напишите мне простую расписку в получении ста пятидесяти тысяч франков.

– С уплатой по предъявлении?

– Да. Но ведь вы понимаете, что я буду ждать до тех пор, пока вы сами не пожелаете заплатить мне.

– Я не беспокоюсь, – с улыбкой сказал Безмо, – но я уже выдал вам две расписки.

– Я сейчас разорву их.

И Арамис, показав коменданту расписки, действительно разорвал их.

Убежденный этим проявлением доверия, Безмо без колебаний подписал расписку на сто пятьдесят тысяч франков, которые он обязывался заплатить по первому требованию прелата.

Арамис, смотревший через плечо коменданта, пока тот писал, спрятал расписку в карман, не читая, чем окончательно успокоил Безмо.

– Теперь, – сказал Арамис, – вы не будете на меня сердиться, если я похищу у вас какого-нибудь заключенного?

– Каким образом?

– Выхлопотав для него помилование. Ведь я же сказал вам, что бедняга Сельдон очень интересуется мной.

– Ах да!

– Что же вы на это скажете?

– Это ваше дело; поступайте как знаете. Я вижу, что у вас руки длинные.

– Прощайте, прощайте!

И Арамис уехал, напутствуемый добрыми пожеланиями коменданта.

VII. Две приятельницы

В то самое время, когда г-н Безмо показывал Арамису узников Бастилии, у дверей дома г-жи де Бельер остановилась карета, и из нее вышла молодая женщина, вся в шелках.

Когда о приезде г-жи Ванель доложили хозяйке дома, она была погружена в чтение какого-то письма, которое торопливо спрятала и побежала навстречу гостье.

Маргарита Ванель бросилась ее целовать, жала ей руки и не давала вымолвить ни слова.

– Дорогая моя, – говорила она, – ты меня совсем забыла! Совсем закружилась на придворных праздниках.

– Я даже и не была на свадебных увеселениях.

– Чем же ты так занята?

– Готовлюсь к отъезду в Бельер.

– Ты хочешь стать деревенской жительницей? Я люблю, когда у тебя являются такие порывы. Но ты бледна.

– Нет, я чувствую себя прекрасно.

– Тем лучше, а я было испугалась. Ты знаешь, что мне говорили?

– Мало ли что говорят!

– Я готова все рассказать тебе, да боюсь, что ты будешь сердиться.

– Вот уж никогда! Ведь ты сама восхищалась ровностью моего характера.

– Так вот, дорогая маркиза, говорят, что с некоторых пор ты стала гораздо меньше тосковать о бедном господине де Бельере!

– Это злые сплетни, Маргарита; я жалею и всегда буду жалеть мужа; но прошло уже два года, как он умер, а мне всего только двадцать восемь лет, и скорбь о покойнике не может наполнять все мои мысли. Ты первая не поверила бы такой скорби, Маргарита.

– Отчего же? У тебя такое нежное сердце! – ядовито возразила г-жа Ванель.

– Да ведь и у тебя тоже нежное сердце, а я, однако, не нахожу, чтобы сердечные печали совсем убили тебя.

В этих словах слышался явный намек на разрыв Маргариты с г-ном Фуке, а также довольно прозрачный упрек в легкомыслии.

Они окончательно вывели Маргариту из себя, и она вскричала:

– Ну, так я скажу! Говорят, что ты влюблена, Элиза.

При этом она не сводила глаз с г-жи де Бельер, которая невольно вспыхнула.

– Несчастные женщины: всякий старается оклеветать их, – заметила маркиза после минутного молчания.

– О! На тебя-то, Элиза, не клеветают.

– Как же не клеветают, если рассказывают, что я влюблена?

– Прежде всего, если это правда, то это не клевета, а только злословие, а затем – ты не даешь мне кончить, – говорят,

что ты, хотя и влюблена, но зубами и когтями защищаешь свою добродетель, говорят, что ты живешь за семью замками и к тебе труднее попасть, чем к Данае, хотя у нее была башня из бронзы.

– Ты очень остроумна, Маргарита, – проговорила, треща, г-жа де Бельер.

– Ах, ты всегда льстила мне, Элиза... Словом, ты слынешь непреклонной и недоступной. Видишь, на тебя нисколько не клеветают... О чем же ты задумалась?

– Если говорят, что я влюблена, то, вероятно, называют чье-нибудь имя.

– Разумеется, называют.

– Меня удивило твое упоминание о Данае. Это имя невольно наводит на мысль о золотом дожде, не так ли?

– Ты хочешь напомнить про то, что Юпитер превратился ради Данаи в золотой дождь?

– Следовательно, мой возлюбленный... тот, кого ты мне приписываешь...

– Ах, извини, пожалуйста, я твой друг и не приписываю тебе никого.

– Допустим... Ну, тогда враги...

– Хорошо, я скажу тебе это имя. Только не пугайся, он человек очень влиятельный...

– Дальше.

И, словно приговоренная в ожидании казни, маркиза до боли сжала руки, так что ее холеные ногти вонзились в ла-

донь.

– Это очень богатый человек, – продолжала Маргарита, – может быть, самый богатый. Словом, его зовут...

Маркиза даже зажмурила глаза.

– Герцог Бекингэм, – проговорила наконец Маргарита с громким смехом.

Стрела попала в цель. Имя Бекингэма, сказанное вместо того имени, которое ожидала услышать маркиза, было для нее точно плохо наточенный топор, который не обезглавил де Шале и де Ту, когда они были возведены на эшафот, а только ранил им шею.

Однако она быстро оправилась:

– Ты, право, остроумная женщина; и ты мне доставила большое удовольствие. Твоя шутка прелестна... Я ни разу не видела господина Бекингэма.

– Ни разу? – спросила Маргарита, стараясь сохранить серьезность.

– Я никуда не выезжала с тех пор, как герцог живет в Париже.

– О, можно и не видаться друг с другом, а переписываться, – заметила на это г-жа Ванель, шаловливо протягивая ножку к клочку бумаги, валявшемуся на ковре.

Маркиза вздрогнула. Это был конверт того письма, которое она читала перед приездом подруги. На нем была печать с гербом суперинтенданта.

Госпожа де Бельер подвинулась на диване и незаметно за-

крыла конверт пышными складками своего широкого шелкового платья.

– Послушай, – заговорила она, – послушай, Маргарита, неужели ты приехала ко мне так рано только для того, чтобы рассказать мне все эти нелепости?

– Нет, прежде всего я приехала повидаться с тобою и напомнить тебе наши былые привычки, наши маленькие радости; помнишь, мы отправлялись на прогулку в Венсенский лес и там, в укромном месте, под дубом, вели разговоры про тех, кто нас любил и кого мы любили?

– Ты предлагаешь мне прогуляться?

– Меня ждет карета, и я свободна в продолжение трех часов.

– Я не одета, Маргарита... а если ты хочешь поболтать, то и без Венсенского леса мы найдем в моем саду и развесистое дерево, и густые заросли буков, и целый ковер маргариток и фиалок, аромат которых доносится сюда.

– Дорогая маркиза, мне досадно, что ты отказываешься от моего предложения... Мне так надо было излить перед тобой мою душу.

– Повторяю тебе, Маргарита, мое сердце одинаково принадлежит тебе и в этой комнате, и под липой моего сада, как и там – в лесу под дубом.

– Для меня это не одно и то же... Приближаясь к Венсенскому лесу, маркиза, я чувствую, что мои вздохи как будто слышнее там, куда они несутся эти последние дни.

При этих словах маркиза насторожилась.

– Тебя удивляет, не правда ли... что я все еще думаю о Сен-Манде?

– О Сен-Манде! – вырвалось у г-жи де Бельер.

И взгляды обеих женщин скрестились, подобно двум шпагам в начале дуэли.

– Ты, такая гордая?.. – сказала с пренебрежительной улыбкой маркиза.

– Я... такая гордая!.. – ответила г-жа Ванель. – Такова моя натура... Я не прощаю забвения, не переносу измены. Когда я бросаю, а он плачет, я могу полюбить опять; ну а когда меня бросают и смеются, я готова сойти с ума от любви.

Госпожа де Бельер невольно привстала на диване.

«Она ревнует!» – мелькнуло в голове Маргариты.

– Значит, – проговорила маркиза, – ты безумно любишь господина Бекингэма... то бишь... господина Фуке?

Маргарита болезненно ощутила удар, и вся кровь прилила ей к сердцу.

– И поэтому ты собиралась ехать в Венсен... даже в Сен-Манде!

– Я сама не знаю, куда я хотела ехать; я думала, что ты мне посоветуешь что-нибудь.

– Не могу; я ведь не умею прощать. Может быть, я не умею любить так глубоко, как ты. Но если мое сердце оскорблено, то уж навсегда.

– Да ведь господин Фуке твоих чувств не оскорблял, – с

деланной наивностью заметила Маргарита Ванель.

– Ты прекрасно понимаешь, что я хочу сказать. Господин Фуке не оскорблял моих чувств; я не пользовалась его благосклонностью и не терпела от него обид, но ты имеешь повод жаловаться на него. Ты моя подруга, и я бы не советовала тебе поступать так, как ты собираешься.

– Что же ты вообразила?

– Те вздохи, о которых ты упоминала, говорят достаточно красноречиво.

– Ах, ты раздражаешь меня! – воскликнула вдруг молодая женщина, собравшись с силами, как борец, готовый нанести последний удар. – Ты думаешь только о моих страстях и слабостях, а о моих чистых и великодушных побуждениях ты забываешь. Если в настоящую минуту я и чувствую симпатию к господину Фуке и даже делаю шаг к сближению с ним, признаюсь откровенно, то только потому, что его судьба глубоко волнует меня, и, на мой взгляд, он один из самых несчастных людей на свете.

– А! – проговорила маркиза, приложив руку к груди. – Разве случилось что-нибудь новое?

– Дорогая моя, новое прежде всего в том, что король перенес все свои милости с господина Фуке на господина Кольбера.

– Да, я слышала это.

– Это и понятно, когда обнаружилась история с Бель-Илем.

– А меня уверяли, что все это в конце концов послужило к чести господина Фуке.

Маргарита разразилась таким злобным смехом, что г-жа де Бельер с удовольствием вонзила бы ей кинжал в самое сердце.

– Дорогая моя, – продолжала Маргарита, – теперь дело идет уже не о чести господина Фуке, а о его спасении. Не пройдет и трех дней, как станет очевидным, что министр финансов окончательно разорен.

– О! – заметила маркиза, улыбаясь, в свою очередь. – Что-то уж очень скоро.

– Я сказала «три дня» потому, что люблю обольщать себя надеждами. Но вероятнее всего, что катастрофа разразится сегодня же.

– Почему?

– По самой простой причине: у господина Фуке нет больше денег.

– В финансовом мире, дорогая Маргарита, случается, что сегодня у человека нет ни гроша, а завтра он ворочает миллионами.

– Это могло случиться с господином Фуке в то время, когда у него было два богатых и ловких друга, которые собирали для него деньги, выжимая их из всех сундуков; но эти друзья умерли, и теперь ему неоткуда почерпнуть миллионы, которые просил у него вчера король.

– Миллионы? – с ужасом воскликнула маркиза.

– Четыре миллиона... четное число.

– Подлая женщина, – прошептала про себя г-жа де Бельер, измученная этой жестокой радостью, однако она собралась с духом и ответила: – Я думаю, что у господина Фуке найдется четыре миллиона.

– Если у него есть четыре миллиона, которые король просит сегодня, может быть, у него не будет их через месяц, когда король попросит снова.

– Король опять будет просить у него денег?

– Разумеется; вот потому-то я и говорю, что разорение господина Фуке неминуемо. Из самолюбия он будет безотказно давать деньги, а когда их не хватит – ему крышка.

– Твоя правда, – сказала маркиза дрожащим голосом, – план рассчитан верно... А скажи, пожалуйста, господин Кольбер очень ненавидит господина Фуке?

– Мне кажется, что он недолюбливает его... Господин Кольбер теперь в большой силе; он выигрывает, если узнать его поближе, – у него гигантские замыслы, большая выдержка, осторожность; он далеко пойдет.

– Он будет министром финансов?

– Возможно... Так вот почему, дорогая моя маркиза, я так жалела этого бедного человека, который любил меня, даже обожал; вот почему, видя, какой он несчастный, я прощала ему в душе его измену... в которой он раскаивается, судя по некоторым данным; вот почему я склонна была утешить его и дать ему добрый совет: он, наверно, понял бы мой поступок

и был бы мне благодарен.

Маркиза, оглушенная, уничтоженная этим натиском, рассчитанным с меткостью хорошего артиллерийского огня, не знала, что отвечать, что думать.

— Так почему же, — проговорила она наконец, втайне надеясь, что Маргарита не станет добивать побежденного врага, — почему бы вам не поехать к господину Фуке?

— Положительно, маркиза, я начинаю серьезно думать об этом. Нет, пожалуй, неприлично самой делать первый шаг. Разумеется, господин Фуке любит меня, но он слишком горд. Не могу же я подвергать себя риску... Кроме того, я должна побережь и мужа. Ты ничего не говоришь... Ну, в таком случае я посоветуюсь с господином Кольбером.

И она с улыбкой встала, собираясь прощаться. Маркиза была не в силах подняться на ноги.

Маргарита сделала несколько шагов, наслаждаясь унижением и горем своей соперницы; потом она вдруг спросила:

— Ты не проводишь меня?

Маркиза пошла за ней, бледная, холодная, не обращая внимания на конверт, который она заботливо старалась прикрыть юбкой во время разговора.

Затем она открыла дверь в молельную и, даже не поворачивая головы в сторону Маргариты Ванель, ушла туда и заперла за собой дверь.

Как только маркиза исчезла, ее завистливая соперница бросилась, как пантера, на конверт и схватила его.

– У-у-у, лицемерка! – прошипела она, скрежеща зубами. – Конечно, она читала письмо от Фуке, когда я приехала!

И, в свою очередь, выбежала вон из комнаты.

А в это время маркиза, очутившись в безопасности за дверью, почувствовала, что силы окончательно изменяют ей; с минуту она стояла, побледнев и окаменев, как статуя; потом, подобно статуе, которую колеблет ураган, она покачнулась и упала без чувств на ковер.

VIII. Серебро госпожи де Бельер

Удар был особенно тяжел из-за его неожиданности. Прошло немало времени, пока маркиза оправилась; но, придя в себя, она стала размышлять о назревающих событиях. Она перебирала в памяти все, что сообщила ей ее безжалостная подруга.

Вскоре природный ум этой энергичной женщины взял верх над чувством бесплодного сострадания.

Маркиза не принадлежала к тем женщинам, которые плачут и ахают над несчастьем вместо того, чтобы попытаться действовать. Стиснув виски похолодевшими пальцами, она просидела минут десять в раздумье; потом, подняв голову, твердой рукой позвонила.

Она приняла решение.

– Все ли готово к отъезду? – осведомилась она у вошедшей горничной.

– Да, сударыня, но мы думали, что вы уедете в Бельер не раньше, чем через три дня.

– Однако вы уложили драгоценности и серебро?

– Да, сударыня, но мы обыкновенно оставляем эти вещи в Париже; вы никогда не берете драгоценностей с собою в деревню.

Маркиза помолчала, потом сказала спокойным тоном:

– Пошлите за моим ювелиром.

Горничная ушла исполнять приказание, а маркиза направилась к себе в кабинет и начала внимательно рассматривать свои драгоценности.

Никогда она не обращала столько внимания на свои богатства: она рассматривала эти драгоценности, только когда выбирала их. А в эту минуту она любовалась величиною рубинов и чистой водой брильянтов; она приходила в отчаяние от малейшего пятнышка или изъяна; золото казалось ей недостаточно тяжелым, а камни — мелкими.

Вошедший в комнату ювелир застал ее за этим занятием.

— Господин Фоше! Кажется, вы поставляли мне все драгоценности?

— Да, маркиза.

— Я не могу припомнить, сколько стоило это серебро.

— Сударыня, кувшины, кубки и блюда с футлярами да столовые приборы, мороженицы и тазы для варки варенья — все это обошлось вам в шестьдесят тысяч ливров.

— Господи, только и всего?

— Сударыня, в то время вы находили, что это очень дорого...

— Правда, правда. Я действительно припоминаю, что было дорого; ведь тут ценится работа, не так ли?

— Да, сударыня, и гравировка, и чеканка, и отливка.

— А какую часть стоимости вещи составляет работа?

— Третью часть, сударыня.

— У нас еще есть другое серебро, старинное, моего мужа.

– Ах, сударыня, там не такая тонкая работа. За него можно дать только тридцать тысяч ливров, стоимость самого металла.

– Всего девяносто, – прошептала маркиза. – Но, господин Фоше, есть еще серебро моей матери; помните, целая гора? Я его держала только как воспоминание.

– Ах, сударыня, то серебро – целое состояние для людей менее обеспеченных, чем вы. В то время все вещи делались очень массивными, не то что теперь. Но такую посуду не принято подавать на стол: она слишком громоздка.

– Да это как раз то, что нужно! Сколько в ней весу?

– По крайней мере тысяч на пятьдесят ливров. Я уже не говорю про огромные буфетные вазы: они одни стоят десять тысяч ливров пара.

– Сто пятьдесят! – воскликнула маркиза. – Вы уверены в цифрах, господин Фоше?

– Уверен, сударыня. Да ведь не трудно прикинуть на весах.

– Теперь перейдем к другим вещам, – продолжала г-жа де Бельер.

И она открыла ларчик с драгоценностями.

– Узнаю эти изумруды, – сказал ювелир, – я сам их оправлял; самые лучшие изумруды при дворе, то есть, виноват: самые лучшие принадлежат госпоже де Шатильон; они ей достались от Гизов; но ваши, сударыня, вторые.

– Сколько они стоят? И есть ли возможность продать их?

– Сударыня, ваши драгоценности купят с удовольствием: все знают, что у вас лучший подбор камней во всем Париже. Вы не из тех дам, которые меняют купленное; вы покупаете всегда самое лучшее и умеете это сохранить.

– Так сколько могут дать за эти изумруды?

– Сто тридцать тысяч ливров.

Маркиза занесла эту цифру в свою записную книжечку.

– А за это колье? – спросила она.

– Отличные рубины. Я и не знал, что они есть у вас.

– Оцените.

– Двести тысяч ливров. Один средний стоит сто тысяч.

– Да, да, я так и думала, – подхватила маркиза. – Теперь брильянты. Ах, у меня масса брильянтов: кольца, цепочки, подвески, серьги, аграфы! Оценивайте поскорее, господин Фоше.

Ювелир вооружился лупой, вынул весы, взвешивал, осматривал и тихонько считал про себя.

– Все эти камни могут дать госпоже маркизе сорок тысяч ливров ежегодного дохода.

– По-вашему, они стоят восемьсот тысяч ливров?..

– Около того.

– Я так и думала. Не считая оправы, разумеется?

– Да, сударыня. И если бы мне дали эти вещи купить или продать, то я удовольствовался бы за комиссию одним золотом, в которое оправлены эти камни, и заработал бы добрых двадцать пять тысяч ливров.

– Так не угодно ли вам взяться за продажу этих вещей с тем условием, что вы заплатите мне за все сейчас же наличными деньгами?

– Что вы, сударыня? – опешил ювелир. – Неужели вы собираетесь продать свои брильянты?..

– Тише, господин Фоше, не беспокойтесь, пожалуйста; дайте мне только ответ. Вы человек честный, тридцать лет состоите поставщиком нашего дома, знали и моего отца, и мою мать, которые заказывали вещи еще у родителей ваших. Я говорю с вами как с другом: угодно ли вам получить золотую оправу камней за то, что вы купите все у меня за наличный расчет?

– Восемьсот тысяч ливров! Да ведь это такая громадная сумма! Так трудно ее раздобыть!

– Я знаю.

– Посудите, сударыня, какие толки поднимутся в обществе, когда пойдет слух о продаже вами драгоценностей!

– Никто не узнает об этом... Вы изготовите мне такие точно вещи, только с фальшивыми камнями. Не возражайте: я так хочу. Продайте все по частям, продайте одни камни, без оправы.

– Одни камни легче продать... Принц ищет драгоценности для туалетов принцессы. Уже объявлен конкурс. Я легко могу продать принцу ваши камни на шестьсот тысяч ливров. Я уверен, что они окажутся лучше всех прочих.

– Когда вы можете это устроить?

– В три дня.

– Хорошо, а остальное вы продадите частным лицам.

– Сударыня, умоляю вас, подумайте хорошенько... Если вы будете спешить, вы потеряете сотню тысяч ливров.

– Я готова потерять хоть двести. Я хочу, чтобы все было оформлено сегодня же к вечеру. Так вы согласны?

– Согласен, маркиза... Не скрываю, что на этой сделке я заработаю пять тысяч пистолей.

– Тем лучше. А как вы заплатите мне?

– Золотом или бумагами Лионского банка, которые можно реализовать у господина Кольбера.

– С посудой выйдет миллион, – прошептала маркиза. – Господин Фоше, вы возьмете также золото и серебро. Скажете, что я желаю переплавить по моделям, которые мне больше нравятся.

– Слушаю, маркиза.

– Золото, которое будет мне причитаться за посуду, сложите в сундук и прикажите одному из ваших приказчиков ехать с этим сундуком, так, чтобы мои люди не видели его; пусть приказчик подождет меня в карете.

– В карете моей жены? – спросил ювелир.

– Если желаете, я могу ехать в ней.

– Хорошо, маркиза.

– Серебро свезите с помощью трех моих людей.

– Слушаю, сударыня.

Маркиза позвонила.

– Велите подать фургон господину Фоше.

Ювелир раскланялся и ушел; по дороге он говорил, что маркиза велела расплавить всю свою старинную посуду и сделать новую в более современном стиле.

Через три часа маркиза отправилась к г-ну Фоше и получила от него на восемьсот тысяч ливров бумаг Лионского банка и двести пятьдесят тысяч ливров золотой монетою, сложенной в сундук, который приказчик с трудом донес до кареты.

Эта карета, или, вернее, дом на колесах, составляла предмет восхищения всего квартала; сверху донизу она была покрыта аллегорическими рисунками и облаками, усеянными золотыми и серебряными звездами. Знатная дама села в этот неуклюжий рыдван рядом с приказчиком, который забился в угол, боясь задеть платье маркизы.

И приказчик крикнул кучеру, очень гордому тем, что везет маркизу:

– В Сен-Манде!

IX. Приданое

Лошади г-на Фоше были могучие першероны, чьи ноги походили на тумбы. Как и карета, они явились на свет еще в первой половине столетия. Естественно, что они не могли бежать так быстро, как английские лошади г-на Фуке, и им понадобилось два часа, чтобы одолеть расстояние до Сен-Манде.

Маркиза остановилась у двери, хорошо ей знакомой, хотя видела эту дверь всего только раз.

Она вынула из кармана ключ, вложила его в замок, толкнула дверь, которая беззвучно отворилась, и приказала приказчику поднять сундук во второй этаж. Но сундук оказался таким тяжелым, что приказчик был вынужден прибегнуть к помощи кучера.

Сундук поставили в маленькой комнатке, не то прихожей, не то будуаре, примыкавшей к той зале, где мы видели г-на Фуке у ног маркизы.

Госпожа де Бельер дала кучеру луидор, одарила приказчика обворожительной улыбкой и отпустила обоих. Она сама заперла за ними дверь и осталась в комнатке одна.

Хотя слуг не было видно, но все было приготовлено для гостей. В камине горел огонь, в канделябры были вставлены свечи, на этажерке стояли закуски, вина и фрукты, на столах лежали книги, а в японских вазах красовались букеты живых

цветов.

Точно волшебный дом.

Маркиза зажгла свечи в канделябрах, вдохнула аромат цветов, села и задумалась.

Она размышляла, как оставить г-ну Фуке эти деньги, чтобы он не мог догадаться, откуда они. Она схватилась за первое пришедшее ей в голову средство.

Можно просто позвонить, вызвать г-на Фуке и убежать; отдав ему миллион, она будет счастливее, чем если бы сама нашла миллион. Но ведь Фуке догадается и, пожалуй, откажется принять как дар то, что он, быть может, принял бы как заем, и, таким образом, вся ее затея пропадет даром.

Для полной удачи нужно было серьезно обдумать этот шаг, убедить суперинтенданта в безвыходности его положения, пустить в ход все красноречие дружбы, а если и этого окажется мало, пробудить в нем страсть, против которой никто не может устоять.

Суперинтендант был известен как человек очень щепетильный и гордый; он ни за что не допустил бы, чтобы женщина разорилась ради него. Нет, он стал бы всеми силами бороться, и только любимая женщина могла сломить его упорство.

Но любил ли он ее?

Способен ли этот легкомысленный и увлекающийся человек ограничиться одной женщиной, хотя бы эта женщина была ангелом?

— Вот это-то я и должна выяснить, — прошептала маркиза. — Кто знает, может быть, это сердце, которым я так жажду овладеть, окажется на поверку пошлым и низким... Полно, полно! — воскликнула она. — Довольно сомнений, довольно колебаний, пора перейти к испытанию! Пора!

Она взглянула на часы.

Теперь семь часов, он должен быть дома: это его рабочий час. Смелее!

И она с лихорадочным нетерпением подошла к зеркалу, улыбнулась себе, повернула потайную пружину и нажала кнопку звонка. Потом, словно уже обессилев в борьбе, бросилась на колени перед огромным креслом и охватила руками голову.

Через десять минут раздался звук отворяющейся двери. Вошел Фуке. Он был бледен; тяжелые мысли омрачали его лицо.

Должно быть, он был сильно озабочен, что так медленно явился на этот призыв любви, он — человек, для которого наслаждение составляло все на свете.

После бессонной ночи и мучительных дум он как-то весь осунулся; свойственное ему обычно беззаботное выражение пропало, и вокруг глаз появились темные круги.

Но он был по-прежнему красив, по-прежнему осанка его дышала благородством, а печальная складка у рта, редко появлявшаяся у этого человека, придавала его лицу какой-то новый, молодивший его оттенок.

В черном костюме, с белыми кружевами на груди, суперинтендант остановился в задумчивости на пороге той комнаты, где он так часто находил желанное счастье.

Его мрачное спокойствие, его печальная улыбка произвели на г-жу де Бельер невыразимое впечатление.

Глаз женщины умеет всегда распознать в чертах любимого человека гордость или страдание; чтобы вознаградить женщин за их слабость, природа одарила их исключительной чуткостью. При первом взгляде на Фуке маркиза поняла, что он глубоко несчастлив.

Она угадала и то, что эту ночь он провел без сна, а день принес ему разочарования.

И тотчас же силы вернулись к ней, она почувствовала, что любит Фуке больше жизни.

Она встала и, подойдя к нему, сказала:

– Вы писали мне утром, что начинаете уже забывать меня и что я, не видясь с вами, конечно, перестала думать о вас. Я приехала сюда, сударь, чтобы опровергнуть подобные предположения, тем более что я вижу по вашим глазам...

– Что вы видите, маркиза? – спросил удивленный Фуке.

– Что вы никогда еще так сильно не любили меня, как в эту минуту, и вы также должны видеть по моему поступку, что я вас не забыла.

– Ах, маркиза, – ответил Фуке, и его благородное лицо мгновенно озарилось радостью. – Вы – ангел, и мужчины не имеют права сомневаться в вас; им остается одно: прекло-

ниться пред вами и робко ожидать вашего благоволения.

– В таком случае это благоволение вам будет даровано.

Фуке хотел опуститься перед нею на колени.

– Нет, – остановила она его, – сядьте со мною рядом. Ах, вот сейчас у вас на уме нехорошая мысль!

– Почему вы так говорите, сударыня?

– Вас выдала ваша улыбка. Скажите, о чем вы задумались? Ну скажите же, будьте откровенны; между друзьями не должно быть никаких тайн!

– Ответьте и вы мне, к чему такая суровость в течение целых трех или четырех месяцев?

– Суровость?

– Разумеется. Разве вы не запретили мне посещать вас?

– Увы, мой друг, – заговорила г-жа де Бельер с глубоким вздохом, – ваш приезд ко мне принес вам большое несчастье; за моим домом следят; те же самые глаза, которые видели вас тогда, могут увидеть вас опять. Словом, я нахожу, что безопаснее мне приезжать сюда, чем вам ко мне; вы и так несчастны, и я не хочу, чтобы из-за меня вы стали еще несчастнее.

Фуке вздрогнул.

Эти слова снова напомнили ему финансовые заботы, а он стал уже было погружаться в любовные грезы.

– Я несчастен? – проговорил он, силясь улыбнуться. – Право, маркиза, вы говорите таким печальным тоном, что, пожалуй, заставите меня самого поверить вашим словам.

Неужели эти чудные глаза смотрят на меня только с жалостью? А мне так хотелось бы прочесть в них другое чувство.

– Не я печальна, а вы: взгляните на себя в зеркало.

– Я действительно немного бледен, маркиза, но это от усиленной работы; вчера король попросил у меня денег.

– Да, четыре миллиона, я знаю.

– Неужели вам это известно? – воскликнул пораженный Фуке. – Откуда вы это узнали? Ведь это было после того, как королевы удалились к себе, оставался только один человек, когда король...

– Видите, я знаю, этого довольно, не правда ли? Итак, продолжайте, друг мой: король попросил у вас...

– Так вы понимаете, маркиза, надо было добыть деньги, сосчитать их, разнести по книгам, для всего этого требуется время. С тех пор как умер Мазарини, финансовые дела несколько запутались и расстроились. Мои служащие завалены работой, вот почему я не спал эту ночь.

– Значит, у вас есть эта сумма? – спросила с беспокойством маркиза.

– Ну, маркиза, – весело отвечал Фуке, – хорош был бы министр финансов, у которого в кассе не нашлось бы жалких четырех миллионов!

– Я уверена, что они у вас есть или будут.

– То есть как это будут?

– Он еще так недавно просил у вас два миллиона.

– Напротив, маркиза, мне кажется, с тех пор прошла целая

вечность; но, пожалуйста, перестанем говорить о деньгах.

– Напротив, будем говорить именно о деньгах, друг мой.

– О!

– Послушайте, я для этого только и приехала сюда.

– Но что же вы хотите сказать по этому поводу? – спросил министр, и в глазах его блеснуло тревожное любопытство.

– Скажите, господин Фуке, министр финансов – лицо несменяемое?

– Вы удивляете меня, маркиза; вы говорите со мною, как вкладчица.

– По очень простой причине: я желаю поместить к вам капитал и, естественно, желаю знать, надежная ли у вас фирма.

– Право, маркиза, я не могу догадаться, к чему клонится ваш разговор.

– Я серьезно говорю вам, дорогой господин Фуке: у меня есть капитал, который стесняет меня. Мне надоело покупать земли, и я хотела бы попросить кого-нибудь из моих приятелей пустить этот капитал в оборот.

– Но я думаю, это не к спеху?

– Наоборот, даже очень к спеху.

– Хорошо. Мы потом поговорим об этом.

– Нет, не потом, так как я привезла деньги сюда.

И она указала на сундук; затем она открыла его, и глазам Фуке представились связки банковских билетов и куча золота.

Фуке поднялся со стула одновременно с г-жой де Бельер;

на минуту он задумался, потом вдруг попятился и упал в кресло, закрыв лицо руками.

— Ах, маркиза, маркиза!

— В чем дело?

— Какого вы мнения обо мне, если предлагаете мне подобные вещи?

— Но что же вы вообразили? Скажите.

— Эти деньги... ведь вы привезли их для меня, вы привезли их потому, что услышали о моем затруднительном положении. Ах, не отпирайтесь! Я угадал. Разве я не знаю вашего сердца?

— Ну и прекрасно! Раз вы его знаете, вы видите, что я предлагаю вам его.

— Значит, я угадал! — воскликнул Фуке. — Право, сударыня, я никогда не давал вам повода так оскорблять меня.

— Оскорблять вас! — проговорила она, побледнев. — Вот странная щепетильность у людей! Ведь вы говорили, что любите меня. И во имя этой любви просили, чтобы я поступилась своею честью, репутацией! А когда я предлагаю вам деньги, вы отказываетесь от них!

— Маркиза, маркиза, вам предоставлялась полная свобода оберегать то, что вы называете репутацией и честью. Предоставьте же и мне свободу защищать мое достоинство. Пусть я буду разорен, пусть я паду под тяжестью моих собственных ошибок, даже под тяжестью угрызений совести, но, заклиная вас всем святым, не наносите мне этого последнего

удара!

– Вы говорите безрассудно, господин Фуке, – сказала маркиза.

– Очень может быть, маркиза.

– И безжалостно.

Фуке схватился за грудь, словно силясь подавить внутреннее волнение.

– Осыпайте меня упреками, маркиза, – простонал он, – я не стану отвечать вам.

– Вы не хотите принять от меня доказательство дружеского расположения?

– Не хочу.

– Поглядите на меня, господин Фуке.

Глаза маркизы загорелись.

– Я предлагаю вам свою любовь.

– О маркиза!.. – мог только выговорить Фуке.

– Слышите ли? Я люблю вас, люблю давно; у женщин, как и у мужчин, бывает ложный стыд, ложная щепетильность, я давно люблю вас, но не хотела признаться в этом.

– Ах! – проговорил Фуке, всплеснув руками.

– И вот я вам признаюсь... Вы на коленях молили меня о любви, я отказывала вам; я была так же слепа, как вы в данную минуту. А теперь я сама предлагаю вам свою любовь.

– Да, любовь, но только одну любовь.

– И любовь, и самое себя, и жизнь мою! Все, все, все!

– Я не вынесу такого счастья!

– А вы будете тогда счастливы? Говорите, говорите... если я буду ваша, вся ваша?

– Это высшее блаженство!

– Так владейте же мною. Но если я ради вас поступаюсь предрассудком, то и вы обязаны поступиться своей щепетильностью ради меня.

– Маркиза, маркиза, не искушайте меня!

– Фуке, одно слово «нет» – и я сейчас же открываю эту дверь. – И она показала на дверь, выходящую на улицу. – И вы никогда больше меня не увидите. А если «да» – я пойду за вами всюду, с закрытыми глазами, одна, без защиты, без сожаления, без ропота. А это мое приданое!

– Это ваше разорение, – сказал Фуке, опрокидывая сундук так, что бумаги и золото высыпались на пол, – здесь миллионное состояние.

– Ровно миллион... Здесь мои драгоценности, которые не понадобятся мне больше, если вы не любите меня; не понадобятся и в том случае, если вы меня любите так же сильно, как я вас люблю!

– О, это слишком большое счастье для меня! Слишком большое! – воскликнул Фуке. – Я уступаю, я сдаюсь, я побежден вашей любовью. Я принимаю приданое...

– А вот и сама невеста! – засмеялась маркиза, бросаясь в его объятия.

Х. Божья земля

А в это время Бекингэм и де Вард ехали вместе, как добрые приятели, по дороге, ведущей из Парижа в Кале.

Бекингэм так торопился, что отменил большую часть своих визитов.

Он сделал один общий визит принцу, принцессе, молодой королеве и вдовствующей королеве.

Герцог расцеловался с де Гишем и Раулем; уверил первого в полном уважении к нему, а второго – в своей преданности и вечной дружбе, перед которой бессильны время и расстояние.

Фургоны с поклажею двинулись вперед; сам Бекингэм выехал вечером в карете в сопровождении всей своей свиты.

Де Варда обижало, что этот англичанин как будто тащит его на буксире, и он перебирал в своем изворотливом уме всевозможные средства избежать этих цепей, но не мог найти ни одного подходящего, и волей-неволей ему пришлось поплатиться за свой скверный характер и злой язык.

В конце концов, взвесив все обстоятельства, де Вард уложил вещи в чемодан, нанял двух лошадей и в сопровождении только одного лакея отправился к той заставе, где должен был пересечь в карету Бекингэма.

Герцог принял своего противника как нельзя лучше. Он подвинулся, чтобы дать ему возможность усесться поудоб-

нее, предложил ему конфет и прикрыл его колени собольим мехом. Потом они стали говорить о дворе, не упоминая о принцессе, о принце, не касаясь его семьи, о короле, умалчивая о его невестке, о королеве-матери, обходя ее невестку, об английском короле, избегая называть его сестру.

Вот почему это путешествие, сопровождавшееся продолжительными остановками, было очаровательно.

Бекингэм, настоящий француз по уму и образованию, был в восторге от такого интересного спутника.

Дорогой они то закусывали, то пробовали лошадей на прекрасных лугах, то охотились за зайцами, так как Бекингэм вез с собою борзых. Словом, время проходило незаметно.

Покидая Францию, Бекингэм тосковал больше всего о новой француженке, которую он привез в Париж; его мысли были полны воспоминаний, а следовательно, сожалений.

И когда он невольно погружался в задумчивость, де Вард умолкал и старался не мешать ему.

Такая чуткость, наверное, тронула бы Бекингэма и, быть может, изменила бы его отношение к де Варду, если бы тот не смотрел на него злыми глазами, с ехидной улыбкой.

Инстинктивная ненависть неистребима: ничто не может ее загасить; иногда слой пепла покрывает ее, но под ним она раскаляется еще сильнее.

Истощив весь запас дорожных развлечений, они доехали наконец до Кале.

Это было к концу шестого дня путешествия.

Еще накануне люди герцога уехали вперед, чтобы нанять лодку для переезда на маленькую яхту, которая лавировала в виду берега или останавливалась, — когда чувствовала, что ее белые крылышки утомились, — на расстоянии двух-трех пушечных выстрелов от берега.

По частям весь экипаж герцога был свезен на яхту, и Бекингэму доложили, что все готово и он может когда угодно переправиться сам, вместе с французским дворянином — своим спутником.

Никому и в голову не приходило, что французский дворянин не был приятелем герцога.

Бекингэм велел передать командиру яхты, чтобы он держал ее наготове; море было тихое, все предвещало великолепный закат, и герцог решил отплыть только в ночь, а вечером хотел прогуляться по песчаному берегу.

Он обратил внимание окружающих на прекрасное зрелище: небо на горизонте алело пурпуром, и пушистые облака вздымались амфитеатром от солнечного диска до зенита, точно горные хребты, нагроможденные друг на друга.

Теплый воздух, солоноватый запах моря, ласковое дуновение ветерка, а вдали — темные очертания яхты с переплетающимися, как кружево, снастями на фоне алевшего неба; там и сям на горизонте паруса, похожие на крылья чаек, реющих над морем, — этой картиной действительно можно было залюбоваться. Толпа зевак сопровождала лакеев в раззолоченных ливреях, принимая управляющего и секретаря за

хозяина и его приятеля.

Что касается Бекингэма, просто одетого в серый атласный жилет и лиловый бархатный камзол, в шляпе, надвинутой на глаза, без орденов и шитья, то ни его, ни де Варда, который был весь в черном, как стряпчий, не замечали вовсе.

Люди герцога получили приказание держать лодку наготове у мола, но не подъезжать к берегу раньше, чем их позовут герцог или его друг.

– Сохраняйте спокойствие, что бы вы ни увидели, – сказал герцог, намеренно подчеркнув последнюю фразу.

Пройдя несколько шагов по берегу, Бекингэм обратился к де Варду:

– Мне кажется, сударь, что нам пора... Начинается прилив; минут через десять вода так смочит песок, по которому мы ходим, что мы не будем чувствовать под ногами земли.

– Милорд, я к вашим услугам; но...

– Но мы находимся еще на земле короля; вы это хотели сказать?

– Разумеется.

– В таком случае пойдемте дальше. Видите клочок земли, окруженный со всех сторон водою; вода прибывает и скоро зальет островок. Этот островок, наверно, не принадлежит никому, кроме господ бога, потому что он не нанесен на карты. Видите вы его?

– Вижу, мы даже не сможем добраться до него сейчас, не промочив ноги.

– Нам будет очень удобно на этой маленькой сцене. Как вам кажется?

– Я буду чувствовать себя хорошо везде, где моя шпага будет иметь честь скреститься с вашей, милорд.

– Так идем туда! Я в отчаянии, что из-за меня вы промочите себе ноги, господин де Вард; но зато вы можете сказать королю: «Государь, я не дрался на земле вашего величества». Может быть, это слишком тонко, но такова уж ваша природа, господа французы! Не обижайтесь, это придает особенную прелесть вашему уму, прелесть, свойственную только вашей нации. Знаете ли, надо нам поспешить, господин де Вард, вода поднимается, и скоро наступит ночь.

– Я не прибавлял шагу, только чтобы не идти впереди вашей светлости. Скажите, милорд, у вас еще не промокли ноги?

– Пока нет. Взгляните-ка в ту сторону: видите, мои люди смотрят на нас и боятся, как бы мы не утонули. Смотрите, как забавно танцует лодка на гребнях волн, но от этого зрелища у меня делается морская болезнь. Разрешите мне повернуться к ним спиной.

– Заметьте, милорд, что тогда солнце будет вам бить прямо в глаза.

– Ну, вечером лучи его слабее, к тому же оно скоро зайдет, так что не беспокойтесь.

– Как вам угодно, милорд.

– Я понимаю, господин де Вард, я вам очень признателен.

Желаєте снять камзол? Будет удобнее.

– Согласен.

Бекингэм снял камзол и бросил его на песок. Де Вард последовал его примеру.

Очертания двух фигур, казавшихся с берега белыми призраками, ясно обрисовывались на фоне красно-фиолетовой мглы, спускавшейся с неба на землю.

– Честное слово, герцог, мы не можем теперь отступить! – сказал де Вард. – Чувствуете ли вы, как ваши ноги вязнут в песке?

– Да, по самую щиколотку, – ответил Бекингэм.

– Я к вашим услугам, герцог.

Де Вард взял шпагу, герцог тоже.

– Господин де Вард, – заговорил тогда Бекингэм, – еще одно последнее слово... Я с вами дерусь потому, что вы мне не нравитесь, потому, что вы истерзали мне сердце насмешками над моею страстью, которую я действительно питаю в настоящую минуту, за которую готов отдать жизнь. Вы злой человек, господин де Вард, и я приложу все старания, чтобы убить вас, потому что я чувствую, если вы не умрете сейчас от моей шпаги, то в будущем причините много зла моим друзьям. Вот что я хотел вам сказать, господин де Вард.

И Бекингэм поклонился.

– А я, милорд, со своей стороны отвечу вам так: до сих пор вы просто были мне не по душе, но теперь, когда вы разгадали меня, я вас ненавижу и сделаю все возможное, чтобы

убить вас.

И де Вард поклонился Бекингэму.

В ту же минуту шпаги скрестились – в темноте сверкнули молнии. Оба противника искусно владели оружием; первые выпады оказались безрезультатными. А ночь быстро опускалась на землю; стало так темно, что приходилось нападать и парировать удары наугад.

Вдруг де Вард почувствовал, что шпага его во что-то уперлась: он попал в плечо Бекингэма. Шпага герцога опустилась вместе с рукой.

– О! – застонал он.

– Я вас задел, не правда ли, милорд? – спросил де Вард, отступая шага на два назад.

– Да, сударь, но задели легко.

– Однако же вы опустили шпагу.

– Это невольно, от прикосновения холодной стали, но я уже оправился. Начнем снова, если вам угодно, милостивый государь.

И, с отчаянной отвагой сделав выпад, он ранил маркиза в грудь.

– И я также задел вас, – сказал он.

– Нет, – ответил де Вард, не тронувшись с места.

– Простите, но я заметил, что у вас рубашка в крови... – проговорил Бекингэм.

– А! – воскликнул взбешенный де Вард. – Так вот же вам!

И, напрягая все свои силы, он пронзил руку Бекингэма у

локтя. Шпага прошла между двух костей. Бекингэм почувствовал, что у него отнялась правая рука; он протянул левую, перехватил шпагу, которая чуть не вывалилась из повисшей руки, и, прежде чем де Вард успел занять оборонительную позицию, пронзил ему грудь.

Де Вард зашатался, ноги у него подкосились, и, не успев вытащить шпагу, застрявшую в руке герцога, он свалился в красноватую от вечернего освещения воду, которая теперь окрасилась в настоящий красный цвет.

Де Вард был жив. Он сознавал приближение смертельной опасности: вода быстро поднималась. И герцог также видел эту опасность. Собравшись с силами, он с болезненным криком выдернул шпагу из руки; потом, обратившись к де Варду, спросил его:

– Вы живы, маркиз?

– Да, – отвечал де Вард едва слышным голосом; он захлебывался от крови, заливавшей ему горло, – но силы слабеют.

– Так как же быть? Вы можете идти?

И Бекингэм поставил его на одно колено.

– Все кончено, – простонал де Вард и снова упал. – Позовите своих людей, – попросил он, – иначе я утону.

– Эй, вы! – крикнул Бекингэм. – Лодку сюда! Живее, причаливайте!

Матросы тотчас же заработали веслами, но вода прибывала быстрее, чем двигалась лодка.

Бекингэм увидел, что волна вот-вот накроет де Варда; то-

гда левой, здоровой рукой он подхватил противника снизу за талию и приподнял с земли. Волна окатила герцога до пояса, но он даже не покачнулся. Он пошел по направлению к берегу. Но едва он сделал шагов десять, как новая волна, выше и яростнее первой, обдала его грудь, сбила с ног и совсем захлестнула.

Потом, когда она сбежала, на песке остались герцог и потерявший сознание де Вард.

В ту же минуту четыре матроса, поняв опасность, бросились с лодки в море и в одну секунду очутились возле герцога. Они застыли от ужаса, когда увидели, что их господин обливается кровью.

Они хотели унести его.

– Нет, нет! – запротестовал герцог. – Прежде снесите маркиза на берег!

– Смерть, смерть французу! – раздался глухой ропот англичан.

– Назад! – воскликнул герцог, с гордым жестом поднимаясь на ноги. – Сейчас же исполняйте мой приказ. Немедленно доставьте господина де Варда на берег, или я вас всех переверешаю!

В это время подъехала лодка. Управляющий и секретарь выскочили из нее и подошли к маркизу. Он не подавал никаких признаков жизни.

– Поручаю вам этого человека, – сказал им герцог, – вы мне отвечаете за него головой. На берег! Перенесите госпо-

дина де Варда на берег!

Маркиза бережно взяли на руки, перенесли и положили на сухой песок, куда не достигал морской прилив. Несколько любопытных да пять-шесть рыбаков собрались на берегу, привлеченные странным зрелищем: двое мужчин дрались по пояс в воде.

Англичане передали им раненого в ту минуту, когда он очнулся и открыл глаза. Секретарь герцога вынул из кармана туго набитый кошелёк и передал самому почтенному на вид рыбаку.

– Вот вам от моего господина, герцога Бекингэма, – прибавил он, – ухаживайте за маркизом де Вардом позаботливее.

И он вернулся в сопровождении своих людей к лодке, на которую с большим трудом перебрался Бекингэм, удостоверившись предварительно в том, что де Вард вне опасности. На де Варда накинули камзол герцога и понесли его на руках в город.

XI. Тройная любовь

После отъезда Бекингэма де Гиш вообразил, что мир безраздельно принадлежит ему.

У принца не осталось больше ни малейшего повода к ревности; кроме того, шевалье де Лоррен совершенно завладел им, и принц предоставил всем в доме полнейшую свободу.

Король, увлеченный принцессой, выдумывал все новые увеселения, чтобы сделать приятным ее пребывание в Париже, так что не проходило дня без какого-нибудь празднества в Пале-Рояле или приема у принца.

Король распорядился, чтобы в Фонтенбло были сделаны приготовления к переезду двора, и все старались попасть в число приглашенных. Принцесса была занята с утра до вечера. Ее язык и перо не останавливались ни на минуту. Разговоры ее с де Гишем становились все оживленнее, что часто бывает предвестием страсти.

Когда взор делается томным при обсуждении цвета материи, когда целый час проходит в толках о качестве или запахе какого-нибудь саше или цветка, то хотя слова таких разговоров могут слышать все, но вздохи и жесты видны не всем.

Наговорившись досыта с г-ном де Гишем, принцесса болтала с королем, который аккуратно каждый день посещал ее. Время проходило в играх, сочинении стихов; каждый выбирал какой-нибудь девиз, эмблему; эта весна была не только

весной природы, она была юностью народа, возглавляемого Людовиком XIV.

Король соперничал со всеми в красоте, молодости и любезности. Он был влюблен во всех красивых женщин, даже в свою жену – королеву.

Но при всем своем могуществе он бывал очень робок на первых порах. Эта робость удерживала его в границах обыкновенной вежливости, и ни одна женщина не могла похвастать, что он оказывал ей предпочтение перед другими. Можно было предсказать, что тот день, когда он заявит о своих чувствах, и станет зарею новой эры; но он молчал, и г-н де Гиш, пользуясь этим, оставался королем любовных интриг всего двора.

Мало-помалу он занял определенное место в доме принца, который любил его и старался как можно больше приблизить к себе. Замкнутый от природы, он до приезда принцессы слишком уединялся, а когда она приехала – почти не отходил от нее.

Все окружающие заметили это, а в особенности злой гений, шевалье де Лоррен, к которому принц был чрезвычайно привязан за его веселые, хоть и злые выходки и за умение выдумывать разнообразные развлечения.

Шевалье де Лоррен, видя, что де Гиш угрожает занять его место у принца, прибегнул к решительному средству. Он просто-напросто сбежал, оставив принца в крайнем недоумении.

В первый день принц почти не заметил его отсутствия, потому что де Гиш был рядом и те часы дня и ночи, когда он не разговаривал с принцессой, самоотверженно посвящал принцу.

Но на другой день принц, не находя никого под рукой, спросил, куда девался шевалье. Ему ответили, что об этом никому не известно.

Де Гиш, проведя все утро с принцессой за выбором шитья и бахромы, пришел утешать принца. Но после обеда надо было заняться оценкой тюльпанов и аметистов, и де Гиш снова ушел в кабинет принцессы.

Принц остался одни; был час его туалета; он чувствовал себя самым несчастным человеком в мире и опять спросил, не знает ли кто-нибудь, где шевалье.

– Никто ничего о нем не знает, – был все тот же ответ.

Тогда принц, не зная, куда деваться от скуки, отправился, как был, в халате и папильотках, к жене. Там он нашел целое сборище молодежи, которая смеялась и перешептывалась по углам: тут группа женщин, обступивших мужчину, и едва сдерживаемый смех, а там – Маникан и Маликорн, осаждаемые Монтале, мадемуазель де Тонне-Шарант и другими хохотушками.

Поодаль от этих групп сидела принцесса; стоя перед ней на коленях, де Гиш держал на ладони рассыпанные жемчуга и драгоценные камни, которые она перебирала своими тонкими белыми пальчиками.

В другом углу устроился гитарист и наигрывал испанские сегидильи, от которых принцесса была без ума с тех пор, как молодая королева стала их петь — с каким-то особенно грустным оттенком; разница была только в том, что фразы, которые испанка произносила с дрожащими на ресницах слезами, англичанка напевала с улыбкою, позволявшей видеть ее перламутровые зубки.

Этот кабинет, битком набитый молодежью, представлял самое веселое зрелище.

При входе принц был поражен видом стольких людей, веселившихся без него. Его взяла такая зависть, что он невольно воскликнул, как ребенок:

— Что же это такое! Вы здесь забавляетесь, а я там скучаю один!

Все сразу притихли, как от удара грома смолкает чириканье птиц.

Де Гиш моментально вскочил на ноги. Маликорн спрятался за юбки Монтале. Маникан выпрямился и стал в церемонную позу. Гитарист сунул гитару под стол и прикрыл ее ковром.

Одна принцесса не тронулась с места и, улыбаясь, ответила супругу:

— Ведь вы занимаетесь туалетом в этот час.

— И вы нарочно его выбрали, чтоб веселиться, — проворчал принц.

Эта фраза послужила сигналом к общему бегству: женщи-

ны разлетелись, как стая спугнутых птиц; гитарист растаял как тень; Маликорн, не переставая прятаться за юбки Монтале, успел юркнуть за драпировку. Что касается Маникана, то он пришел на помощь де Гишу, который, разумеется, все время стоял около принцессы, и оба они храбро выдержали натиск. Граф был слишком счастлив, чтобы сердиться на принца; но принц был очень зол на свою супругу.

Ему нужен был повод к ссоре, и таким поводом ему послужило исчезновение этой толпы, веселившейся до его прихода и смущенной его появлением.

– Почему же все разбежались, как только я вошел? – обиженно и надменно проговорил он.

На это принцесса холодно ответила, что, когда является глава дома, домочадцы из почтения стараются держаться поодаль.

Говоря это, она состроила такую забавную мину, что де Гиш и Маникан не могли удержаться от смеха; принцесса захохотала следом за ними; общее веселье заразительно подействовало на самого принца, так что ему пришлось сесть; когда он смеялся, его фигура теряла свою важность и достоинство.

Перестав хохотать, он рассердился еще больше. Его злило, собственно, то, что он сам не мог сохранить серьезность.

Он смотрел злыми глазами на Маникана, не решаясь излить свой гнев на графа де Гиша.

По его знаку оба они вышли из комнаты. А принцесса,

оставшись одна, стала грустно перебирать жемчуг, не смеялась больше и молчала.

– Как это мило, – надулся принц, – у вас меня встречают как чужого.

И он ушел в крайнем раздражении.

По дороге ему попалась Монтале, дежурившая в комнате, смежной с кабинетом принцессы.

– На вас приятно посмотреть, но только из-за двери.

Монтале сделала глубокий реверанс.

– Я не вполне понимаю, что ваше высочество изволите мне сказать.

– Я повторяю, мадемуазель, что когда вы хохочете все вместе в комнате у принцессы, то всякий посторонний, если он не остается за дверью, оказывается лишним.

– Разумеется, ваше высочество говорите это не о себе?

– Наоборот, мадемуазель, я говорю это и думаю именно о себе! Мне устроили не очень-то любезную встречу. Еще бы! Именно в то время, как у моей жены – то есть в моем доме – музицируют и веселятся, когда и мне, в свою очередь, хочется немножко развлечься, все убегает!.. Что же это значит? Вероятно, в мое отсутствие делается что-нибудь дурное...

– Но сегодня было все то же, что и вчера и раньше, – оправдывалась Монтале.

– Неужели! Значит, каждый день хохочут так, как сегодня!..

– Конечно, ваше высочество.

– И каждый день происходит то же самое?

– Все то же, ваше высочество.

– И каждый день такое же бречание?

– Ваше высочество, гитара была только сегодня; но когда ее не было, играли на скрипке и на флейте: женщинам скучно без музыки.

– Черт возьми! А мужчинам?

– Какие же мужчины, ваше высочество?

– Господин де Гиш, господин де Маникан и остальные.

– Да ведь они – приближенные вашего высочества.

– Да, да, ваша правда, мадемуазель.

И принц ушел на свою половину. Он задумчиво опустил ся в глубокое кресло, даже не взглянув в зеркало.

– И куда это пропал шевалье! – проговорил он.

Около кресла стоял лакей.

– Никто не знает, где он, ваше высочество.

– Опять этот ответ!.. Первого, кто скажет мне «не знаю», я прогоню со службы.

При этих словах принца все разбежались совершенно так же, как исчезли при его появлении гости принцессы. Тогда принц пришел в неопи сую ярость. Он толкнул ногою шифоньерку, которая разлетелась на кусочки.

Потом он отправился на галерею и хладнокровно сбросил наземь эмалевую вазу, порфи ровый кувшин и бронзовый канделябр. Поднялся страшный грохот. Сбежались люди.

– Что угодно вашему высочеству? – решился робко спро-

сильный начальник стражи.

– Я занимаюсь музыкой, – отвечал принц, скрежеща зубами.

Начальник стражи послал за придворным доктором. Но раньше доктора явился Маликорн и доложил принцу:

– Ваше высочество, шевалье де Лоррен следует за мною.

Принц взглянул на Маликорна и улыбнулся. И действительно, в комнату вошел шевалье.

ХII. Ревность господина де Лоррена

Герцог Орлеанский вскрикнул от удовольствия, увидев шевалье де Лоррена.

– Ах, как я рад! – сказал он. – Какими судьбами? Все говорили, что вы пропали.

– Да, ваше высочество.

– Что же это, каприз?

– Каприз? Смею ли я капризничать, находясь рядом с вашим высочеством? Глубокое уважение...

– Ну хорошо, уважение мы отложим в сторону, ты каждый день доказываешь обратное. Я тебя прощаю. Почему ты исчез?

– Потому что я не был нужен вашему высочеству.

– Как так?

– Около вашего высочества столько людей более интересных, чем я. Я чувствовал, что не в силах тягаться с ними. И я удалился.

– Во всем этом нет ни капли здравого смысла. Что это за люди, с которыми ты не хотел тягаться? Гиш?

– Я никого не называю.

– Но ведь это же глупости! Чем тебе мешает Гиш?

– Я не говорю этого, ваше высочество. Не принуждайте меня. Вы знаете, что Гиш мой хороший друг.

– Тогда кто же?

Шевалье прекрасно знал, что любопытство усиливается, как жажда, когда у человека отнимают протянутый стакан.

– Нет, я хочу знать, почему ты пропал.

– Я заметил, что стесняю...

– Кого?

– Принцессу.

– Как так? – спросил удивленный герцог.

– Очень просто. Быть может, ее высочество испытывает что-то вроде ревности, видя расположение, какое вы изволите мне оказывать.

– Она дала тебе понять это?

– Ваше высочество, с некоторого времени принцесса не обращается ко мне ни с единым словом.

– С какого времени?

– С тех пор, как господин де Гиш нравится ей больше, чем я, и она стала его принимать во всякое время.

Герцог покраснел.

– Во всякое время... Что вы сказали, шевалье? – строго произнес он.

– Вот видите, ваше высочество, я уже навлек на себя ваше неудовольствие. Я так и знал.

– Дело не в неудовольствии, – вы употребляете странные выражения. В чем же принцесса выражает предпочтение Гишу перед вами?

– Я умолкаю, – ответил шевалье с церемонным поклоном.

– Напротив, я настаиваю на том, чтобы вы говорили. Если

вы из-за этого удалились, значит, вы очень ревнивы?

— Кто любит, тот всегда ревнив, ваше высочество. Разве вы сами на изволите ревновать ее высочество? Разве ваше высочество не омрачались бы, если бы постоянно видели около принцессы кого-нибудь, к кому она выказывает явное благоволение? А ведь дружба такое же чувство, как и любовь. Ваше высочество иногда оказывали мне величайшую честь, называя меня своим другом.

— Да, да... Но вот опять двусмысленность. Знаете, шева-лье, вы не мастер разговаривать.

— Какая двусмысленность, ваше высочество?

— Вы сказали: *выказывает явное благоволение...* Что вы подразумеваете под *благоволением*?

— Ровно ничего особенного, ваше высочество, — сказал кавалер самым благодушным тоном. — Ну, например, когда муж видит, что жена приглашает к себе какого-нибудь мужчину предпочтительно перед другими; когда этот мужчина всегда находится у ее изголовья или у дверцы ее кареты; когда нога этого мужчины вечно по соседству с платьем этой женщины; когда они оба то и дело оказываются рядом, хотя по ходу разговора этого совсем не нужно; когда букет женщины оказывается одинакового цвета с лентами мужчины; когда они вместе занимаются музыкой, садятся рядом за ужин; когда при появлении мужа разговор прерывается; когда человек, за неделю перед тем совершенно равнодушный к мужу, внезапно оказывается самым лучшим его другом...

тогда...

– Тогда... Договаривай же!

– Тогда, ваше высочество, мне кажется, муж вправе ревновать. Но ведь эти мелочи не имеют никакого отношения к нашему разговору.

Принц, видимо, волновался и испытывал внутреннюю борьбу; наконец он произнес:

– Но вы все-таки не объяснили мне, почему вы сбежали. Вы сейчас мне заявили, что боялись стеснить, да еще прибавили, что заметили со стороны принцессы пристрастие к обществу де Гиша.

– Ваше высочество, этого я не говорил!

– Нет, сказали.

– Если сказал, то потому, что не видел тут ничего особенного.

– Однако что-то вы все-таки в этом видели?

– Ваше высочество, вы ставите меня в затруднительное положение.

– Нужды нет, продолжайте. Если ваши слова – правда, зачем вам смущаться?

– Сам я всегда говорю правду, ваше высочество, но я колеблюсь, когда приходится повторять то, что говорят другие.

– Повторять? Значит, что-то говорят?

– Признаюсь, это так.

– Кто же?

Шевалье изобразил негодование.

– Ваше высочество, – сказал он, – вы подвергаете меня настоящему допросу, обращаясь со мною, как с подсудимым... А между тем всякий достойный дворянин старается забыть слухи, которые долетают до его ушей. Ваше высочество требует, чтобы я превратил пустую болтовню в целое событие.

– Однако, – вскричал с досадою принц, – ведь вы же сбегали именно из-за этих слухов!

– Я должен сказать правду. Мне говорили, что господин де Гиш постоянно находится в обществе принцессы, вот и все; повторяю, самое невинное и совершенно позволительное развлечение. Не будьте несправедливы, ваше высочество, не впадайте в крайность, не преувеличивайте. Вас это не касается.

– Как! Меня не касаются слухи о постоянных посещениях моей жены Гишем?..

– Нет, ваше высочество, нет. И то, что я говорю вам, я сказал бы самому де Гишу – до такой степени считаю невинными его ухаживания за принцессой... я сказал бы это ей самой. Однако вы понимаете, чего я боюсь? Я боюсь прослыть ревнивцем по обязанности, в силу вашей благосклонности ко мне, в то время как я ревнивец из дружбы к вам. Я знаю вашу слабость, знаю, что, когда вы любите, вы знать ничего не хотите, кроме вашей любви. Вы любите принцессу, да и можно ли не любить ее? Посмотрите же, в каком безвыходном положении я очутился. Принцесса избрала среди ваших друзей самого красивого и привлекательного; она так суме-

ла повлиять на вас в его пользу, что вы стали пренебрегать всеми другими. А ваше пренебрежение – смерть для меня; с меня довольно немилости ее высочества. Вот поэтому-то, ваше высочество, я и решил уступить место фавориту, счастью которого я завидую, хотя питаю к нему прежнюю искреннюю дружбу и восхищение. Скажите, можно ли возразить против этого рассуждения? Разве мое поведение нельзя назвать поведением доброго друга?

Принц взялся за голову и стал ерошить волосы. Молчание длилось довольно долго, так что шевалье мог оценить действие своих ораторских приемов. Наконец принц сказал:

– Ну, слушай, говори все, будь откровенен. Ты знаешь, я уже заметил кое-что в этом роде со стороны этого сумасброда Бекингэма.

– Ваше высочество, не обвиняйте принцессу, иначе я покину вас. Как! Неужели вы ее подозреваете?

– Нет, нет, шевалье, я ни в чем не подозреваю мою жену. Но все-таки... я вижу... сопоставляю...

– Бекингэм был просто сумасшедший.

– Сумасшедший, на поведение которого ты мне открыл глаза.

– Нет, нет, – с живостью перебил шевалье, – не я открыл вам глаза, а де Гиш. Не надо смешивать.

И он разразился язвительным смехом, напоминавшим шипение змеи.

– Ну да, ты сказал только несколько слов. Гиш проявил

больше рвения.

– Еще бы, я думаю! – продолжал шевалье тем же тоном. – Он отстаивал святость алтаря и домашнего очага.

– Что такое? – грозно произнес принц, возмущенный этой насмешкой.

– Конечно. Разве господину де Гишу не принадлежит первое место в вашей свите?

– Словом, – сказал, несколько успокоившись, принц, – эта страсть Бекингема была замечена?

– Разумеется!

– Ну хорошо! А страсть господина де Гиша тоже все видят?

– Ваше высочество, вы опять изволите ошибаться: никто не говорит о том, что господин де Гиш пылает страстью.

– Ну хорошо, хорошо!

– Вы видите сами, ваше высочество, что было бы во сто раз лучше оставить меня в моем уединении, чем раздувать нелепые подозрения, которые принцесса будет вправе считать преступными.

– Что же надо делать, по-твоему?

– Не надо обращать ни малейшего внимания на общество этих новых эпикурейцев, тогда все слухи постепенно затихнут.

– Посмотрим, посмотрим.

– О, времени у нас довольно, опасность не велика! Главное для меня – не потерять вашей дружбы. Больше мне и ду-

мать не о чем.

Принц покачал головой, точно хотел сказать: тебе не о чем, а у меня забот по горло.

Подошел час обеда, и принц послал за принцессой. Ему принесли ответ, что ее высочество не выйдет к парадному столу, а будет обедать у себя.

— Это моя вина, — сказал принц. — Я проявил себя ревнивцем, и теперь на меня за это дуются.

— Пообедаем одни, — сказал шевалье со вздохом. — Жаль Гиша.

— О, Гиш не будет долго сердиться, он добрый!

— Ваше высочество, — вдруг заговорил шевалье, — мне пришла в голову хорошая мысль. Во время нашего разговора я, кажется, расстроил ваше высочество. Значит, я должен и уладить все... Я пойду отыщу графа и приведу его.

— Какая у тебя добрая душа, шевалье.

— Вы так сказали, будто это очень удивило вас.

— Черт побери! Как ты злопамятен!

— Может быть; по крайней мере признайтесь, я умею заглаживать причиненное мной зло.

— Да, признаю.

— Ваше высочество, благоволите подождать меня несколько минут.

— Хорошо, ступай... Я пока примерю свои новые костюмы.

Шевалье ушел, созвал слуг и отдал им приказания. Они

разошлись кто куда; остался один только камердинер.

– Поди узнай сейчас же, – сказал он ему, – не у принцессы ли господин де Гиш. Можешь ты это сделать?

– Очень легко, ваша милость. Я спрошу у Маликорна, а он узнает от мадемуазель Монтале. Только не стоит спрашивать, вся прислуга господина де Гиша разошлась, а с нею вместе, наверное, ушел и он сам.

– Все-таки разузнай получше.

Не прошло и десяти минут, как камердинер вернулся. Он с таинственным видом вызвал своего господина на черную лестницу и провел в какую-то каморку с окном в сад.

– Что такое? В чем дело? – спросил шевалье. – Зачем такие предосторожности?

– Взгляните под тот каштан.

– Ну?.. Ах, боже мой, это Маникан... Чего же он ждет?

– Сейчас увидите. Минуточку терпения... Теперь видите?

– Я вижу... одного, двух... четырех музыкантов с инструментами, а за ними самого де Гиша. Что он тут делает?

– Он ждет, чтобы открыли дверь на фрейлинскую лестницу. Тогда он поднимется к принцессе, и у нее за обедом будет новая музыка.

– А ведь это прекрасно, то, что ты говоришь.

– Вы так считаете, ваша милость?

– Тебе это сказал господин Маликорн?

– Он самый.

– Значит, от тебя любит?

– Он любит его высочество принца.

– Ради чего же?

– Он хочет поступить на службу к принцу.

– Черт возьми, придется взять его. Интересно, сколько же он дал тебе за это?

– Это секрет, но его можно продать, ваша милость.

– Я тебе плачу за него сто пистолей. Держи!

– Благодарю, ваша милость! Смотрите. Дверь отворяется, женщина впускает музыкантов...

– Это Монтале?

– Тише, сударь, не произносите громко этого имени. Назвать Монтале – все равно что назвать Маликорна. Не поладили с одним, не поладите с другой.

– Хорошо. Я ничего не видел.

– А я ничего не получал, – сказал камердинер, пряча кошелек.

Удостоверившись, что де Гиш вошел к принцессе, шевалье вернулся к принцу, который успел великолепно нарядиться и весь сиял.

– Говорят, – вскричал шевалье, – что король избрал солнце своей эмблемой; по совести, ваше высочество, эта эмблема больше подходит вам.

– Ну что же Гиш? – спросил он.

– Не найден! Бежал, испарился. Ваша утренняя выходка напугала его. Его нигде нет.

– Черт возьми, этот пустоголовый способен, пожалуй,

взять лошадей да и укатить в свое поместье. Бедный малый! Ну да ничего, мы вызовем его обратно. Давай обедать.

– Погодите, ваше высочество, сегодня уж такой день, что мне приходят в голову разные счастливые мысли. И вот теперь у меня новая мысль.

– Какая?

– Ваше высочество, принцесса на вас сердится, и она права. Вам надо чем-нибудь порадовать ее. Ступайте к ней обедать.

– О, ведь это могут принять за слабость!

– Какая же это слабость, это доброта! Принцесса томится, роняет слезы в тарелку. У нее красные глаза. А мужу не следует доводить до слез жену. Идите же, ваше высочество, идите!

– Да ведь я велел подать обедать сюда.

– Полноте, полноте, ваше высочество! Мы тут умрем со скуки. У меня сердце не на месте, как вспомню, что принцесса там одна. Да и вам будет не по себе, хоть вы и напускаете на себя суровость. Возьмите и меня с собой; это будет прелестно. Ручаюсь, что мы повеселимся. Ведь вы повинились сегодня утром.

– Шевалье, шевалье! Ты даешь мне дурной совет!

– Я даю вам хороший совет. Притом же вы сейчас неотразимы: вам так идет ваше лиловое платье с золотым шитьем. Ваша внешность поразит принцессу больше, чем ваш поступок. Вы очаруете принцессу. Решайтесь же, ваше вы-

сочество.

– Ты меня убедил, идем.

И принц направился с шевалье на половину принцессы. Шевалье успел шепнуть на ухо лакею:

– Поставь людей у запасного выхода! Чтобы никто не мог удрать! Живо!

И за спиной герцога он вошел в переднюю покоев принцессы.

Лакеи хотели было доложить об их прибытии, но шевалье, улыбаясь, сказал:

– Не докладывайте. Его высочество хочет сделать сюрприз.

XIII. Принц ревнует к де Гишу

Принц шумно распахнул двери, как человек, входящий с самыми добрыми намерениями, не сомневающийся, что доставит удовольствие, или как ревнивец, рассчитывающий заставить врасплох.

Принцесса, покоренная звуками музыки, бросила начатый обед и танцевала, забыв обо всем.

Ее кавалером был де Гиш. Он стоял на одном колене, подняв руки и полузакрыв глаза, как испанские танцоры, с горящим взглядом и ласкающими жестами. Принцесса порхала вокруг него, улыбающаяся, соблазнительная. Монтале восхищалась. Лавальер, сидя в уголке, мечтательно смотрела на танцующих.

Невозможно описать, какое действие произвело на этих счастливых людей появление принца. И так же трудно описать, как подействовал на Филиппа вид этих счастливых людей.

Граф де Гиш не в силах был встать. Принцесса замерла, не докончив па, не способная вымолвить ни слова. А шевалье де Лоррен, прислонившись к косяку, спокойно улыбался, как человек, испытывающий самое простодушное восхищение.

Бледность принца, судорожные подергивания его рук и ног прежде всего поразили присутствующих. Звуки музыки сменились глубокой тишиной.

Воспользовавшись всеобщим молчанием, шевалье де Лоррен почтительно приветствовал принцессу и де Гиша, стараясь соединить их в этом приветствии как хозяев.

Принц, подойдя к ним, хрипло проговорил:

– Очень рад, очень рад. Я шел сюда, думая застать вас больною и грустною, а застал в разгаре удовольствий. Отрад-но видеть. Кажется, мой дом – самый веселый дом на свете.

Потом, повернувшись к де Гишу, он прибавил:

– Я не знал, что вы такой прекрасный танцор, граф.

Потом, снова обратившись к жене, продолжал:

– Будьте любезнее со мной. Когда у вас устраивается такое веселье, приглашайте и меня... А то я совсем заброшен.

Де Гиш успел вполне овладеть собою и с врожденной гордостью, которая так шла ему, произнес:

– Ваше высочество, вы хорошо знаете, что моя жизнь в вашем распоряжении. Когда потребуется отдать ее, я готов. А сегодня нужно только танцевать под пение скрипки, и я танцую.

– И вы правы, – холодно сказал принц. – А вы не замечаете, принцесса, что ваши дамы похищают у меня друзей. Ведь господин де Гиш не ваш друг, сударыня, а мой. Если вы хотите обедать без меня, у вас есть ваши дамы. Зато, когда я обедаю один, при мне должны быть мои кавалеры; не обирайте меня совсем.

Принцесса почувствовала и упрек и урок. Она вся покраснела.

– Ваше высочество, – возразила она, – до приезда во Францию я не знала, что принцессы занимают там такое же положение, как женщины в Турции. Я не знала, что здесь запрещено видеть мужчин. Но если такова ваша воля, я буду ей покоряться. Может быть, вы пожелаете загородить мои окна железными решетками, так, пожалуйста, не стесняйтесь.

Эта реплика, вызвавшая улыбку у Монтале и де Гиша, снова наполнила гневом сердце принца.

– Очень мило, – проговорил он, едва сдерживаясь. – Как почтительно со мной обращаются в моем собственном доме!

– Ваше высочество, ваше высочество, – шепнул шевалье на ухо принцу так, чтобы все видели, что он его успокаивает.

– Пойдем! – ответил ему принц, так резко повернувшись, что чуть не толкнул принцессу.

Шевалье последовал за ним в его кабинет, где принц, бросившись на стул, дал полную волю своей ярости.

Шевалье поднял глаза к небу, сложил руки и не произнес ни слова.

– Твое мнение? – спросил принц.

– О, ваше высочество, положение очень серьезное!

– Это ужасно! Такая жизнь не может больше продолжаться.

– Что за несчастье, в самом деле! – воскликнул шевалье. – А мы-то надеялись, что после отъезда этого шального Бекингэма все будет спокойно.

– А стало еще хуже!

– Этого я не говорю, ваше высочество.

– Ты не говоришь, но я говорю. Бекингэм никогда не осмелился бы сделать и четверти того, что мы видели.

– Чего же именно?..

– Да как же! Спрятаться для того, чтобы танцевать, прикинуться больной, чтобы наедине пообедать с ним!

– Нет, нет, ваше высочество!

– Да, да! – восклицал принц, подзадоривая сам себя, как капризный ребенок. – Только я не намерен это терпеть.

– Ваше высочество, выйдет скандал...

– Э, черт возьми! Со мною не стесняются, а я должен стесняться? Подожди меня, шевалье, я сейчас.

Принц скрылся в соседней комнате и спросил у слуги, вернулась ли из капеллы королева-мать.

Анна Австрийская была счастлива. В ее семье царило согласие, народ был в восторге от молодого короля, государственные доходы увеличивались, внешний мир был обеспечен, – словом, все сулило ей спокойное будущее. Иногда она упрекала себя при воспоминании о бедном юноше, которого она приняла, как мать, и прогнала, как мачеха.

Неожиданно к ней вошел герцог Орлеанский.

– Матушка, – вскричал он, закрывая за собой дверь, – так не может продолжаться!

Анна Австрийская подняла на него свои прекрасные глаза и вздохнула.

– О чем вы говорите?

– О принцессе.

– Верно, этот сумасшедший Бекингэм прислал ей какое-нибудь прощальное письмо?

– Ах нет, матушка, дело вовсе не в Бекингэме. Принцесса уже нашла ему заместителя.

– Филипп, что вы говорите? Ваши слова крайне легкомысленны.

– Разве вы не заметили, что господин де Гиш то и дело бывает у нее, что он постоянно с ней?

Королева всплеснула руками и расхохоталась.

– Филипп, – сказала она, – вы положительно больны.

– От этого мне не легче, матушка, я очень страдаю.

– И вы требуете, чтобы вас лечили от болезни, которая существует только в вашем воображении? Вы желали бы, ревнивец, чтобы вас поддержали, одобрили ваше поведение, хотя ваша ревность не имеет никаких оснований.

– Ну вот, теперь вы начинаете говорить про этого то же самое, что говорили про того.

– Да ведь и вы, сын мой, – сухо проговорила королева, – ведете себя по отношению к этому совершенно так же, как и по отношению к тому.

Немного задетый, принц поклонился.

– Но если я вам приведу факты, вы поверите?

– Сын мой, во всем прочем, кроме ревности, я поверила бы вам без всякой ссылки на факты, но в отношении ревности я этого не обещаю.

– Значит, я понимаю ваши слова так, что ваше величество приказывает мне молчать и забыть обо всем.

– Никоим образом, вы мой сын, и мой материнский долг – быть к вам снисходительной.

– Ах, доведите до конца свою мысль: вы должны быть снисходительны ко мне как к безумцу.

– Не преувеличивайте, Филипп, и берегитесь представить свою жену как существо испорченное.

– Но факты!

– Я слушаю.

– Сегодня утром в десять часов у принцессы играла музыка.

– Невинная вещь.

– Господин де Гиш разговаривал с нею наедине... Да, я и забыл вам сказать, что последнюю неделю он следует за нею, как тень.

– Друг мой, если бы они делали что-нибудь дурное, они бы прятались.

– Прекрасно! – вскричал герцог. – Я только и ждал, чтобы вы это сказали. Запомните же хорошенько. Сегодня утром, повторяю, я захватил их врасплох и совершенно ясно выразил им свое неудовольствие.

– И будьте уверены, что этого достаточно, а может быть, вы даже переусердствовали в своем неудовольствии. Эти молодые женщины обидчивы. Упрекнуть их в ошибке, которую они не совершали, иногда все равно, что сказать, что они

могли бы ее сделать.

– Хорошо, хорошо, подождите. Запомните, что вы сказали, матушка: «Сегодняшнего урока достаточно, и если бы они делали что-нибудь дурное, то прятались бы».

– Да, я это запомню.

– Ну так вот, раскаиваясь, что утром я погорячился, и воображая, что Гиш дуется и сидит у себя, я отправился к принцессе. Угадайте же, что я там застал? Снова музыку, танцы и де Гиша. Его там прятали.

Анна Австрийская нахмурила брови.

– Это нехорошо, – заметила она. – Что же сказала принцесса?

– Ничего.

– А Гиш?

– Тоже... Впрочем, нет... Он пробормотал какую-то дерзость...

– Какой же вы сделали вывод, Филипп?

– Что я одурачен, что Бекингэм был только ширмой, а настоящий герой – Гиш.

Анна пожала плечами.

– А дальше?

– Я хочу удалить Гиша так же, как Бекингэма, и буду просить об этом короля, если только...

– Если только?

– Если только вы, матушка, сами не возьметесь за это, вы, такая умная и добрая.

– Нет, я не стану.

– Что вы говорите, матушка!

– Послушайте, Филипп, я не намерена каждый день говорить людям неприятности. Молодежь меня слушается, но это влияние очень легко потерять... А главное, ничто ведь не доказывает виновности Гиша.

– Он мне не нравится.

– А это уж ваше личное дело.

– Хорошо, коли так, я знаю, что мне делать! – пылко проговорил принц.

Анна посмотрела на него с беспокойством.

– Что же вы придумали? – спросила она.

– А вот что: как только он придет ко мне, я велю утопить его у себя в бассейне.

Произнеся эту свирепую угрозу, принц ожидал, что королева придет в ужас, но Анна осталась совершенно спокойной.

– Ну что же, утопите, – сказала она.

Филипп был слаб, как женщина; он стал жаловаться, что никто его не любит и даже родная мать перешла на сторону его врагов.

– Ваша мать просто смотрит дальше, чем вы, и перестала уговаривать вас, потому что вы ее не слушаете.

– Я пойду к королю! – закричал он.

– Я только что собиралась вам это предложить. Я сейчас жду его величество: он всегда посещает меня в это время.

Расскажите все ему.

Она еще не договорила этих слов, как Филипп услышал шум открываемой в соседней комнате двери и быстрые шаги короля. Принц испугался и поспешно выбежал в боковую дверь, оставив королеву одну. Анна Австрийская расхохоталась и смеялась до прихода короля.

Как заботливый сын, Людовик зашел осведомиться о здоровье королевы-матери. Кроме того, он хотел сообщить ей, что приготовления к отъезду в Фонтенбло закончены.

Услышав ее смех, он успокоился и сам засмеялся.

Анна Австрийская взяла его за руку и весело сказала:

– Знаете, я ужасно горжусь тем, что я испанка.

– Почему, ваше величество?

– Потому что испанки, во всяком случае, лучше англичанок.

– Не понимаю.

– Скажите, с тех пор как вы женились, вам приходилось когда-нибудь упрекать королеву?

– Ни разу.

– А ведь все-таки прошло уже некоторое время, как вы женаты. А ваш брат женат всего две недели...

– И что же?

– И уже второй раз жалуется на принцессу.

– Как, опять Бекингэм?

– Нет, теперь Гиш.

– Вот как! Значит, принцесса порядочная кокетка.

– Боюсь, что так.

– Бедный братец! – рассмеялся король.

– Я вижу, вы прощаете кокетство?

– Когда речь идет о принцессе, прощаю, ибо по сути своей принцесса не кокетлива.

– Может быть, но брат вашего величества из-за этого теряет голову.

– Чего же он хочет?

– Он собирается утопить Гиша.

– Какая жестокость!

– Не смейтесь, он в самом деле доведен до отчаяния. Придумайте какой-нибудь выход.

– Охотно сделаю все, что могу, чтоб спасти Гиша.

– Если бы брат слышал вас, он составил бы против вас заговор, как ваш дядя против вашего отца.

– Нет, Филипп меня любит, и я его люблю. Мы с ним не станем ссориться. Но, однако же, как быть?

– Вы должны запретить принцессе кокетничать, а Гишу ухаживать.

– Только-то? Ну, мой брат составил себе чересчур высокое понятие о королевской власти... шутка сказать: исправить женщину! Мужчину – еще куда ни шло.

– Как же вы приметесь за дело?

– Гиш человек благоразумный, я сумею его убедить одним словом.

– А принцесса?

– Это будет потруднее. Тут одного слова мало. Придется сочинить для нее целую проповедь.

– И надо спешить.

– О, я обещаю приложить все старания. Да вот сегодня после обеда репетиция балета.

– И вы будете говорить проповедь, танцуя?

– Да, матушка.

– И обещаете обратить ее на путь истинный?

– Я искореню ересь либо убеждением, либо огнем.

– В добрый час! Только не впутывайте меня в это дело. Принцесса ни за что мне этого не простила бы. Я ведь све-
кровь, мне надо ладить с невесткой.

– Государыня, король возьмет все на себя. Знаете, я передумал. Не лучше ли пойти к принцессе и поговорить с ней.

– Это, пожалуй, слишком торжественно.

– Так что же? Для проповеди нужна торжественность, а то ведь скрипки могут заглушить добрую половину моих до-
водов. Кроме того, надо же помешать брату в его свирепых
замыслах... Принцесса теперь у себя?

– Я думаю.

– Какие же главные пункты обвинения?

– Вот они, в двух словах: вечно музыка... постоянные по-
сещения Гиша... подозрение в том, что от мужа прячутся...

– Доказательства?

– Никаких.

– Хорошо. Так я иду. – И король принялся рассматривать

в зеркалах свой нарядный костюм и прекрасное лицо, ослепительное, словно алмазы на платье.

– Принц опять дуется и прячется? – спросил он.

– Да, огонь и вода не убегают друг от друга с такой стремительностью, как эти двое.

– Матушка, целую ваши ручки, самые красивые во всей Франции.

– Желаю успеха, государь... Будьте миротворцем.

– Я не прибегаю к услугам посла, – отвечал Людовик. – Значит, я буду иметь успех.

Он со смехом ушел и всю дорогу поправлял то костюм, то парик.

XIV. Посредник

Когда король появился у принцессы, все ощутили живейшее беспокойство. Собиралась гроза, и шевалье де Лоррен, сновавший среди группы придворных, с оживлением и радостью замечал и оценивал все предвещавшие ее признаки. Как и предсказывала Анна Австрийская, участие короля придавало событию торжественный характер.

В те времена, в 1662 году, размолвка между братом короля и его супругой и вмешательство короля в семейные дела брата были событием немаловажным. Не мудрено, что самые смелые люди, окружавшие графа де Гиша, с ужасом разбежались во все стороны. Да и сам граф, поддавшись общей панике, удалился к себе.

Как ни был король занят предстоящим делом, это не помешало ему окинуть взглядом знатока два ряда молодых хорошеньких придворных дам, выстроившихся в галереях и скромно опутивших перед ним глаза.

Все они краснели, чувствуя на себе королевский взгляд. Только одна фрейлина, с длинными шелковистыми волосами и нежной кожей, побледнела и пошатнулась, хотя подруга то и дело подталкивала ее локтем. Это была Лавальер, которую Монтале подбодрила таким способом, ибо она сама никогда не чувствовала недостатка в храбрости.

Король невольно оглянулся. Все головы, успевшие при-

подняться, снова опустились. Только белокурая головка осталась неподвижною: казалось, Лавальер истощила весь запас своих сил.

Войдя к принцессе, Людовик застал свою невестку полулежащей на подушках. Она встала и сделала реверанс, пробормотав несколько слов признательности за честь, которую ей оказали. Потом она снова уселась, но слабость и бессилие были явно притворными, поскольку очаровательный румянец играл на ее щеках, а глаза, слегка покрасневшие от нескольких недавно пролитых слезинок, только загорелись еще ярче.

Король сел и сейчас же благодаря своей наблюдательности заметил следы беспорядка в комнате и следы волнения на лице принцессы. Он принял веселый и непринужденный вид.

– Милая сестра, – начал он, – в котором часу вам угодно будет приступить сегодня к репетиции балета?

Принцесса медленно и томно покачала своей очаровательной головкой.

– Ах, государь, – сказала она, – будьте милостивы, извините меня на этот раз; я только что собиралась предупредить ваше величество, что сегодня я не в состоянии участвовать в репетиции.

– Как! – произнес король с некоторым изумлением. – Разве вам нездоровится, милая сестра?

– Да, государь.

– Так надо позвать врача.

– Нет, доктора бессильны против моей болезни.

– Вы меня пугаете.

– Государь, я хочу просить у вашего величества разрешения вернуться в Англию.

Король удивился еще больше:

– В Англию! Что вы говорите, сестра моя?!

– Я вынуждена сказать это, государь, – решительно проговорила внучка Генриха IV.

Ее прекрасные черные глаза засверкали.

– Мне очень прискорбно обращаться к вашему величеству с такой просьбой. Но я очень несчастна при дворе вашего величества. Я хочу вернуться к своим родным.

– Сестра! Сестра!

Король подошел к ней ближе.

– Выслушайте меня, государь, – продолжала молодая женщина, мало-помалу очаровывая собеседника своей красотой. – Я привыкла страдать. Еще в ранней молодости меня унижали, пренебрегали мною. О, не возражайте, государь! – сказала она с улыбкой.

Король покраснел.

– Итак, говорю я, я могла бы подумать, что бог произвел меня на свет для этого, меня, дочь могущественного короля; но, поскольку он лишил моего отца жизни, он мог точно так же лишить меня гордости. Я много страдала и причиняла большие страдания моей матери. Но я дала клятву, что, ес-

ли когда-нибудь достигну независимого положения, хотя бы положения простой труженицы, своими руками зарабатывающей хлеб, я не потерплю унижения. Это время настало. Я достигла того положения, какое мне принадлежит по праву рождения: я приблизилась к трону. Я думала, что, сочетаясь браком с французским принцем, я найду в нем родственника, друга, равного, но вижу, что нашла в нем только властелина. И это меня возмущает, государь. Моя мать ничего об этом не узнает. Вы же, кого я так почитаю и... так люблю...

Король затрепетал: ни один женский голос не волновал его так, как голос принцессы.

– Вы, государь, все знаете, раз вы пришли сюда, и, может быть, поймете меня. Если бы вы не пришли, я бы сама пошла к вам. Я хочу, чтобы мне позволили уехать. Надеюсь, что вы настолько деликатны, что поймете меня и окажете мне покровительство.

– Сестра, сестра! – пробормотал король, смешавшись от этого стремительного натиска. – Подумали ли вы о всех последствиях затеянного вами шага?

– Государь, я ни о чем не думаю, я просто подчиняюсь чувству. На меня нападают, я инстинктивно защищаюсь.

– Но что вам сделали, скажите, пожалуйста?

Принцесса, как можно видеть, прибегла к обычному женскому приему: из обвиняемой она стала обвинительницей. Прием этот служит верным признаком вины, но женщины всегда умеют извлечь из него выгоду.

Король и не заметил, как, придя к ней с вопросом: «Что вы сделали моему брату?» – вместо того спросил: «Что вам сделали?»

– Что мне сделали? – переспросила принцесса. – О, государь, надо быть женщиной, чтобы понять это. Меня заставили лить слезы.

И своим тоненьким жемчужно-белым пальчиком она вытерла свои затуманенные глаза и снова принялась плакать.

– Сестра моя, успокойтесь, умоляю вас, – сказал король, подходя к ней и взяв ее влажную и трепещущую ручку.

– Государь, прежде всего меня лишили друга моего брата. Милорд Бекингэм был приятный и веселый гость, земляк, знавший все мои привычки, почти товарищ, с которым мы в кругу других наших друзей провели столько счастливых дней в моем чудном Сент-Джемском парке.

– Но ведь он был влюблен в вас, сестра!

– Пустой предлог! Какое имеет значение, – сказала она серьезным тоном, – был ли герцог Бекингэм влюблен в меня или нет? Разве мне опасен влюбленный?.. Ах, государь, далеко не достаточно, чтобы мужчина был влюблен.

И она улыбнулась так нежно, так лукаво, что король почувствовал, как его сердце сначала забилось, потом замерло.

– Но позвольте, ведь брат ревновал! – перебил король.

– Хорошо, я это понимаю, это причина. Он ревновал, и Бекингэма прогнали.

– Почему же прогнали?..

– Ну, удалили, устранили, уволили, назовите это как вам будет угодно, государь. Так или иначе, один из первых дворян Европы был вынужден покинуть французский двор Людовика Четырнадцатого, словно деревенский парень, из-за какого-то взгляда или букета. Это недостойно самого галантного двора... Простите, государь, я забыла, что, говоря так, я посягаю на вашу верховную власть.

– Поверьте, сестра, что вовсе не я удалил герцога Бекингэма... Он мне очень нравится.

– Не вы? – подхватила принцесса. – А, тем лучше! Она так сумела подчеркнуть слова *тем лучше*, как будто хотела сказать *тем хуже*.

Наступило долгое молчание.

Потом принцесса снова заговорила:

– Итак, господин Бекингэм уехал... теперь я знаю, почему он был удален и кем... Мне казалось, что после этого наступит спокойствие... Но нет... Принц находит новый предлог. И вот...

– И вот, – с оживлением произнес король, – является другой. Очень естественно. Вы прекрасны, и вас всегда будут любить.

– В таком случае, – воскликнула принцесса, – около меня всегда будет пустыня. О, я знаю, что этого-то и хотят, это-то мне и готовят. Но нет: я предпочитаю вернуться в Лондон. Там меня знают и ценят. Там я не буду бояться, что моих друзей назовут моими любовниками. Фи, какое недостойное

подозрение! Принц потерял в моих глазах весь престиж, с тех пор как я увидела в нем тирана.

– Перестаньте, успокойтесь! Вся вина моего брата в том, что он любит вас.

– Любит меня? Принц любит меня? Ах, государь!..

И Генриетта громко расхохоталась.

– Принц никогда не полюбит женщину, – сказала она. – Принц слишком любит самого себя. Нет, к несчастью для меня, принц принадлежит к худшему разряду ревнивцев: он ревнив без любви.

– Признайтесь, однако же, – сказал король, который чувствовал явное возбуждение от этого волнующего разговора, – признайтесь, что Гиш любит вас.

– Ах, государь, я, право, не знаю!

– Вы должны видеть это. Влюбленный всегда выдает себя.

– Господин де Гиш ничем себя не выдал.

– Сестра, сестра, вы слишком усердно защищаете господина де Гиша.

– Я? Бог с вами, государь, недоставало только, чтобы и вы начали подозревать меня.

– Нет, нет, принцесса, – с живостью возразил король, – не огорчайтесь, не плачьте! Успокойтесь, умоляю вас.

Но она плакала, крупные слезы текли по ее рукам. Король стал поцелуями осушать их.

Принцесса взглянула на него так грустно и так нежно, что Людовик был поражен в самое сердце.

– Вы не питаете никаких чувств к Гишу? – спросил он с беспокойством, не подходившим к его роли посредника.

– Никаких, решительно никаких.

– Значит, я могу успокоить брата?

– Ах, государь, его ничем не успокоишь. Не верьте, что он ревнует. Ему наговорили, он наслушался дурных советов. У принца беспокойный характер.

– Когда дело касается вас, не мудрено беспокоиться.

Принцесса опустила глаза и замолчала. Король тоже. Он все еще держал ее руку.

Как показалось обоим, это молчание тянулось целую вечность.

Принцесса потихоньку высвободила руку. Теперь она была уверена в победе. Поле битвы осталось за нею.

– Принц жалуется, – робко проговорил король, – что вы предпочитаете его обществу и его беседе обществу других.

– Государь, принц только смотрится в зеркало да придумывает козни против женщин с шевалье де Лорреном. Понаблюдайте сами, государь.

– Хорошо, я понаблюдаю. Но какой ответ передать моему брату?

– Ответ? Мой отъезд.

– Опять вы повторяете это слово! – неосторожно воскликнул король, как будто десятиминутная беседа должна была изменить намерения принцессы.

– Государь, я не могу быть здесь счастливой, – произнес-

ла она. – Господин де Гиш мешает принцу. Что же, и его вышлют?

– Если нужно, то почему же нет? – с улыбкою отвечал Людовик XIV.

– Ну, а после господина де Гиша... о котором я, впрочем, буду сожалеть, предупреждаю вас, государь...

– Вы будете о нем сожалеть?

– Без сомнения. Он любезен, относится ко мне дружески, развлекает меня.

– Вы знаете, если бы брат слышал вас, – проговорил король, слегка задетый, – то я не взялся бы мирить вас, даже не попробовал бы.

– Государь, можете ли вы помешать принцу ревновать меня к первому встречному? А ведь господин де Гиш вовсе не первый встречный!

– Опять! Предупреждаю вас, что я, как добрый брат, проникнусь наконец предубеждением к господину де Гишу.

– Ах, государь, – сказала принцесса, – умоляю вас, не заражайтесь ни симпатиями, ни предубеждениями принца! Оставайтесь королем. Так будет лучше и для вас и для всех.

– Вы очаровательная насмешница, сестра, и я понимаю, почему даже те, над кем вы смеетесь, обожают вас.

– Уж не поэтому ли, государь, вы, кого я избрала своим защитником, собираетесь перейти на сторону моих преследователей?

– Я ваш преследователь? Храни меня бог!

– В таком случае, – томно продолжала она, – исполните мою просьбу. Отпустите меня в Англию.

– Нет, никогда! – воскликнул Людовик XIV.

– Значит, я здесь пленница?

– Да, вы в плену у Франции.

– Что же мне тогда делать?

– Извольте, сестра, я вам скажу.

– Слушаю, ваше величество.

– Вместо того чтобы окружать себя ветреными друзьями... вместо того чтобы смущать нас вашим уединением, будьте всегда с нами, будем жить дружною семьею. Слов нет, господин де Гиш очень любезный кавалер, но мы, хотя и не обладаем его умом...

– Государь, зачем эта скромность?

– Нет, я говорю правду. Можно быть королем и в то же время понимать, что имеешь меньше шансов нравиться, чем тот или иной придворный.

– Я готова поклясться, государь, что вы не верите ни одному сказанному вами слову.

Король с нежностью посмотрел на принцессу.

– Можете вы обещать мне не проводить время в вашей комнате с чужими и дарить свои досуги нам? Хотите, заключим наступательный и оборонительный союз против общего врага?

– Да, государь, но верный ли вы союзник?

– Увидите.

– А когда начнется наш союз?

– Сегодня.

– Я сама составлю договор!

– Хорошо.

– А вы подпишете?

– Не читая.

– О, если так, государь, обещаю вам чудеса! Ведь вы светило двора, и когда вы появитесь на нашем небосклоне...

– Ну?..

– Все засияет.

– О, принцесса, принцесса! – воскликнул Людовик XIV. – Вы знаете, что весь свет исходит от вас. Правда, я избрал своим девизом солнце, но это только эмблема.

– Государь, вы льстите вашей союзнице, следовательно, собираетесь ее обмануть, – сказала принцесса, грозя королю тонким пальчиком.

– Как! Вы считаете, что я вас обманываю, уверяя вас в своей дружбе?

– Да.

– А что же побуждает вас сомневаться?

– Одна вещь.

– Одна-единственная?

– Да.

– Какая же? Я был бы очень несчастлив, если бы не мог справиться с одной-единственной вещью.

– Эта вещь не в вашей власти, государь, она сильнее даже

самого господа бога.

– Что это за вещь?

– Прошрое.

– Я не понимаю вас, принцесса, – сказал король именно потому, что прекрасно понял.

Принцесса взяла его за руку.

– Государь, – улыбнулась она, – я имела несчастье так долго не нравиться вам, что часто спрашиваю себя, как могли вы избрать меня своей невесткой?

– Вы мне не нравились?

– Полно, не отрицайте!

– Позвольте!

– Нет, нет, я ведь помню.

– Наш союз начинается с настоящей минуты! – воскликнул король с непритворным пылом. – Не будем вспоминать о прошлом, ни вы, ни я. У меня перед глазами настоящее. Вот оно. Смотрите!

Он подвел принцессу к зеркалу, где отразилась раскрашенная красавица, при виде которой не устоял бы даже святой.

– Но все-таки я боюсь, – прошептала она, – что у нас не выйдет крепкого союза.

– Вы хотите, чтобы я принес клятву? – спросил король, возбужденный тем оборотом, какой приняла их беседа.

– О, я не отказалась бы от клятвы! – сказала принцесса. – С ней дело всегда кажется вернее.

Король склонил колени, а она с улыбкою, какую не передать ни художнику, ни поэту, отдала ему обе руки, к которым он прижал свое пылающее лицо. Ни он, ни она не находили слов.

Король почувствовал, как принцесса отнимает у него руки, легко скользнувшие по его щекам. Он тотчас же встал и вышел из комнаты.

Придворным бросился в глаза его яркий румянец, и они заключили, что сцена была бурная. Но шевалье де Лоррен поспешил заметить:

– Успокойтесь, господа! Когда его величество в гневе, он бледнеет.

XV. Советчики

Король ушел от принцессы в страшном возбуждении, причину которого и сам не мог бы себе объяснить. И в самом деле, невозможно понять тайную игру странных симпатий, которые внезапно, без всякой причины загораются в двух созданных для взаимной любви сердцах, иногда после многих лет полного равнодушия.

Почему Людовик раньше почти ненавидел принцессу? Почему теперь он находил эту самую женщину такой прекрасной, такой желанной? Почему сама принцесса, заинтересованная другим, уже целую неделю выказывала королю исключительное внимание?

Людовик не собирался соблазнять принцессу. Узы, соединявшие Генриетту с его братом, были для него или казались ему неодолимою преградой. Он был даже слишком далек от этой преграды, чтобы заметить ее существование. Но, находясь во власти играющих нашим сердцем страстей, к которым толкает нас юность, никто не может сказать, где он остановится, даже тот, кто заранее учел все вероятности успеха или падения. Что же касается принцессы, то ее влечение к королю понять нетрудно: она была молода, кокетлива и страстно жаждала поклонения. Это была одна из тех неудержимых, порывистых натур, которые, выступив на сцену, готовы пройти по горящим угольям, чтобы вызвать аплодис-

менты и крики зрителей.

Следовательно, не было ничего удивительного, что, по мере движения вперед, она перешла от обожания Бекингэма к де Гишу, превосходившему Бекингэма достоинством, которое так ценят женщины, а именно своей новизной; значит, скажем мы, не было ничего особенного в том, что честолоубие принцессы дошло до того, что она жаждала восхищения короля, который был не только первым по положению в своем царстве, но действительно являлся одним из самых прекрасных и умных людей.

Для объяснения внезапно вспыхнувшего чувства Людовика к своей невестке психология привела бы разные банальности, а биология указала бы на тайное сродство натур. У принцессы были прелестные черные глаза, у Людовика – голубые. Принцесса была смешлива и экспансивна, Людовик скрытен и подвержен меланхолии. Случаю угодно было, чтобы они столкнулись в первый раз на почве общей заинтересованности в разрешении семейного конфликта: от соприкосновения эти две противоположные натуры вспыхнули. Людовик вернулся к себе в убеждении, что принцесса самая соблазнительная женщина при дворе. Принцесса же, оставшись одна, с восторгом думала о неотразимом впечатлении, которое она произвела на короля.

Но ее чувство оставалось пассивным, а у короля оно проявлялось бурно: Людовик был тогда молод и легко воспламенялся; к тому же он не считался ни с какими преградами

для осуществления своих желаний.

Король сообщил принцу, что все улажено, принцесса питает к нему полное уважение и самую искреннюю привязанность, но у нее гордый и недоверчивый характер и надо щадить ее самолюбие. Принц возразил ему своим обычным в разговорах с братом кисло-сладким тоном, что он не может толком объяснить себе самолюбие женщины, поступающей далеко не безупречно, и что вообще пострадавшее лицо в этом деле, бесспорно, он, принц.

На это король ответил ему довольно резким тоном, показывавшим, как близко к сердцу принимал он интересы своей невестки:

– Принцесса, слава богу, вне подозрений.

– Со стороны других – да, я соглашюсь, – ответил принц, – но я говорю о себе.

– И вам, брат мой, я скажу, – продолжал король, – что поведение принцессы не заслуживает вашего порицания. Да, конечно, она молодая женщина, пожалуй, рассеянная и даже странная, но в глубине души – благородная. Английский характер не всегда хорошо понимают во Франции, и свобода английских нравов нередко удивляет тех, кто не знает, какая душевная чистота лежит в ее основе.

– Что же, – проговорил принц, начиная все более и более раздражаться, – если ваше величество даете отпущение грехов моей супруге, которую я обвиняю, то, конечно, она невинна, и мне остается только замолчать.

– Послушайте, брат, – горячо возразил король, совесть которого нашептывала ему, что принц не совсем не прав, – послушайте, брат, все, что я говорю, и все, что делаю, направлено к вашему счастью. Я узнал, что вы жаловались на недостаток доверия и внимания со стороны принцессы, и не хотел, чтобы ваше беспокойство продолжалось. Мой долг охранять счастье вашей семьи, как и счастье ничтожнейшего из моих подданных. И я с удовольствием убедился, что вы тревожитесь напрасно.

– Итак, ваше величество убедились в невинности принцессы, – продолжал принц, как бы ведя допрос и пристально смотря на своего брата, – и я преклоняюсь перед королевской мудростью, но убеждены ли вы в невинности тех, кто вызвал скандал, на который я жалуюсь?

– Вы правы, брат, – сказал король. – Я об этом подумаю. Эти слова заключали в себе и утешение и приказание. Принц понял и удалился.

Людовик же снова отправился к матери. Разговор с братом не удовлетворил его, и он чувствовал потребность добиться более полного оправдания своего поступка.

Анна Австрийская не была такой же снисходительной к гну де Гишу, как и к герцогу Бекингэму. С первых же слов она увидела, что Людовик не расположен к суровости. Тогда она сама заговорила суровым тоном. Это была одна из обычных уловок королевы, когда ей хотелось добиться правды. Но Людовик уже вышел из детского возраста; он уже почти

год был королем и научился притворяться.

Внимательно слушая Анну Австрийскую, он по некоторым ее выразительным взглядам и ловким намекам убедился, что королева если и не угадала, то по крайней мере заподозрила его слабость к принцессе. Из всех его помощников Анна Австрийская была бы самым полезным, из всех врагов – самым опасным.

Поэтому Людовик переменял тактику. Он обвинил принцессу, оправдал принца и спокойно выслушал все, что его мать говорила о де Гише, как выслушивал раньше ее речи о Бекингэме. Он ушел от нее, только когда она преисполнилась уверенностью, что одержала полную победу над ним.

Вечером все придворные собрались на репетицию балета. За это время у бедного де Гиша побывало несколько посетителей. Одного из них он и ждал и боялся. Это был шевалье де Лоррен. Вид у шевалье был самый успокоительный. По его словам, принц находился в прекрасном настроении, так что можно было подумать, что на супружеском горизонте нет ни малейшего облачка. Да и вообще принц вовсе не злопамятен! С давних пор при дворе с легкой руки шевалье де Лоррена считалось, что из двоих сыновей Людовика XIII принц унаследовал отцовский характер – нерешительный, колеблющийся, с хорошими порывами, недобрый в своей основе, но, конечно, безвредный для друзей.

Шевалье одобрял Гиша, доказывая ему, что принцесса скоро совсем возьмет верх над мужем и кто будет иметь вли-

ание на нее, тот будет влиять и на принца.

Де Гиш, человек осторожный и недоверчивый, отвечал:

– Быть может, шевадье; но я считаю принцессу очень опасной.

– Чем же?

– Она утверждает, что принц не очень увлекается женщинами.

– Это правда, – со смехом сказал шевадье де Лоррен.

– Поэтому принцесса может избрать первого встречного, чтобы возбудить ревность мужа и вернуть его себе.

– Какая глубокая мысль! – воскликнул шевадье.

– Какая верная! – вторил де Гиш.

И тот и другой говорили не то, что думали. Де Гиш, обвиняя принцессу, мысленно просил у нее прощения. Шевадье, изумляясь глубине мысли де Гиша, увлекал его к пропасти.

Тогда де Гиш прямо спросил его, какие последствия имела утренняя сцена и особенно – сцена во время обеда.

– Да ведь я уже сказал вам, – отвечал шевадье де Лоррен, – все хохотали, и принц больше всех.

– Однако, – заметил Гиш, – мне говорили о посещении принцессы королем.

– Что же тут удивительного? Одна только принцесса не смеялась, и король заходил к ней, чтобы ее развеселить.

– И что же?..

– Да ничего не изменилось, все пойдет своим порядком.

– И вечером будет репетиция балета?

– Разумеется.

– Вы уверены в этом?

– Вполне.

В этот момент в комнату с озабоченным видом вошел Рауль.

Увидев его, шевалье, питавший к нему, как и ко всякому благородному человеку, тайную ненависть, тотчас же поднялся с места.

– Так, значит, вы мне советуете?.. – обратился к нему де Гиш.

– Советую вам спать спокойно, дорогой граф.

– А я дам вам совершенно противоположный совет, де Гиш, – проговорил Рауль.

– Какой, мой друг?

– Сесть на коня и уехать в одно из ваших поместий. Ну а там можете последовать совету шевалье и спать сколько вашей душе угодно.

– Как, уехать? – воскликнул шевалье, прикидываясь изумленным. – Да зачем же де Гишу уезжать?

– А затем – ведь вы-то этого не можете не знать, – затем, что все наперебой говорят о сцене, которая разыгралась между принцем и де Гишем.

Де Гиш побледнел.

– Никто не говорит, – отвечал шевалье, – никто. Вы плохо осведомлены, господин де Бражелон.

– Напротив, милостивый государь, я осведомлен очень хо-

рошо и даю де Гишу дружеский совет.

Во время этого спора немного сбитый с толку де Гиш попеременно поглядывал то на одного, то на другого советчика. Он почувствовал, что в этот момент идет игра, которая окажет влияние на всю его жизнь.

– Не правда ли, – обратился шевалье к графу, – не правда ли, де Гиш, вся эта сцена была далеко не такая бурная, как, по-видимому, думает виконт де Бражелон, который, впрочем, при ней не присутствовал.

– Дело не в том, – настаивал Рауль, – была ли она бурная или нет, так как я говорю не о самой сцене, а о последствиях, какие она может иметь. Я знаю, что принц грозил; я знаю, что принцесса плакала.

– Принцесса плакала? – неосторожно вскричал де Гиш, всплеснув руками.

– Вот как! – со смехом подхватил шевалье. – Этой подробности я не знал. Положительно, вы лучше меня осведомлены, господин де Бражелон.

– Вот потому-то, что я лучше осведомлен, шевалье, я и настаиваю на том, чтобы Гиш уехал.

– Простите, что противоречу вам, господин виконт, но еще раз повторяю, что в этом отъезде нет никакой нужды.

– Отъезд был бы необходим.

– Погоди! С чего бы вдруг ему уезжать?

– А король? Король?

– Король? – воскликнул де Гиш.

– Предупреждаю тебя, что король принимает это дело близко к сердцу.

– Полно! – успокоил его шевалье. – Король любит де Гиша и особенно его отца. Подумайте, если граф уедет, это послужит как бы признанием того, что он действительно заслуживает порицания. Ведь если человек скрывается, значит, он виноват или боится.

– Не боится, а досадует, как всякий человек, которого напрасно обвиняют, – сказал Бражелон. – Придадим именно такой характер его отъезду, это очень легко сделать. Будем рассказывать, что мы оба приложили все усилия, чтобы удержать его, да вы и на самом деле удерживаете его, шевалье. Да, да, де Гиш, вы ни в чем не повинны. Сегодняшняя сцена обидела вас. Вот и все. Право, уезжайте.

– Нет, де Гиш, оставайтесь, – убеждал шевалье. – Оставайтесь именно потому, что вы ни в чем не повинны, как говорит господин де Бражелон. Еще раз простите, виконт, что я не согласен с вами.

– Сделайте одолжение, милостивый государь, но заметьте, что изгнание, которому де Гиш сам себя подвергнет, протянется недолго. Он вернется когда вздумает, и его встретят улыбками, а гнев короля может, напротив, навлечь такую грозу, которой и конца не видно будет.

Шевалье улыбнулся.

«Э, черт возьми, этого-то я и добиваюсь», – прошептал он про себя, пожав плечами.

Это движение не ускользнуло от графа. Он опасался, что если покинет двор, то другие могут принять это за трусость.

– Нет, нет! – вскричал он. – Решено. Я остаюсь, Бражелон.

– Обращаюсь к тебе как пророк, – печально проговорил Рауль, – горе тебе, де Гиш, горе тебе!

– Я тоже пророк, только не пророк несчастья. Напротив, я настойчиво повторяю вам, граф: оставайтесь.

– Так вы уверены, что сегодняшняя репетиция балета не отменена? – спросил де Гиш.

– Совершенно уверен.

– Видишь, Рауль, – проговорил де Гиш, стараясь улыбнуться, – видишь сам, что наш двор не подготовлен к междоусобной войне, если он с таким усердием предается пляске. Признайся, что это так, Рауль.

Рауль покачал головою.

– Мне больше нечего сказать, – ответил он.

– Но, наконец, – спросил шевалье, стараясь узнать, из каких источников черпал Рауль сведения, точность которых внутренне не мог не признать даже он, – вы говорите, что вы хорошо информированы, господин виконт, даже лучше, чем я, человек самый близкий к принцу. Как это могло получиться?

– Ваша милость, – отвечал Рауль, – я преклоняюсь перед таким заявлением. Да, вы должны быть великолепно информированы и, как человек чести, не способны сказать что-нибудь, кроме того, что вы знаете, и не можете говорить иначе,

чем вы думаете, я умолкаю, я признаю себя побежденным и уступаю вам поле битвы.

И с видом человека, желающего только отдохнуть, он уселся в просторное кресло, пока граф звал прислугу, чтобы одеться.

Шевалье надо было уходить, но он боялся, как бы Рауль, оставшись наедине с де Гишем, не отговорил его. Поэтому он прибегнул к последнему средству.

– Принцесса сегодня будет ослепительна, – сказал он. – Она впервые выступает в костюме Помоны.

– Ах, в самом деле! – воскликнул граф.

– Да, да, – продолжал шевалье, – она уже распорядилась. Вы знаете, господин де Бражелон, что роль Весны взял на себя сам король.

– Это будет восхитительно, – обрадовался де Гиш, – и это, пожалуй, важнейшая причина, заставляющая меня остаться. Ведь я исполняю роль Вертумна и танцую с принцессой, так что без дозволения короля даже и не мог бы уехать, мой отъезд расстроил бы балет.

– А я исполняю роль простого фавна, – сказал шевалье. – Танцор я неважный, да притом у меня и ноги кривые. До свидания, господа. Не забудьте, граф, корзину с плодами, которую вы должны поднести Помоне.

– Не забуду, будьте покойны, – заверил его восхищенный граф.

«Ну, теперь он не уедет, можно быть уверенным», – гово-

рил про себя шевалье де Лоррен, выходя из комнаты.

Когда шевалье удалился, Рауль даже не пытался разубедить своего друга; он чувствовал, что все напрасно.

– Граф, – промолвил он печальным мелодичным голосом, – вы отдаетесь опасной страсти. Я вас знаю. Вы всегда впадаете в крайность, да и та, кого вы любите, тоже... Ну хорошо, предположим на минуту, что она полюбит вас...

– О, никогда! – воскликнул Гиш.

– Почему же никогда?

– Потому что это было бы ужасным несчастьем для нас обоих.

– Тогда, дорогой друг, вместо того, чтобы считать вас неосторожным, позвольте думать, что вы просто безумец.

– Почему?

– Вы уверены, что ничего не будете добиваться от той, кого вы любите?

– О да, вполне уверен!

– Если так, любите ее издали.

– Как издали?

– Да так. Не все ли равно, тут она или нет, если вы от нее ничего не добиваетесь? Ну, любите ее портрет или какую-нибудь вещь, данную на память.

– Рауль!

– Любите тень, мечту, химеру; любите любовь... А, вы отворачиваетесь?.. Но я умолкаю, идут ваши лакеи. В счастье ли, в несчастье вы всегда можете положиться на меня, де

Гиш.

— О, я в этом уверен!

— Ну, вот и все, что я хотел вам сказать. Принарядитесь же хорошенько, де Гиш, будьте красавцем. Прощайте!

— Разве вы не будете на репетиции балета, виконт?

— Нет, мне надо сделать один визит. Ну, обнимите меня и прощайте.

Собрание было назначено в покоях короля.

Явились обе королевы, принцесса, несколько придворных дам и кавалеров. Все это общество в виде прелюдии к танцам занялось разговорами, как было принято в те времена.

Вопреки утверждению шевалье де Лоррена, ни одна из дам не была одета в праздничный костюм, но всех занимали богатые наряды, нарисованные разными художниками для *балета полубогов*. Так называли королей и королев, пантеоном которых был Фонтенбло.

Принц принес рисунок, на котором он был изображен в своей роли. Лицо его все еще было немного озабоченным. Он учтиво и почтительно приветствовал молодую королеву и свою мать. С супругой он раскланялся крайне небрежно и, отходя от нее, круто повернулся на каблуках. Этот поклон и эта холодность были замечены.

Господин де Гиш вознаградил принцессу за эту холодность взглядом, полным огня, и принцесса, надо сказать, вернула ему этот взгляд с лихвой. Все решили, что де Гиш никогда не был так красив; взгляд принцессы как бы оза-

рил светом лицо сына маршала де Граммона. Невестка короля почувствовала, что гроза собирается над ее головой; она также ощущала, что в течение этого дня, в таком изобилии давшего материал для будущих событий, она была несправедлива, может быть, даже предала человека, который любил ее с такой страстью, с таким пылом.

Ей казалось, что наступил момент воздать должное бедняге, с кем так жестоко обошлись нынче утром. Сердце ее громко говорило в пользу де Гиша. Она искренне жалела графа, и это давало ему преимущество перед всеми другими. В ее сердце не оставалось больше места ни для мужа, ни для короля, ни для лорда Бекингэма — де Гиш в эту минуту царил безраздельно.

Правда, принц тоже был красив, но невозможно было и сравнивать его с графом. Каждая женщина скажет, что между красотой любовника и красотой мужа огромная разница.

Итак, после появления принца, после этого галантного сердечного приветствия, обращенного к молодой королеве и королеве-матери, после легкого свободного поклона принцессе, который отметили придворные, все, скажем мы, сложилось так, что преимущества были отданы любовнику перед супругом.

Принц был слишком знатной особой, чтобы замечать такие мелочи. Нет ничего столь действенного, как твердо усвоенная мысль о собственном превосходстве, чтобы доказать неполноценность человеку, уже имеющему о самом себе та-

кое мнение.

Пришел король. Все пытались прочесть грядущие события во взгляде этого человека, который уже начинал владеть миром.

В противоположность своему мрачному брату, Людовик весь сиял. Взглянув на рисунки, которые к нему протягивали со всех сторон, он похвалил один и забраковал другие, единственным своим словом создавая счастливых или несчастных.

Вдруг краешком глаза посмотрев на принцессу, он подметил немой разговор между нею и графом.

Король закусил губу и подошел к королевам:

– Ваши величества, меня сейчас известили, что в Фонтенбло все приготовлено согласно моим распоряжениям.

По всей зале пробежал шепот удовольствия. Король прочел на всех лицах горячее желание получить приглашение на праздник.

– Я еду завтра, – прибавил он.

Воцарилось глубокое молчание.

– И прошу всех присутствующих сопровождать меня.

Радостная улыбка озарила все лица. Один только принц оставался по-прежнему в дурном настроении.

Один за другим к королю стали подходить вельможи, спешившие поблагодарить его величество за приглашение.

Подошел де Гиш.

– Ах, граф, – сказал ему король, – а я не заметил вас.

Граф поклонился. Принцесса побледнела.

Де Гиш собирался открыть рот, чтобы произнести благодарность.

– Граф, – остановил его король, – теперь как раз время озимых посевов. Я уверен, что ваши нормандские фермеры очень обрадовались бы вашему приезду к себе в поместье.

После этой жестокой выходки король повернулся спиной к несчастному графу.

Теперь побледнел и де Гиш. Он сделал два шага к королю, забыв, что можно только отвечать на вопросы его величества.

– Я, кажется, плохо понял, – пролепетал он.

Король слегка повернул голову и, бросив на Гиша один из тех холодных и пристальных взглядов, которые, как нож, вонзались в сердце людей, впавших в немилость, медленно отчеканил:

– Я сказал: в ваше поместье.

На лбу графа выступил холодный пот, пальцы разжались и выронили шляпу.

Людовик бросил взгляд на мать, чтобы подчеркнуть перед ней полноту своей власти. Он отыскал также торжествующий взгляд брата и убедился, что тот доволен мщением. Наконец он остановил свои глаза на принцессе. Принцесса улыбалась, разговаривая с г-жой де Ноайль. Она ничего не слышала или делала вид, что не слышала.

Шевалье де Лоррен тоже смотрел своим упорным враж-

дебным взглядом, похожим на таран, сокрушающий препятствия. Один только де Гиш остался в кабинете короля. Постепенно все разошлись.

Перед глазами несчастного мелькали какие-то тени.

Страшным усилием воли он овладел собой и поспешил домой, где его ожидал Рауль, не отделавшийся от мрачных предчувствий.

– Ну что, как? – прошептал он, увидя своего друга, вошедшего нетвердым шагом, без шляпы, с блуждающим взглядом.

– Да, да... это верно... да...

Больше де Гиш ничего не мог выговорить. Он без сил повалился в кресло.

– А она?.. – спросил Рауль.

– Она?.. – вскричал несчастный, поднимая к нему гневно сжатый кулак. – Она!..

– Что она делает?

– Смеется.

И сам злосчастный изгнанник разразился истерическим хохотом. Потом упал навзничь. Он был уничтожен.

XVI. Фонтенбло

Уже четыре дня великолепные сады Фонтенбло были оживлены непрекращающимися празднествами и весельем. Господин Кольбер был завален работой: по утрам он подводил счета ночных расходов, днем составлял программы, сметы, нанимал людей, расплачивался.

Господин Кольбер получил четыре миллиона и пытался расходовать их с разумною экономией.

Он приходил в ужас от трат на мифологию. Каждый сатир и каждая дриада обходились не менее чем по сотне ливров в день. Да костюмы стоили по триста ливров. Каждую ночь фейерверки истребляли пороху и серы на сто тысяч ливров. Иллюминация по берегам пруда обходилась в тридцать тысяч ливров. Эти праздники казались великолепными. Кольбер от радости не мог владеть собой.

В разное время дня и ночи можно было видеть, как принцесса и король отправлялись на охоту или устраивали приемы разных фантастических персонажей, торжества, которые без усталости изобретали в течение двух недель и в которых проявлялись блестящий ум принцессы и щедрость короля.

Принцесса, героиня праздника, отвечала на приветственные речи депутаций от разных неведомых народов: гарамантов, скифов, гиперборейцев, кавказцев и патагонцев, которые словно из-под земли появлялись перед нею. А король

каждому из них дарил брильянты и разные дорогие вещи.

Депутации декламировали стихи, в которых короля сравнивали с солнцем, а принцессу с луной. О королевах и о принце совсем перестали говорить, словно король был женат не на Марии-Терезии Австрийской, а на Генриетте Английской.

Счастливая пара держалась за руки, обменивалась неуловимыми пожатиями. Молодые люди большими глотками впивали этот сладостный напиток лести, который порождает юность, красота, могущество и любовь. Все в Фонтенбло удивлялись влиянию на короля, которое так неожиданно приобрела принцесса. Всякий говорил про себя, что настоящей королевой была принцесса. И действительно, король подтверждал эту странную истину каждой своей мыслью, каждым своим словом, каждым своим взглядом. Он черпал свои желания, искал свое вдохновение в глазах принцессы, он упивался ее радостью, если принцесса устаивала его улыбкой.

А принцесса? Наслаждалась ли она своим могуществом, видя весь мир у своих ног? Она не могла признаться в этом себе самой; но она знала это и чувствовала одно: что у нее нет больше никаких желаний и что она совершенно счастлива. Произошло все это по воле короля, и в результате принц, который был вторым лицом в государстве, оказался третьим.

И ему стало еще хуже, чем в те дни, когда музыканты де Гиша играли у принцессы. Тогда принц мог по крайней ме-

ре внушить страх тому, кто его раздражал. Но, изгнав врага благодаря союзу с королем, принц почувствовал на плечах бремя, которое было гораздо тяжелее прежнего.

Каждую ночь принцесса возвращалась к себе совсем измученная. Поездки верхом, купание в Сене, спектакли, обеды под деревьями, балы на берегу большого канала, концерты – все это могло бы свалить с ног здорового швейцарца, а не только слабую, хрупкую женщину.

Положим, что касается танцев, концертов, прогулок, женщина куда выносливее самого дюжего молодца. Но и женские силы ограничены. Что же касается принца, то он не имел удовольствия видеть принцессу даже по вечерам. Принцессе отвели покои в королевском павильоне вместе с молодой королевой и королевой-матерью.

Шевалье де Лоррен, разумеется, не покидал принца и вливал по капле желчь в его свежие раны.

После отъезда де Гиша принц сначала было повеселел и расцвел, но три дня пребывания в Фонтенбло снова повергли его в меланхолию.

Однажды, часа в два, принц, поздно вставший и посвятивший еще больше, чем обыкновенно, внимания своему туалету, вспомнил, что на этот день не было ничего назначено; и вот он задумал собрать свой двор и повезти принцессу ужинать в Море, где у него был прекрасный загородный дом.

С этим намерением он направился к королевскому павильону и был очень удивлен, не найдя там ни души. Левая

дверь вела в покои принцессы, правая – в покои молодой королевы.

В комнате жены он узнал от швеи, которая там работала, что в одиннадцать часов утра все отправились купаться в Сене, что из этой прогулки устроили настоящий праздник и что придворные экипажи ожидали у ворот парка.

«Счастливая мысль! – подумал принц. – Жара ужасная, и я сам охотно выкупался бы!»

Он кликнул людей... Никто не явился. Он пошел к каретным сараям. Там конюх сказал ему, что нет ни одной кареты и ни одного экипажа. Тогда он велел оседлать двух лошадей, одну для себя, другую для камердинера. Конюх ему учтиво ответил, что и лошадей нет.

Принц, побледнев от гнева, снова отправился в королевские покои и дошел до самой молельни Анны Австрийской.

Сквозь полуоткрытую портьеру он увидел невестку, стоявшую на коленях перед королевой-матерью. Насколько он мог рассмотреть, молодая женщина горько плакала.

Королевы не видели и не слышали его.

Он замер у дверей и стал подслушивать. Это печальное зрелище возбуждало его любопытство.

Молодая королева в слезах жаловалась:

– Да, король пренебрегает мною, король весь поглощен удовольствиями, в которых я не принимаю никакого участия.

– Терпение, терпение, дочь моя, – отвечала ей Ан-

на Австрийская по-испански и по-испански же прибавила несколько слов, которых принц не понял.

Королева отвечала ей новыми жалобами, в которых принц разобрал только слово «*bacos*»¹, повторяемое с выражением досады и раздражения.

«*Bacos*, – подумал принц. – Это означает *купание*». И он старался соединить в одно целое обрывки услышанных им фраз.

Во всяком случае, легко было догадаться, что королева горько жалуется и что если Анна Австрийская не могла ее утешить, то изо всех сил пыталась сделать это.

Принц испугался, как бы его не застали врасплох, и кашлянул. Обе королевы обернулись. При виде принца молодая королева быстро встала и вытерла глаза.

Принц слишком хорошо знал придворный мир, чтобы задавать вопросы, и слишком хорошо усвоил правила приличия, чтобы хранить молчание, поэтому он учтиво приветствовал королев.

Королева-мать ласково улыбнулась ему.

– Что вам, сын мой? – спросила она.

– Мне?.. Да ничего... – пробормотал принц. – Я искал...

– Кого?

– Я искал принцессу.

– Принцесса отправилась купаться.

– А король? – спросил принц тоном, повергшим молодую

¹ Купание (*исп.*)

королеву в трепет.

– И король, и весь двор уехали купаться, – отвечала Анна Австрийская.

– А вы что же, государыня? – сказал принц.

– О, я служу пугалом для всех, кто развлекается!

– Да и я, по-видимому, тоже, – проговорил принц.

Анна Австрийская сделала знак своей невестке, и та ушла, заливаясь слезами.

Принц нахмурил брови.

– Вот грустный дом, – сказал он. – Как вы находите, матушка?

– Да... нет же... нет... здесь каждый ищет развлечения.

– Вот это-то и огорчает тех, кому чужие развлечения не по вкусу.

– Как вы странно выражаетесь, милый Филипп!

– Право же, матушка, я говорю то, что думаю.

– Да в чем же дело?

– Спросите у моей невестки, которая сейчас вам рассказывала о своих горестях.

– О каких горестях?..

– Ну да, я ведь слышал. Случайно, но все слышал. Слышал, как она жаловалась на эти знаменитые купания принцессы.

– Ах, все это глупости!..

– Ну нет, плачут не всегда от глупости... Королева все произносила слово «*bacos*». Ведь это значит *купание*?

– Повторяю вам, сын мой, – сказала Анна Австрийская, – что ваша невестка мучается ребяческой ревностью.

– Если так, государыня, – отвечал принц, – то я смиренно сознаюсь в том же.

– Вы тоже терзаетесь ревностью из-за этих купаний?

– Еще бы! Король едет купаться с моей женой и не берет с собой королеву! Принцесса отправляется купаться с королем и даже не считает нужным предупредить меня об этом! И вы хотите, чтобы моя невестка была довольна! И вы хотите, чтобы я был спокоен?

– Но, милый Филипп, – остановила его Анна Австрийская, – вы говорите вздор. Вы заставили прогнать Бекингэма, из-за вас отправили в ссылку господина де Гиша. Уж не хотите ли вы теперь и короля выслать из Фонтенбло?

– О, мои притязания не идут так далеко, государыня, – произнес принц раздраженно. – Но сам я могу уехать отсюда и уеду.

– Из ревности к королю! К брату!

– Да, из ревности к королю, к брату! Да, ваше величество, из ревности!

– Знаете, принц, – воскликнула Анна Австрийская, притворяясь возмущенной и разгневанной, – я начинаю думать, что вы действительно сошли с ума и поклялись не давать мне покоя. Я ухожу, потому что решительно не знаю, что мне делать с вашими выдумками.

С этими словами она поднялась с места и вышла, оставив

принца в бешеной ярости.

Минуту он стоял словно оглушенный. Придя в себя, он вернулся к конюшням, отыскал конюха и опять потребовал карету или лошадь. Получив в ответ, что ни лошади, ни кареты нет, он выхватил кнут из рук конюха и начал гонять несчастного по двору, не слушая его криков. Наконец, выбившись из сил, весь в поту, дрожа как в лихорадке, он прибежал к себе, переколотил фарфор, бросился на постель, как был, в сапогах со шпорами, и закричал:

– Помогите!

XVII. Купание

В Вальвене, под непроницаемым сводом ив, опускавших свои свежие зеленые ветви в голубые волны, стояла большая плоская барка с лесенками и длинными синими занавесками. Эта барка служила убежищем Дианам-купальщицам, которых подстерегали при выходе из воды двадцать пылких Актеонов, скакавших на конях вдоль берега.

Но и сама Диана, Диана стыдливая, одетая в длинную хламиду, едва ли была более целомудренна, более недоступна, чем принцесса, молодая и прекрасная, как богиня. Из-под охотничьей туники Дианы виднелись ее круглые белые колени; колчан со стрелами не мог скрыть смуглых плеч богини; стан принцессы был закутан в длинное покрывало, непроницаемое для самых нескромных и самых зорких глаз.

Когда она поднималась по лесенке, двадцать поэтов – а в ее присутствии все делались поэтами, – двадцать галопировавших на берегу поэтов остановили своих коней и в один голос воскликнули, что с тела принцессы в струи счастливой реки стекают не капли, а настоящие жемчужины.

Но король, гарцевавший в центре этой кавалькады, прервал их излишества и отъехал в сторону из боязни оскорбить скромность женщины и достоинство принцессы.

На некоторое время сцена опустела, на барке воцарилась тишина. По шуму шагов, игре складок, волнам, пробежав-

шим по занавесям, можно было угадать торопливую беготню прислужниц.

Король с улыбкой слушал болтовню придворных, но видно было, что внимание его поглощено другим.

В самом деле, едва только звякнули металлические кольца занавесок, давая знать, что богиня сейчас появится, как король быстро повернул лошадь и поскакал вдоль берега, давая сигнал всем, кого обязанности или удовольствие призывали к принцессе.

Пажи немедленно бросились к лошадям. Подъехали коляски, стоявшие в густой тени деревьев. Появилась целая толпа лакеев, носильщиков, служанок, судачивших в сторонке во время купания господ. В то время эта толпа была своего рода ходячею газетою.

Тут же стояли и окрестные крестьяне, стремившиеся увидеть короля и принцессу. В течение восьми или десяти минут эта беспорядочная толпа представляла в высшей степени живописное зрелище.

Король сошел с коня, и его примеру последовали все придворные. Он предложил руку принцессе, которая была в богатом, вышитом серебром костюме для верховой езды, прекрасно обрисовывавшем ее изящную фигуру. Влажные черные волосы обрамляли нежную белую шею. Радость и здоровье блистали в ее прекрасных глазах. Она освежилась и глубоко, взволнованно дышала под большим узорным зонтиком, который держал паж. Не могло быть ничего более

нежного, изящного, поэтичного, чем эти две фигуры в розовой тени зонтика: король, белые зубы которого сверкали в беспрерывных улыбках, и принцесса, чьи черные глаза искрились, словно драгоценные камни в светящихся переливах шелка.

Принцесса подошла к своей лошади. Это был великолепный иноходец андалузской породы, белый, без единой отметины, пожалуй, немного тяжеловатый, но с красивой умной головой, с длинным хвостом, подметавшим землю, — удачная смесь арабской и испанской крови. Принцесса остановилась у стремени, точно не имея сил поставить на него ногу. Король схватил ее за талию и поднял, а рука принцессы жарким кольцом обвила шею короля.

Людовик невольно прикоснулся губами к руке, которая при этом не отдернулась. Принцесса поблагодарила своего царственного стремянного. Все мгновенно вскочили на коней.

Король и принцесса посторонились, чтобы пропустить экипажи, стремянных и скороходов. Следом за колясками, увозившими свиту Дианы, прелестных нимф, с говором и смехом помчалось большинство всадников, пренебрегая правилами этикета. Король и принцесса пустили своих лошадей шагом.

Более солидные придворные, старавшиеся быть на виду у короля и поспешить к нему по первому же зову, ехали за ним, сдерживая своих нетерпеливых скакунов, приноравли-

вая их шаг к шагу коней короля и принцессы и наслаждаясь сладостью и приятностью, которые дает общество остроумных людей, с изяществом извергающих потоки ужасных мерзостей по адресу своих ближних. С большим удовольствием предались они обычному злословию. Больше всего шуток и смеха возбуждал злополучный принц. Но де Гиша искренне жалели, и, надо признаться, не без основания.

Тем временем король и принцесса, дав передохнуть коням и шепнув друг другу сто раз именно то, что предполагали придворные, пустили лошадей легким галопом, и под копытами кавалькады зазвенели уединенные тропинки леса.

Тогда тихие разговоры, летучие намеки, приглушенный смех сменились громкими криками: веселье охватило всех, от лакеев до принцев. Поднялся шум, хохот. Сороки и сойки разлетались во все стороны; зяблики и синицы поднимались целыми тучами, а лани, козы и олени с испугом уносились в заросли.

При въезде в город король и принцесса были встречены дружными криками толпы. Принцесса поспешила к супругу. Она инстинктивно понимала, что принц слишком долго не принимал участия в общем веселье. Король отправился к королевам; он сознавал свою обязанность вознаградить их или по крайней мере одну из них за свое отсутствие.

Но принц не принял супругу. Ей сказали, что он спит. Короля встретила не улыбающаяся Мария-Терезия, а Анна Австрийская, вышедшая в галерею; она взяла его за руку и уве-

ла к себе.

О чем они говорил или, лучше сказать, что королева-мать говорила Людовику XIV, – этого никто никогда не узнал; об этом можно было только догадываться по расстроенному лицу короля, когда он вышел от матери.

Но наша задача все истолковать и сообщить наши толкования читателю, и мы не выполнили бы этой задачи, если бы читатель не узнал ничего о содержании этой беседы. Все это мы помещаем в следующей главе.

XVIII. Охота за бабочками

Король, придя к себе, чтоб отдать кое-какие приказания да кстати и собраться с мыслями, нашел на туалете записку, написанную, по-видимому, измененным почерком.

Он вскрыл ее и прочел:

«Приходите поскорее, мне надо очень многое сказать вам».

Король и принцесса расстались так недавно, что трудно было понять, как «многое» успело накопиться после того «многого», что они сказали друг другу по дороге из Вальвена в Фонтенбло.

Торопливый почерк записочки заставил короля призадуматься. Он слегка оправил свой костюм и пошел к принцессе.

Принцесса, не желая показать, что ждет его, вышла со своими дамами в сад.

Узнав, что принцесса отправилась на прогулку, король подзвал находившихся поблизости придворных и пригласил их с собой.

Принцесса устроила охоту на бабочек на просторной лужайке, окаймленной гелиотропами и дроком. Она смотрела, как бегали ее молоденькие быстроногие фрейлины, а сама с нетерпением ждала короля.

Скрип шагов по песку заставил ее обернуться. Людовик

XIV был без шляпы; взмахом трости он сшиб бабочку, которую поднял с травы шедший с ним де Сент-Эньян.

– Видите, принцесса, я тоже охочусь за бабочками, – сказал он, подходя. – Господа, – прибавил он, оборачиваясь к своей свите, – займитесь охотой и принесите добычу своим дамам.

Это значило – отойдите от нас подальше.

Забавно было видеть, как старые, почтенные вельможи, давно забывшие о стройности и изяществе, принялись бегать за бабочками, теряя шляпы и колотя тростями кусты мирта и дрека, точно они сражались с испанцами.

Король подал руку принцессе и проводил ее в открытую беседочку, что-то вроде хижины, задуманной робким гением какого-то неведомого мастера, который положил начало причудливому и фантастическому в суровом стиле тогдашнего садоводческого искусства.

Этот навес, украшенный выющимися розами и настурцией, возвышался над скамьей без спинки и был поставлен так, что сидевшие под ним, находясь посреди лужайки, видели все вокруг и были видны со всех сторон, но слышать их не мог никто, ибо непрощеный свидетель, только собравшись приблизиться и подслушать разговор, сразу оказывался на виду у сидевших.

Король знаками приветствовал и поощрял отсюда охотников. Насаживая бабочку на золотую булавку и как будто разговаривая о ней с принцессой, он начал:

– Кажется, здесь можно побеседовать без помехи.

– Да, государь, мне надо было поговорить с вами с глазу на глаз, но на виду у всех.

– И мне тоже, – сказал Людовик.

– Вас удивила моя записка?

– Ужаснула! Но то, что я хочу вам сказать, гораздо важнее.

– Едва ли! Вы знаете, что принц запер передо мною дверь?

– Перед вами! Почему же?

– Вы не догадываетесь?

– Ах, принцесса, нам, кажется, надо сказать друг другу одно и то же.

– А что же с вами случилось?

– Вернувшись домой, я встретил мать, и она увела меня к себе.

– О, королеву-мать!.. Это весьма серьезно, – с беспокойством проговорила принцесса.

– Я думаю! Вот что она мне сказала... Только позвольте мне начать с небольшого предисловия.

– Я вас слушаю, государь.

– Принц говорил вам что-нибудь обо мне?

– Часто.

– А о своей ревности?

– О, еще чаще!

– О ревности ко мне?

– Нет, не к вам, а...

– Да, я знаю, к Бекингэму и к Гишу, совершенно верно.

Представьте, принцесса, что сейчас он вздумал ревновать ко мне.

– Вот как! – отвечала принцесса с лукавой усмешкой.

– Но мне кажется, мы не подавали ни малейшего повода...

– По крайней мере я... Но как вы узнали о ревности принца?

– Матушка сообщила мне, что принц вбежал к ней как бешеный и излил целый поток жалоб на ваше... вы извините меня...

– Говорите, говорите.

– На ваше кокетство. Матушка старалась его разуверить, но он ответил ей, что больше слышать ничего не хочет.

– Люди очень злы, государь. Да что же это такое! Брат и сестра не могут поболтать между собою, чтобы не начались пересуды и даже подозрения! Ведь мы же не делаем ничего дурного, государь, у нас и в мыслях нет ничего дурного.

И она бросила на короля гордый, вызывающий взгляд, который разжигает пламя желаний у самых холодных и благо-разумных людей.

– Конечно, – вздохнул Людовик.

– Знаете, государь, если так будет продолжаться, я не выдержу. Оцените по справедливости наше поведение – разве оно не добропорядочно?

– Да, очень.

– Правда, мы часто бываем вместе, потому что у нас одинаковые мысли, вкусы. Соблазн действительно мог бы воз-

никнуть, но он все-таки не возник!.. Для меня вы только брат, и больше ничего.

Король нахмурился, а она продолжала:

— Когда ваша рука встречается с моею, она никогда не вызывает у меня того волнения, того трепета... как, например, у влюбленных...

— Довольно, довольно, умоляю вас! — перебил ее истерзанный король. — Вы безжалостны и хотите уморить меня.

— Что это значит?

— Да ведь вы... вы прямо говорите, что ничего ко мне не чувствуете.

— О, государь... этого я не говорю... Мои чувства...

— Генриетта... довольно... еще раз прошу... Если вы воображаете, что я такой же мраморный, как вы, то вы ошибаетесь.

— Я вас не понимаю.

— Ну хорошо, хорошо, — вздохнул король, потупляя глаза. — Значит, наши встречи... и рукопожатия... и наши взгляды... Виноват.... Да, вы правы... я понимаю, что вы хотите сказать.

Он опустил голову и закрыл лицо руками.

— Будьте сдержанней, государь, — с живостью проговорила принцесса, — на вас смотрит господин де Сент-Эньян.

— Да, действительно, — с гневом воскликнул Людовик. — У меня нет и тени свободы, у меня не может быть простоты и искренности в отношениях с людьми... Думаешь, что нашел

друга, а на самом деле находишь шпиона... думаешь, что нашел подругу, а находишь... сестру.

Принцесса замолчала и потупилась.

– Принц ревнив! – тихонько произнесла она совсем особенным тоном, чарующую прелесть которого невозможно передать.

– Вы правы! – воскликнул король.

– Да, – продолжала принцесса, смотря на Людовика взглядом, обжигавшим ему сердце, – вы свободны, вас не подозревают, не отравляют вашу домашнюю жизнь.

– Увы, вы еще ничего не знаете. Королева тоже ревнует.

– Мария-Терезия?

– До сумасшествия. Ревность брата вызвана именно ее ревностью. Она плакала, она жаловалась моей матери, она злилась на это купание, которое было для меня таким наслаждением.

«И для меня», – говорил взгляд принцессы.

– И вот принц, подслушивая их, уловил слово «bacos», которое королева произнесла с особенною горечью; это его и навело на мысль. Он ворвался к ним, вмешался в разговор и наговорил матери таких вещей, что она была вынуждена уйти от него. Вам приходится иметь дело с ревнивым мужем, а передо мною вырос и будет вечно стоять призрак той же ревности – с опухшими глазами, впалыми щеками и кривящимися губами.

– Бедный король! – прошептала принцесса, слегка прика-

саясь рукою к руке Людовика.

Он задержал эту ручку и, чтобы пожать ее тайком от зрителей, охотившихся не столько за бабочками, сколько за новостями, протянул принцессе умиравшую бабочку. Она наклонилась над ней, словно считая пятнышки или зернышки золотой пыли на крылышках мотылька. Она не произнесла ни слова. Волосы их касались, дыхание смешивалось, руки горели. Так прошло пять минут.

XIX. Что можно поймать, охотясь за бабочками

Несколько мгновений молодые люди не шевелились, охваченные мыслью о рождающейся любви, которая населяет цветами двадцатилетнее воображение. Генриетта украдкой смотрела на Людовика. В глубине его сердца она видела любовь, как опытный водолаз видит жемчужину на дне моря.

Она поняла, что Людовик колеблется, быть может, даже терзается сомнениями и надо слегка подтолкнуть это ленивое или робкое сердце.

– Итак?.. – проговорила она, прерывая молчание.

– Что вы хотите сказать? – спросил Людовик.

– Я хочу сказать, что мне придется вернуться к принятому мной решению.

– К какому решению?

– К тому, которое я уже сообщила вашему величеству, когда между нами происходило первое объяснение по поводу ревности принца.

– Что же вы мне сказали тогда? – с беспокойством спросил Людовик.

– Разве вы уже забыли, государь?

– Увы, если это какое-нибудь новое несчастье, то, наверное, скоро вспомню.

– О, это несчастье только для меня, государь, – отвечала

Генриетта, – но несчастье необходимое.

– Да скажите же наконец, что такое!

– Отъезд!

– Ах, опять это неумолимое решение?

– Поверьте, государь, что я приняла это решение не без жестокой внутренней борьбы... Право, государь, мне следует вернуться в Англию.

– Никогда, никогда я не допущу, чтобы вы покинули Францию! – вскричал король.

– И однако же, – продолжала принцесса тоном кроткой решимости, – это совершенно необходимо, государь. Больше того, я убеждена, что такова воля вашей матери.

– Воля! – воскликнул король. – Вы произнесли странное слово в моем присутствии, дорогая сестра!

– Но разве, – ответила с улыбкой Генриетта, – вы не подчинились бы с удовольствием воле доброй матери?

– Перестаньте, бога ради; вы разрываете мне сердце. Вы говорите о своем отъезде с таким спокойствием...

– Я не рождена для счастья, государь, – грустно отвечала принцесса, – с детства я привыкла к тому, что самые дорогие мои мечты не сбываются.

– Вы говорите правду? И теперь отъезд помешал бы осуществиться дорогой вам мечте?

– Если я отвечу «да», вас это утешит, государь?

– Жестокая!

– Тише, государь, к нам идут.

Король осмотрелся кругом.

– Нет никого, – сказал он. Потом, снова обращаясь к принцессе, продолжал: – Послушайте, Генриетта, ведь против ревности мужа есть и другие средства, кроме вашего отъезда, который убил бы меня...

Генриетта с сомнением пожала плечами.

– Да, да, убил бы, – продолжал Людовик. – Неужели, повторяю, ваше воображение... или, лучше сказать, ваше сердце не способно внушить вам что-нибудь иное?

– Боже мой, что, по-вашему, оно должно внушить мне?

– Скажите, как доказать человеку, что его ревность не имеет основания?

– Прежде всего, государь, ему не дают никаких поводов к ревности, то есть любят только его.

– Я ожидал иного.

– Чего же вы ожидали?

– Ревнивца можно успокоить, скрывая свое чувство к тому, кто возбуждает его ревность.

– Скрывать трудно, государь.

– Счастье всегда добывается с трудом. Что касается меня, то, клянусь вам, я могу, если нужно, сбить с толку всех ревнивцев, сделав вид, что отношусь к вам так же, как к любой другой женщине.

– Плохое, слабое средство, – проговорила молодая женщина, покачивая прелестною головкою.

– Вам никак не угодишь, дорогая Генриетта, – сказал Лю-

довик с неудовольствием. – Вы отвергаете все, что я предлагаю. Но по крайней мере предложите что-нибудь сами... Я очень доверяю изобретательности женщин.

– Хорошо, я придумала. Вы слушаете, государь?

– Что за вопрос? Вы решаете мою судьбу и спрашиваете, слушаю ли я!

– Я сужу по себе. Если бы я подозревала, что мой муж ухаживает за другой женщиной, то меня могла бы успокоить одна вещь!

– Какая?

– Мне нужно было бы прежде всего убедиться, что он не интересуется этой женщиной.

– Да ведь это самое я говорил вам сейчас.

– Да, но только я бы не успокоилась, пока не увидела бы, что он ухаживает за другою.

– Ах, я понимаю вас, Генриетта, – с улыбкой подхватил Людовик. – Это средство, конечно, остроумно, но жестоко.

– Почему?

– Вы излечиваете ревнивца от подозрений, но наносите ему рану в сердце. Страх его пройдет, но останется боль, а это, по-моему, еще хуже.

– Согласна. Но зато он не заметит, даже подозревать не будет, кто его настоящий враг, и не помешает истинной любви. Он направит свое внимание в ту сторону, где оно никому и ничему не повредит. Словом, государь, моя система, против которой вы, к моему удивлению, возражаете, вредна

для ревнивца, но полезна для влюбленных. А кто же, государь, кроме вас, когда-нибудь жалел ревнивца? Это особая болезнь, гнездящаяся в воображении, и, как все воображаемые болезни, она неизлечима. Дорогой государь, я вспоминаю по этому поводу афоризм моего ученого доктора Доли, очень остроумного человека. «Если у вас две болезни, – говорил он, – выберите одну, которая вам больше нравится, я вам оставлю ее. Она поможет мне справиться с другой».

– Хорошо сказано, дорогая Генриетта, – с улыбкою отвечал король. – Я завтра же назначу ему пенсию за его афоризм. Вот и вы, Генриетта, выберите меньшее из зол. Вы не отвечаете, улыбаетесь. Я догадываюсь: меньшее из зол – пребывание во Франции? Ну и отлично. Это зло я вам оставлю, а сам примусь лечить большее зло и сегодня же подыщу предмет для отвлечения внимания ревнивцев обоего пола, которые преследуют вас.

– Тсс... На этот раз к нам и вправду подходят, – сказала принцесса и наклонилась, чтобы сорвать барвинок в густой траве.

И в самом деле, с вершины горки по направлению к ним мчалась целая толпа дам и кавалеров. Причиною этого набега был великолепный виноградный сфинкс, похожий сверху на сову и с нижними крылышками, напоминающими лепестки розы.

Эта редкая добыча попала в сачок мадемуазель де Тонне-Шарант, которая с гордостью показывала ее своим менее

счастливым соперницам. Царица охоты уселась в двадцати шагах от скамьи, на которой помещались Людовик и Генриетта, прислонилась к роскошному дубу, обвитому плющом, и приколола бабочку к своей длинной трости. Мадемуазель де Тонне-Шарант была очень хороша собою. Поэтому кавалеры покинули прочих дам и столпились около нее в кружок под предлогом поздравить ее с удачею.

Король и принцесса, улыбаясь, смотрели на эту сцену, как взрослые смотрят на игры детей.

– Что вы скажете о мадемуазель де Тонне-Шарант, Генриетта? – спросил король.

– Скажу, что волосы у нее слишком светлые, – отвечала принцесса, сразу указывая на единственный недостаток, который можно было поставить в упрек почти совершенной красоте будущей г-жи де Монтеспан.

– Да, слишком белокура, это верно, но все же, по-моему, красавица.

– О да, и кавалеры так и кружатся около нее. Если бы мы охотились вместо бабочек за ухаживателями, смотрите-ка, сколько бы мы наловили их возле нее.

– А как вы думаете, Генриетта, что сказали бы, если бы король вмешался в толпу этих ухаживателей и бросил свой взор на красавицу? Принц продолжал бы ревновать?

– О, государь, мадемуазель де Тонне-Шарант средство очень сильное, – вздохнула принцесса. – Ревнивец, конечно, вылечился бы, но, пожалуй, явилась бы ревнивица!

– Генриетта, Генриетта! – воскликнул Людовик. – Вы наполняете мое сердце радостью. Да, да, вы правы, мадемуазель де Тонне-Шарант слишком прекрасна, чтоб служить ширмой.

– Ширмой короля, – с улыбкой отвечала Генриетта. – Эта ширма должна быть красива.

– Так вы мне советуете ее? – спросил Людовик.

– Что мне сказать вам, государь? Дать такой совет – значит дать оружие против себя. Было бы безумством или самомнением рекомендовать вам для отвода глаз женщину, гораздо более красивую, чем та, которую вы будто бы любите.

Король искал руку принцессы, ее взгляд и прошептал ей на ухо несколько нежных слов, так тихо, что автор, который должен все знать, не расслышал их.

Потом он громко прибавил:

– Ну хорошо, выберите сами ту, которая должна будет излечить наших ревнивцев. Я буду за ней ухаживать, посвящу ей все время, которое у меня останется от дел, ей буду отдавать цветы, сорванные для вас, ей буду нашептывать о нежных чувствах, которые вызовете во мне вы. Только выбирайте повнимательнее, иначе, предлагая ей розу, сорванную моею рукою, я буду невольно смотреть в вашу сторону, мои руки, мои губы будут тянуться к вам, хотя бы мою тайну угадала вся вселенная.

Когда эти слова, согретые любовной страстью, слетали с уст короля, принцесса краснела, трепетала, счастливая, гор-

дая, упоенная. Она ничего не могла найти в ответ: ее гордость, ее жажда поклонения были удовлетворены.

– Я выберу, – сказала она, поднимая на него свои прекрасные глаза, – только не так, как вы просите, потому что весь этот фимиам, который вы собираетесь сжигать на алтаре другой богини – ах, государь! я ревную к ней, – я хочу, чтобы он весь вернулся ко мне, чтобы не пропала ни одна его частица. Я выберу, государь, с вашего королевского соизволения такую, которая будет наименее способна увлечь вас и оставит мой образ нетронутым в вашей душе.

– По счастью, – заметил король, – у вас сердце не злое, иначе я трепетал бы от вашей угрозы. Кроме того, среди окружающих нас женщин трудно отыскать неприятное лицо.

Пока король говорил, принцесса встала со скамьи, окинула взглядом лужайку и подозвала к себе короля.

– Подойдите ко мне, государь, – сказала она, – видите вы там, у кустов жасмина, хорошенькую девушку, отставшую от других? Она идет одна, опустив голову, и смотрит себе под ноги, точно потеряла что-нибудь.

– Мадемуазель де Лавальер? – спросил король.

– Да.

– О!

– Разве она не нравится вам, государь?

– Да вы посмотрите на нее, бедняжку. Она такая худенькая, почти бесплотная.

– А разве я толстая?

– Но она какая-то унылая.

– Полная противоположность мне; меня упрекают, что я чересчур весела.

– Вдобавок хромоножка. Смотрите, она нарочно всех пропустила вперед, чтобы не заметили ее недостатка.

– Ну так что же? Зато она не убежит от Аполлона, как быстроногая Дафна.

– Генриетта, Генриетта! – с досадой воскликнул король. – Вы нарочно выбрали самую уродливую из ваших фрейлин.

– Да, но все же это моя фрейлина – заметьте это.

– Так что же?

– Чтобы видеть ваше новое божество, вам придется волей-неволей приходить ко мне; скромность не позволит вам искать свиданий наедине, и вы будете видеться с нею только в моем домашнем кружке и говорить не только с нею, а и со мною. Словом, все ревнивцы увидят, что вы приходите ко мне не ради меня, а ради мадемуазель де Лавальер.

– Хромоножки.

– Она только чуть-чуть прихрамывает.

– Она никогда рта не раскрывает.

– Но зато когда раскроет, то показывает прелестнейшие зубки.

– Генриетта!..

– Ведь вы сами предоставили мне выбор.

– Увы, да!

– Подчиняйтесь же ему без возражений.

– О, я подчинился бы даже фурии, если бы вы ее выбрали!

– Лавальер кротка, как овечка. Не бойтесь, она не станет противиться, когда вы ей объявите, что любите ее.

И принцесса захохотала.

– Вы оставите мне дружбу брата, постоянство брата и благосклонность короля, не правда ли?

– Я оставляю вам сердце, которое бьется только для вас.

– И вы полагаете, что наше будущее обеспечено?

– Надеюсь.

– Ваша мать перестанет смотреть на меня как на врага?

– Да.

– А Мария-Терезия не будет больше говорить по-испански в присутствии моего мужа, который не любит слышать иностранную речь, так как ему все кажется, что его бранят?

– Может быть, он прав, – проговорил король.

– Наконец, будут ли по-прежнему обвинять короля в преступных чувствах, если мы питаем друг к другу только чистую симпатию, без всяких задних мыслей?

– Да, да, – пробормотал король. – Правда, станут говорить другое.

– Что еще, государь? Неужели нас никогда не оставят в покое?

– Будут говорить, – продолжал король, – что у меня очень дурной вкус. Ну, да что значит мое самолюбие перед вашим спокойствием?

– Моей честью, государь, хотите вы сказать, честью нашей

семьи. И притом, поверьте, вы напрасно заранее настраиваете себя против Лавальер; она прихрамывает, но она, право, не лишена некоторого ума. Впрочем, к чему прикасается король, то превращается в золото.

— Помните, Генриетта, что я еще у вас в долгу, вы могли бы заставить меня заплатить гораздо дороже за ваше пребывание во Франции.

— Государь, к нам подходят... Еще одно слово.

— Слушаю.

— Вы благоразумны и осмотрительны, государь, но вам теперь придется вооружиться всем вашим благоразумием и всей вашей осмотрительностью.

— О, с сегодняшнего же вечера я примусь за свою роль, — со смехом воскликнул Людовик. — Вы увидите, что у меня есть призвание к роли пастушка. У нас сегодня после обеда большая прогулка в лес, а потом ужин и в десять часов балет.

— Я знаю.

— Итак, сегодня же вечером мое любовное пламя взойдет выше наших фейерверков и будет гореть ярче плашек нашего друга Кольбера. У королев и у принца от его блеска глаза заболят.

— Будьте осторожны, государь!

— Боже мой, что же я сделал?

— Мне придется взять назад похвалы, которые я вам только что расточала... Я назвала вас благоразумным, осмотрительным... А вы начинаете с такого безумства! Разве страсть

может загореться в одно мгновение, как факел? Разве такой король, как вы, сможет сразу, без всякой подготовки, пасть к ногам такой девушки, как Лавальер?

– Генриетта, Генриетта! Я ловлю вас на слове... Мы еще не начали кампанию, а вы уже нападаете на меня.

– Нет, я только предостерегаю вас. Пусть пламя разгорается постепенно, понемногу, а не мгновенно. Если вы проявите такой пыл, никто не поверит, что вы влюбились, а подумают, что вы помешались, если только сразу не разгадают всей вашей игры. Люди иногда не столь глупы, как кажутся.

Король принужден был признать, что принцесса мудра, как ангел, и хитра, как дьявол.

Он поклонился.

– Хорошо, пусть будет так, – согласился он. – Я обдумываю план атаки. Генералы, например, мой кузен Конде, пожелтеют, сидя над своими стратегическими картами, прежде чем двинут с места хоть одну из тех пешек, которые зовутся армейским корпусом; я хочу составить план всей кампании. Вы знаете, что Страна Нежных Чувств разделена на множество областей. Ну вот, я прежде всего остановлюсь в деревне Ухаживаний, на хуторе Любовных Записочек, а потом уже направлюсь по дороге к Откровенной Любви. Тут путь ясен, вы знаете. Мадемуазель Скюдери никогда бы мне не простила, если бы я перескочил через станцию.

– Вот теперь мы на верном пути, государь. Но не пора ли нам расстаться?

– Увы, пора; нас все равно разлучат.

– Действительно, – сказала Генриетта, – сюда торжественно несут сфинкса мадемуазель де Тонне-Шарант, под пение труб, как принято на охотничьих праздниках.

– Значит, решено: сегодня, во время прогулки по лесу, я проберусь в чащу и, застав Лавальер одну, без вас...

– Я ее удалю от себя. Это уж моя забота.

– Прекрасно! Я пойду к ней при всех ее подругах и пушу в нее первую стрелу.

– Только цельтесь хорошенько, не промахнитесь, попадите прямо в сердце, – засмеялась принцесса.

Тут она рассталась с королем и пошла навстречу веселому кортежу, шествовавшему с трубными звуками, восклицаниями и подобающими случаю церемониями.

XX. Балет «Времена года»

После обеда, окончившегося около пяти часов, король ушел к себе в кабинет, где его ожидали портные. Предстояла примерка знаменитого костюма Весны, над которым трудилось множество придворных художников.

Все роли балета были уже разучены участниками представления. Королю хотелось сделать сюрприз. Как только он покончил с делами, он сейчас же послал за своими двумя церемониймейстерами, Вильруа и Сент-Эньяном. Оба они заявили, что ждут лишь его приказа, что все готово и можно начинать. Нужно только, чтобы погода была хорошая и вечер теплый.

Король открыл окно. Золотистые облака скользили над верхушками деревьев. Выплывала луна. Зеленые зеркальные пруды покоились как замороженные. Лебеди, сложив крылья, дремали на воде, словно суда на якорях.

Взглянув на эту дивную картину, король тотчас же отдал приказ, которого ожидали господа де Вильруа и де Сент-Эньян. Но исполнить его надо было по-царски. А для этого оставалось разрешить еще один вопрос. Людовик XIV и задал его:

– Есть у вас деньги?

– Государь, – отвечал Сент-Эньян, – мы уже стоворились с господином Кольбером.

– Отлично.

– Господин Кольбер сказал, что он явится к вашему величеству, как только ваше величество изъявит желание продолжать праздники.

– Хорошо, пусть придет.

Казалось, что Кольбер подслушивал у дверей. Он вошел в комнату, как только король произнес его имя.

– Очень приятно, господин Кольбер, – приветствовал его король. – А вы, господа, приступите к исполнению своих обязанностей.

Сент-Эньян и Вильруа откланялись. Король сел в кресло около окна.

– Я танцую сегодня в балете, господин Кольбер, – сообщил он.

– Значит, завтра, государь, я должен платить по счетам.

– Почему?

– Я обещал поставщикам оплатить их счета на другой день после балета.

– Ну что же, господин Кольбер, если обещали, так и платите.

– Прекрасно, государь. Только для того, чтобы платить, нужны деньги, как говаривал господин де Ледигьер.

– Как? А те четыре миллиона, которые обещал господин Фуке, разве они еще не внесены им? Я и забыл спросить вас об этом.

– Государь, они были у вашего величества в назначенный

час.

– Ну?

– Государь, цветные стекла, фейерверк, скрипки и повара съели эти четыре миллиона в одну неделю.

– Как, все целиком?

– До последнего су. Каждый раз, когда ваше величество приказывали устроить иллюминацию по берегам большого канала, сгорало столько масла, сколько содержится воды во всех бассейнах.

– Ладно, ладно, господин Кольбер. Значит, у нас нет больше денег?

– У меня больше нет, но у господина Фуке есть.

И лицо Кольбера осветилось злобной радостью.

– Что вы хотите сказать? – спросил Людовик.

– Государь, мы уже взяли у господина Фуке шесть миллионов. Он дал их так охотно, что, наверное, не откажется дать еще, если понадобится. Теперь как раз ему пришло время раскошелиться.

Король нахмурил брови.

– Господин Кольбер, – проговорил он, отчеканивая слова, – я держусь другого мнения. Я не хочу ставить в затруднительное положение моего верного слугу. Господин Фуке уже выдал шесть миллионов в течение недели, это достаточная сумма.

Кольбер побледнел.

– Однако, – заметил он, – несколько времени тому назад

ваше величество говорили иное, в тот день хотя бы, когда пришли вести из Бель-Иля.

– С тех пор, сударь, я переменял свое мнение.

– Разве ваше величество уже не верит в заговор?

– Господин помощник интенданта, мои дела касаются меня одного, я уже говорил вам, что сам буду вести их.

– Значит, я имел несчастье впасть в немилость у вашего величества! – вскричал Кольбер. Он весь трепетал от страха и ярости.

– Никоим образом, напротив, вы очень нравитесь мне.

– Ах, государь, – улыбнулся казначей с притворной грубостью, которая льстила самолюбию Людовика, – что толку нравиться вашему величеству, когда не можешь быть вам полезным?

– Ваши услуги пригодятся в другой раз.

– Как же вы прикажете поступить теперь, ваше величество?

– Вам нужны деньги, господин Кольбер?

– Около семисот тысяч ливров, государь.

– Вы возьмете их из моей личной казны.

Кольбер поклонился.

– Но, – прибавил Людовик, – едва ли вы при всей вашей экономии можете обойтись такою ничтожною суммою, я подпишу вам ордер на три миллиона.

Король взял перо, написал несколько слов. Затем, передавая бумагу Кольберу, сказал:

– Будьте спокойны, господин Кольбер, составленный мной план – настоящий королевский план.

После этих слов, произнесенных со всей торжественностью, какую молодой государь умел придавать своим речам в таких обстоятельствах, он отпустил Кольбера и велел позвать портных.

Приказ, отданный королем церемониймейстерам, скоро стал известен всему Фонтенбло. Все знали, что король примеряет свой костюм и вечером состоится балет. Эта новость распространилась с быстротой молнии и на лету пустила в ход кокетство и разные причуды, зажгла множество желаний, воспламенила самые безумные мечты. В ту же минуту, словно по волшебству, все, кто умел держать в руках иглу, все, кто умел отличать камзол от штанов, как говорит Мольер, были призваны на помощь щеголям и дамам.

Король окончил свой туалет к девяти часам. Он появился в открытой карете, убранной зеленью и цветами. Королевы поместились на великолепной эстраде, сооруженной на берегу пруда, в театре изумительной красоты.

За пять часов плотники собрали все части этого театра, обойщики расставили стулья, и, словно по сигналу волшебной палочки, тысячи рук, помогая друг другу, без суеты и спешки соорудили в этом месте здание под звуки музыки, а затем осветители украсили театр и берега пруда неисчислимым количеством свечей.

На небе, покрытом звездами, не было ни единого облачка.

Казалось, сама природа пришла на помощь фантазии короля. Вместо крыши над театром простирался небесный свод, за передними декорациями сверкала отраженными огнями гладь воды, а дальше – синеватые силуэты деревьев с куполообразными вершинами.

Когда прибыл король, зрительная зала была полна; она слепила глаза блеском золота и драгоценных камней, так что невозможно было различить ни одного лица. Понемногу, когда глаз освоился с этим сиянием, из него одна за другой стали возникать прекрасные дамы, словно звезды на ночном небе перед зрителем, сначала закрывшим, а потом открывшим глаза.

Сцена изображала рошу; по ней высоко прыгали кривоногие фавны. Дриада дразнила их, они гонялись за нею; другие дриады спешили к ней на помощь, и все это было выражено в разнообразных танцевальных движениях.

В разгар суматохи появлялась Весна со всей свитой и водворяла порядок. Времена года, союзники Весны, сопровождали ее и открывали танцы под звуки гимна, слова которого были исполнены тонкой лести. Флейты, гобои и скрипки рисовали сельский пейзаж.

Король, он же – Весна, выступил на сцену под гром рукоплесканий.

На нем была туника из цветов, мягко облегавшая его стройную, тонкую фигуру. Шелковые чулки телесного цвета обрисовывали его изящные ноги в сиреневых туфлях с

зелеными бантами. Прекрасные волнистые волосы, свежий цвет лица, мягкий взгляд голубых глаз, губы, снисходившие до улыбки, – таков был тогда этот король, справедливо прозванный королем всех Амуров. Он двигался легко и плавно, точно парил.

Это был блистательный выход. Следом появился граф де Сент-Эньян, видимо, спешивший к королю или принцессе.

На принцессе было длинное платье, легкое и прозрачное, так что под ним иногда ясно обрисовывались то колено, то маленькая ножка, обутая в шелковую туфлю. Со свитой вакханок она весело приближалась к месту, где должна была танцевать.

Рукоплескания продолжались так долго, что граф успел подойти к королю, стоявшему в танцевальной позиции.

– Что вам, Сент-Эньян? – спросила Весна.

– Боже мой, ваше величество, – пролепетал побледневший придворный, – ваше величество и не подумали о танце Плодов.

– Почему же, я помню, его не будет.

– Нет, государь. Ваше величество не отдали об этом приказания, у музыкантов он сохранился.

– Досадно, – пробормотал король. – Этот танец невозможно исполнить, ибо нет господина Гиша.

– Государь, целых четверть часа будет музыка без танцев. Это погубит весь балет. Правда, оркестр мог бы выбросить этот номер. Но дело в том, государь...

– Что еще?

– Ведь господин де Гиш здесь...

– Здесь? – проговорил король, нахмутив брови. – Он здесь?.. Вы уверены?..

– В костюме для танцев, государь. Взгляните направо. Граф ждет.

Король почувствовал, что его лицо вспыхнуло. Он живо обернулся. В самом деле, справа от него, блистая красотой, в костюме Вертумна стоял де Гиш, видимо, ожидая взгляда короля, чтоб заговорить с ним. Невозможно описать изумление короля, изумление принца, заматавшегося в ложе, шепот, поднявшийся в зале, волнение публики, волнение принцессы при виде своего партнера.

Король молча уставился на графа.

Тот подошел к нему и почтительно поклонился:

– Государь, ваш покорнейший слуга явился сегодня на службу, как явился бы на поле битвы. Король, лишившись этого танца Плодов, утратил бы лучшую сцену в своем балете. Я не хотел, чтоб красота, изящество и искусство короля потерпели ущерб из-за меня. Я покинул своих фермеров и явился на помощь моему королю.

Каждое из этих слов было взвешено и красноречиво. Лесть понравилась королю, мужество его изумило. Он сказал только:

– Я не приказывал вам вернуться, граф.

– Конечно, государь, но ваше величество не приказывали

мне также оставаться там.

Король чувствовал, что время уходит. Еще минута, и все было бы испорчено. Притом же в сердце короля царило счастье. Он почерпнул вдохновение в красноречивом взгляде принцессы.

Глаза Генриетты говорили ему:

«Ведь вас ревнуют. Рассейте подозрения. Кто боится двух соперников, тот не боится ни одного».

Своим ловким вмешательством принцесса одержала верх. Король улыбнулся де Гишу.

Де Гиш ни слова не понял из этого немого разговора. Он видел только, что принцесса старается не смотреть на него. Получив помилование, он приписал его принцессе. Король был доволен. Один принц ничего не понимал.

Балет начался. Он был великолепен.

Когда скрипки воодушевили августейших танцоров, когда наивная пантомима той эпохи – ее наивность еще подчеркивалась посредственным исполнением сиятельных артистов – развернулась во всем блеске, зала дрогнула от аплодисментов.

Де Гиш сиял как солнце, но солнце придворное, готовое довольствоваться второстепенной ролью. Ему не было дела до успеха, который не оценила принцесса; он мечтал только о том, как бы снова завоевать ее благосклонность. А она даже не взглянула на него.

Мало-помалу тревога омрачила всю его радость, весь его

блеск, ноги подкашивались, руки не слушались, голова горела.

С той минуты король стал действительно первым танцором кадрили. Он бросил взгляд в сторону своего побежденного соперника.

Де Гиш даже не похож был больше на придворного; он танцевал плохо, невыразительно; вскоре он совсем остановился.

Король и принцесса торжествовали.

XXI. Нимфы парка Фонтенбло

С минуту король упивался своим торжеством – оно было полным. Потом он обернулся и взглянул на принцессу, чтобы немного полюбоваться и ею.

В юности люди любят, может быть, более пылко и страстно, чем в зрелом возрасте, но у них и все другие чувства тогда проявляются с такой же силой, и самолюбие не уступает любви, не то что позднее, годам к тридцати – тридцати пяти, когда любовь становится всепоглощающей.

Людовик вспоминал о принцессе, но больше думал о себе; она же думала исключительно о себе, а о короле даже не помышляла.

Во всем этом переплетении царственных романов и царственного эгоизма жертвою был де Гиш. Всем бросились в глаза волнение и растерянность бедняги, и это уныние было тем более заметно, что никто никогда не видел его с опущенными руками, повешенной головой, потухшим взором. Обычно ни у кого не было сомнений относительно де Гиша, когда имелись в виду вопросы вкуса и элегантности. Сначала большинство приписало его неудачу в балете просто придворной хитрости. Но более проницательные, а таких при дворе немало, скоро догадались, что тут что-то другое.

Наконец все потонуло в бешеных аплодисментах. Королевы выразили милостивое одобрение, публика – шумный вос-

торг. Король удалился переодеваться, и де Гиш, предоставленный самому себе, подошел к принцессе. Она сидела в глубине сцены, ожидая своего второго выхода и предвкушая новый триумф. Не мудрено, что она не заметила или делала вид, что не замечает окружающего.

При виде де Гиша две ее фрейлины, одетые дриадами, предупредительно исчезли.

Де Гиш подошел ближе и поклонился ее королевскому высочеству. Но ее королевское высочество – заметила она его поклон или нет – даже не повернула головы. Кровь застыла в жилах несчастного; такое полное равнодушие ошеломило его. Ведь он был далеко, не знал ничего, что происходило, и не мог ничего предугадать. Видя, что его поклон остался без ответа, он приблизился еще на шаг и срывающимся голосом произнес:

– Ваше высочество, имею честь засвидетельствовать вам мое низжайшее почтение.

На этот раз ее королевское высочество сооблаговолила поднять свои томные глаза на графа.

– Ах, это вы, господин де Гиш, – промолвила она, – здравствуйте!

И тотчас же отвернулась. Граф едва сдержался.

– Ваше королевское высочество, вы восхитительно танцевали, – проговорил он.

– Вы находите? – небрежно отозвалась она.

– Да, ваша роль вполне соответствует характеру вашего

королевского высочества.

Принцесса обернулась и пристально посмотрела на де Гиша своими ясными глазами:

– Что вы хотите этим сказать?

– Вы играете богиню прекрасную, надменную и ветреную, – ответил он.

– Вы говорите о Помоне, граф?

– Я говорю о той богине, которую вы играете, ваше королевское высочество.

Принцесса сделала гримасу.

– Но ведь сами вы, сударь, – проговорила она, – превосходный танцор.

– О, ваше высочество, я принадлежу к числу тех, которых совсем не замечают, а если и заметили на мгновение, то сейчас же забывают.

Он глубоко и прерывисто вздохнул, торопливо поклонился и с трепещущим от горя сердцем, с пылающей головой и горящим взглядом скрылся за декорацией.

Принцесса только слегка пожала плечами. Заметив, что фрейлины из скромности отошли в сторону, она позвала их взглядом.

Это были девицы де Тонне-Шарант и де Монтале.

– Вы слышали, сударыни? – спросила принцесса.

– Что такое, ваше высочество?

– Что сказал граф де Гиш?

– Нет, не слышали.

– Удивительно, – проговорила принцесса сострадательным тоном, – как отразилось изгнание на умственных способностях бедняги де Гиша. – И она продолжала, возвысив голос, чтобы несчастный не упустил ни единого из ее слов: – Во-первых, он плохо вел свою партию, а кроме того, наговорил кучу вздора.

И она встала, напевая мелодию, под которую собиралась сейчас танцевать.

Гиш слышал все это. Стрела глубоко вонзилась в его сердце. Тогда, раздосадованный, рискуя испортить весь праздник, он бросился бежать, раздирая в клочья прекрасные одеяния своего Вертумна и теряя по дороге ветки винограда, фиговые и миндальные листья и все прочие атрибуты изображаемого им бога.

Через четверть часа он снова был в театре.

Принцесса оканчивала свое па.

Она заметила графа, но не взглянула на него, а он, в свою очередь, взбешенный, повернулся к ней спиной, когда она, в сопровождении своих нимф и сотни льстецов, проходила мимо.

В то же самое время на другом конце театра, у пруда, сидела женщина, устремив взоры на одно ярко освещенное окно. То было окно королевской ложи.

Выходя из театра, чтобы подышать свежим воздухом, де Гиш прошел мимо этой женщины и поклонился ей. Она поднялась с видом человека, застигнутого врасплох за мечтами,

которые хотелось бы скрыть даже от себя самого.

Гиш узнал ее и остановился.

– Добрый вечер, мадемуазель! – приветливо проговорил он.

– Добрый вечер, граф!

– Ах, мадемуазель де Лавальер, – обратился к ней де Гиш, – как я счастлив, что встретил вас!

– Я тоже очень рада нашей встрече, граф, – сказала молодая девушка, делая шаг, чтобы удалиться.

– О, останьтесь, умоляю вас! – попросил де Гиш. – Вы любите уединение. Ах, как я понимаю это; такие наклонности свойственны всем женщинам с добрым сердцем. Ни одной из них не будет скучно вдали от светских удовольствий. О мадемуазель, мадемуазель!

– Да что с вами, граф? – испуганно спросила Лавальер. – Вы, видимо, расстроены?

– Я? Нет, нет, я совсем не расстроен.

– В таком случае, господин де Гиш, позвольте мне выразить вам свою благодарность. Я знаю, что только благодаря вашему ходатайству меня назначили фрейлиной принцессы.

– Да, правда, я припоминаю, очень рад, мадемуазель. Вы, вероятно, любите кого-нибудь?

– Я?

– Ах, простите, я не знаю, что говорю; тысячу раз прошу прощения. Принцесса была права, совершенно права; это жестокое изгнание повредило мои умственные способности.

– Но мне кажется, граф, что король принял вас благосклонно?

– Вы полагаете?... Благосклонно... кажется, благосклонно... да.

– Разумеется, благосклонно; ведь вы, по-моему, вернулись без его позволения?

– Это правда, и мне кажется, что вы правы, мадемуазель. А не видели ли вы где-нибудь здесь виконта де Бражелона?

При этом имени Лавальер вздрогнула.

– К чему этот вопрос? – проговорила она.

– О боже мой! Неужели я оскорбил вас? – спохватился де Гиш. – В таком случае я несчастный человек, достойный сожаления.

– Да, вы несчастны и достойны сожаления, господин де Гиш; вы, по-видимому, ужасно страдаете.

– Ах, мадемуазель, почему у меня нет преданной сестры, верного друга...

– У вас есть друзья, господин де Гиш, и как раз виконт де Бражелон, о котором вы только что говорили, ваш настоящий друг.

– Да, действительно, это один из лучших моих друзей. До свидания, мадемуазель, до свидания. Мое почтение.

И он как безумный бросился в сторону пруда. Его черная тень скользила по ярко освещенным деревьям и расплывалась на сверкавшей поверхности пруда.

Лавальер сочувственно проводила его глазами.

– Да, да, – проговорила она, – он страдает, и я начинаю догадываться, из-за чего.

Тут к ней подбежали ее подруги, девицы де Монтале и де Тонне-Шарант.

Они только что сменили костюмы нимф на обычные платья и, возбужденные этой прекрасной ночью и своим успехом, прибежали за своей подругой.

– Как! Вы уже здесь! – воскликнули они. – А мы думали, что придем первые на условленное место.

– Я здесь уже четверть часа, – отвечала Лавальер.

– Разве вам не понравились танцы?

– Нет.

– А весь спектакль?

– Тоже не понравился. Я предпочитаю смотреть на этот темный лес, в глубине которого там и сям вспыхивают огоньки, точно мигают глаза какого-то таинственного существа.

– Какая она поэтичная особа, наша Лавальер, – усмехнулась де Тонне-Шарант.

– Несносная! – возразила Монтале. – Когда мы забавляемся, она плачет, а когда нас обижают и мы, женщины, плачем, Лавальер хохочет.

– Нет, я не такая, – заявила де Тонне-Шарант. – Кто меня любит, должен мне льстить, кто мне льстит, тот мне нравится, а уж кто мне нравится...

– Ну, что же ты не договариваешь? – сказала Монтале.

– Это очень трудно, – перебила мадемуазель де Тон-

не-Шарант с громким смехом. — Договори за меня, ведь ты такая умная.

— А вам, Луиза, нравится кто-нибудь? — спросила Монтале.

— Это никого не касается, — проговорила молодая девушка, поднимаясь с дерновой скамьи, на которой она просидела весь балет. — Слушайте, ведь мы условились повеселиться сегодня без надзора и провожатых. Нас трое, мы дружны, погода дивная; взгляните, как медленно плывет по небу луна, заливая серебряным светом верхушки каштанов и дубов. Какая чудная прогулка! Мы убежим туда, где нас не увидит ничей глаз и куда никто не последует за нами. Помните, Монтале, шевернийские и шамборские леса и тополи Блуа? Мы поверяли там друг другу свои надежды.

— И тайны.

— Я тоже часто мечтаю, — начала мадемуазель де Тонне-Шарант, — но...

— Она ничего не рассказывает, — заметила Монтале, — и то, о чем думает мадемуазель де Тонне-Шарант, известно одной Атенаис.

— Тсс! — остановила их Лавальер. — Мне слышались шаги.

— Скорее, скорее в кусты! — скомандовала Монтале. — Присядьте, Атенаис, вы такая высокая.

Мадемуазель де Тонне-Шарант послушно нагнулась.

В ту же минуту показались два молодых человека; опустив

голову, они шли под руку по песчаной аллее вдоль берега.

Девушки прижались друг к другу и затаили дыхание.

– Это господин де Гиш, – шепнула Монтале на ухо мадемуазель де Тонне-Шарант.

– Это господин де Бражелон, – в свою очередь, шепнула де Лавальер.

Молодые люди приближались, оживленно беседуя между собою.

– Сейчас она была здесь, – сказал граф. – Это не был призрак; я говорил с нею, но, может быть, я напугал ее.

– Каким образом?

– Ах боже мой! Я не успел еще опомниться от того, что случилось со мною; должно быть, она меня не поняла и испугалась.

– Не волнуйтесь, друг мой. Она добрая и простит вас; она умница, она поймет.

– А что, если она слишком хорошо поняла?

– Ну что же?

– А вдруг она расскажет?

– Вы не знаете Луизы, граф, – заметил Рауль. – Луиза само совершенство. У нее нет недостатков.

Молодые люди прошли, голоса их мало-помалу затихли.

– Что это значит, Лавальер? – заговорила мадемуазель де Тонне-Шарант. – Виконт де Бражелон назвал вас в разговоре Луизой. Почему?

– Мы вместе воспитывались, – отвечала мадемуазель де

Лавальер, – мы знали друг друга еще детьми.

– А кроме того, господин де Бражелон твой жених.

– А я и не знала! Это правда, мадемуазель?

– Как вам сказать, – отвечала Луиза, покраснев, – господин де Бражелон сделал мне честь, просил моей руки, но...

– Но что?

– По-видимому, король...

– Что король?

– Король не хочет дать согласия на этот брак.

– Почему? При чем тут король? – проворчала Ора. – Да разве король имеет право вмешиваться в подобные вещи?.. «Пулитика – пулитикой, – как говаривал Мазарини, – а любовь – любовью!». Раз ты любишь господина де Бражелона и он тебя любит, так венчайтесь. Я даю вам согласие на брак.

Атенаис расхохоталась.

– Ей-богу, я говорю серьезно, – продолжала Монтале, – и думаю, что в данном случае мое мнение стоит мнения короля. Не правда ли, Луиза?

– Воспользуемся тем, что эти господа ушли, – сказала Луиза, – перебежим луг и скроемся в чаще.

– Тем более, – заметила Атенаис, – что около замка и театра мелькают какие-то огни, словно готовятся сопровождать высочайших особ.

– Бежим! – воскликнули девушки.

И, грациозно подобрав длинные юбки, они быстро пересекли лужайку между прудом и самой глухой частью парка.

Лавальер, более скромная и стыдливая, чем ее подруги, почти не подымала юбок и не могла бежать так быстро, как они. Монтале и де Тонне-Шарант пришлось подождать ее.

В этот момент человек, скрывавшийся во рву, поросшем лозняком, выскочил и бросился по направлению к замку.

Издали доносился шум колес экипажей, катившихся по дороге: то были кареты королев и принцессы. Их сопровождали несколько всадников. Копыта лошадей мерно постукивали, как гекзаметр Вергилия. С шумом колес сливалась отдаленная музыка; когда она умолкала, на смену ей раздавалось пение соловья. А вокруг пернатого певца в темной чаще огромных деревьев там и сям светились глаза сов, чутких к пению.

Лань, забравшаяся в папоротник, фазан, примостившийся на ветке, и лисица, лежа в своей норе, тоже слушали музыку. Начинаясь внезапно в кустах возня выдавала присутствие этой невидимой публики.

Наши лесные нимфы каждый раз легонько вскрикивали, но, успокоившись, со смехом продолжали путь.

Так они дошли до королевского дуба, который в молодости своей слышал любовные вздохи Генриха II по прекрасной Диане де Пуатье, а позднее Генриха IV – по прекрасной Габриель д'Эстре. Вокруг дуба садовники устроили скамейку из мха и дерна, где короли могли спокойно отдыхать.

XXII. О чем говорили под королевским дубом

Шутки молодых девушек невольно замерли среди лесной тишины. Даже самая веселая, Монтале, заговорила серьезно.

– Как приятно, – вздохнула она, – откровенно поговорить обо всем, главное – о нас самих.

– Да, – отвечала мадемуазель де Тонне-Шарант, – при дворе под бархатом и брильянтами всегда таится ложь.

– А я, – вздохнула Луиза, – никогда не лгу; если я не могу сказать правды, я молчу.

– Этак вы недолго будете в милости, дорогая моя, – бросила Монтале. – Здесь не Блуа. Там мы поверяли старой принцессе все наши горести и желания. Она иногда вспоминала, что и сама когда-то была молода. Она рассказывала нам про свою любовь к мужу, а мы рассказывали ей про слухи о ее любовных похождениях. Бедная женщина! Она вместе с нами смеялась над этим; где-то она теперь?

– Ах, Монтале, – вскричала Луиза, – ты опять вздыхаешь; лес настраивает тебя на серьезный лад.

– Милые подруги, – заметила Атенаис, – вам нечего жалеть о жизни в Блуа; ведь и здесь нам неплохо. При дворе мужчины и женщины свободно говорят о таких вещах, о которых строго-настрого запрещают говорить матери, опекуны, а особенно духовники. А ведь это все-таки приятно, не

правда ли?

– Ах, Атенаис! – проговорила Луиза и покраснела.

– Атенаис сегодня откровенна. Воспользуемся этим, – засмеялась Монтале.

– Да, пользуйтесь; сегодня вечером у меня можно выпытать сокровеннейшие тайны.

– Ах, если бы господин де Монтеспан был с нами! – проговорила Монтале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.